

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2022 – № 1 (14)

Ярославль
2022

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. – № 1 (14). – 155 с. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-1-14

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Т. Н. Гущина, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Т. В. Бугайчук, доктор политических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль; Вейди Чжоу, доктор экономических наук, профессор Института экономики Центрально-Китайского педагогического университета, г. Ухань, КНР; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; П. Л. Карабушенко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; Збигнев Крушевский, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковицы, г. Плоцк, Польша; С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; Д. Г. Сельнер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; Ирэна Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиньша, г. Рига, Латвия; В. А. Фокни, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; А. П. Чернянская, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Я. Ю. Шашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; В. А. Ясвин, доктор психологических наук, профессор, и. о. заведующего междисциплинарной кафедрой образовательных систем и педагогических технологий Московского государственного института международных отношений МИД России, г. Москва.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022
© Авторы статей, 2022

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky

Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU, 2022. – № 1 (14). – 155 p. – ISSN 2658-428X. – DOI 10.20323/2658-428X-2022-1-14

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical sciences, professor, honored worker of science of the Russian Federation, head of the department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political sciences, associate professor, director of the institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. N. Gushchina**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political sciences, professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political sciences, professor of the department of international relations of the Russian presidential academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **T. V. Bugaichuk**, doctor of political sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl; **Wadi Zhou**, doctor of economical sciences, professor of the institute of economics of the Central China normal university, Wuhan, China; **A. V. Volkova**, doctor of political sciences, associate professor, deputy dean of the faculty of political sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical sciences, associate professor of the department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations of Astrakhan state university, Astrakhan; **Zbigniew Krushevsky**, doctor of pedagogical sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **S. A. Pankratov**, doctor of political sciences, professor, head of the department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **D. G. Seltser**, doctor of political sciences, professor, director of the center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political sciences, professor social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical sciences, professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **V. A. Fokin**, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of social and pedagogical sciences, sociology and political sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political sciences, associate professor, head of the department of political sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical sciences, professor of the department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus; **V. A. Yasvin**, doctor of psychological sciences, professor of the institute of pedagogy and psychology of education, Moscow city pedagogical university, Moscow.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences in the following scientific specialties are published: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences)

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Mass media registration: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2022
© Authors of articles, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

*Политические институты,
процессы и технологии*

Попова О. В. Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления _____ **5**

Шпиро Л. А. Кадровый ресурс развития институциональных моделей проектной деятельности в публичном управлении _____ **24**

Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Молодежные патриотические организации «Двух Алтаев»: современное состояние и траектории развития _____ **39**

Асеева Т. А., Качусов Д. А. Влияние участия в патриотических проектах на процесс формирования патриотизма в молодежной среде _____ **55**

Бугайчук Т. В. Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления _____ **70**

*Теория, методика и организация
социально-культурной деятельности*

Голованов В. П. Воспитательная составляющая социализации в системе дополнительного образования детей _____ **81**

Селькова А. В. Критерии формирования профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов _____ **95**

Щербинина О. С., Грушецкая И. Н. Особенности социализации младших школьников с признаками одаренности _____ **111**

Гушина Т. Н., Селиванова О. Г. Педагогическое сопровождение становления субъектности старшеклассника _____ **123**

Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Изучение уровня развития потребности к самообразованию у будущих сотрудников ФСИН России _____ **141**

THE CONTENT

Political institutions, processes and technologies

Popova O. V. Institutionalization of a united system of public power at the city level in the Russian Federation _____ **6**

Shpiro L. A. Human resources for the development of institutional models of project activities in public administration _____ **25**

Shashkova J. Ju., Aseev S. J. Patriotic youth organizations of the “Two Altais”: current state and development patterns _____ **40**

Aseeva T. A., Kachusov D. A. Influence of participation in patriotic projects on the process of patriotism formation in the youth environment _____ **56**

Bugaichuk T. V. Civic identity of the russian younger generation: specifics and patterns of formation _____ **71**

*Theory, methods and organization
of socio-cultural activities*

Golovanov V. P. Educational component of socialization in the system of children’s supplementary education _____ **82**

Selkova A. V. Criteria for the formation of professional intercultural interaction between russian and foreign students _____ **96**

Shcherbinina O. S., Grushetskaya I. N. Features of the socialization of younger schoolchildren with giftedness signs _____ **112**

Gushina T. N., Selivanova O. G. The pedagogical accompaniment of the development of the senior pupil’s subjectivity _____ **124**

Zautorova E. V., Kevlya F. I. Study of the level of need development for self-education in future FSIN Russia students _____ **142**

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Научная статья

УДК 321.6/.8

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-5-23

**Институционализация единой системы публичной власти в РФ
на уровне городского управления и самоуправления**

Попова Ольга Валентиновна

Доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург.

o.popova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0701-7767>

Аннотация. Статья посвящена актуальной научной и практической проблеме становления современной концепции управления городами в контексте реализации современных норм публичной власти. В РФ концепция и практики публичной власти развиваются с начала 1990-х годов и они получили свое окончательное оформление в законодательстве спустя 30 лет. Система самоуправления превращается в «нижний этаж» государственной власти. Это политическое решение несет в себе как несомненные плюсы, так и некоторые минусы. В качестве обязательного условия предполагается рост влияния населения при выработке политики развития города: не просто учет его мнения, но признание предпочтений населения приоритетными для органов власти. Публичная политика управления городом предполагает реализацию так называемых норм опережающего развития, к которым следует отнести: учет реального потенциала всей совокупности материальных и социальных ресурсов; ориентацию на применение наиболее прогрессивных, передовых методов решения актуальных проблем для создания благоприятных условий жизни горожан; использование авторитетной общественной экспертизы стратегических решений; профессионализм управленцев на уровне мировых стандартов; своевременное освоение и использование лучших технологий решения управленческих проблем; адекватное и своевременное разрешение потенциальных противоречий при взаимодействии местной власти и горожан. Современная публичная

© Попова О. В., 2022

политика управления городами все чаще обращается к концепции «умный город». Ее важным компонентом в настоящее время становится практика цифровизации. Однако сейчас в России говорить о внедрении публичной политики управления «умным городом» оправданно только в отношении Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани и Красноярска.

Ключевые слова: публичная власть; публичная политика; городское управление; местное самоуправление; «умный город»

Статья написана в рамках поддержанного РФФИ и ЭИСИ проекта № 21-011-31356 «Исследование трансформаций систем городского управления и самоуправления в условиях конституционной институционализации единой системы публичной власти в РФ»

Для цитирования: Попова О. В. Институционализация единой системы публичной власти в РФ на уровне городского управления и самоуправления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 5-23. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-5-23>

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Original article

Institutionalization of a united system of public power at the city level in the Russian Federation

Olga V. Popova

Doctor of political sciences, professor, head of the department of political institutions and applied political studies, faculty of political sciences, St. Petersburg state university, Saint Petersburg.

o.popova@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0701-7767>

Abstract. The article is devoted to an urgent scientific and practical problem of city management modern concept formation in a context of public authority modern norms implementation. In the Russian Federation, concept and practices of public authority have been developing since the early 1990s. They received their final legalization in the early 2020s. A system of self-government is turning into the “lower floor” of state power. This political decision carries both undoubted pluses and some minuses. As a prerequisite, it is assumed that the population influence will increase in the development of the city's development policy. It is expected not just to take into account the opinion of the citizens, but to recognize the preferences of the population as priority tasks for the activities of the authorities. The public policy of city management involves the implementation of the so-called norms of advanced development. These include: taking into account the real potential of the totality of material and

social resources; orientation to the application of the most progressive, advanced methods of solving urgent problems to create favorable living conditions for citizens; use of authoritative public expertise of strategic decisions; professionalism of managers at the level of world standards; timely development and use of the best technologies for solving management problems; adequate and timely resolution of potential conflicts in the interaction of local authorities and citizens. Modern public policy of urban management is increasingly turning to the “smart city” concept. The practice of digitalization is now becoming its important component. However, now in Russia it is justified to talk about the introduction of public policy of managing a “smart city” only in relation to Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Kazan and Krasnoyarsk.

Keywords: public authority; public politics; city government; local government; smart city

The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 21-011-31356 “City government and self-government systems transformations study in the context of the constitutional institutionalization of the public authority unified system in the Russian Federation”

For citation: Popova O. V. Institutionalization of a united system of public power at the city level in the Russian Federation. *Social and political researches*. 2022;1(14): 5-23. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-5-23>

Введение

Любой современный город представляет собой открытую и подвижную систему, которая объединяет экономическую, социальную, демографическую, экологическую, духовную, политическую и иные подсистемы. Во всем мире четко проявляется тенденция к урбанизации. Согласно данным ООН, в конце 2020 г. в городах проживало 55 % населения всего мира, а к 2050 г. доля городских жителей превысит 2/3 [World Cities Report, 2020]. Внимание к проблеме развития городов у мирового научного и политического сообщества прояви-

лось намного раньше 2016 г., когда был создан Центр ООН по населенным пунктам (Хабитат) и принята «Новая программа развития городов»; еще в 1976 г. была принята «Ванкуверская декларация о населенных пунктах», а в 2007 г. – «Лейпцигская хартия устойчивого европейского города». Содержащиеся в Лейпцигской хартии рекомендации государствам-участникам Европейского Союза в отношении развития городов вполне соответствуют ожиданиям российских граждан и компонентам стратегии развития «умного города».

Речь идет о комплексном подходе к политике развития городов с целью гарантированного обеспечения высокого качества социальных пространств, совершенствования инфраструктуры, сетей, доступного и качественного транспорта, эффективного расходования энергии, стимуляции передовой образовательной политики и профессиональной подготовки (особенно молодежи в бедных районах), поддержки экономики и создания рабочих мест на рынке труда на му-

ниципальном уровне [Insa-Ciriza, 2012].

Россия вполне соответствует этой общей тенденции урбанизации. Три четверти населения нашей страны проживает ныне в городах. При достаточно существенном разбросе количества городского населения в различных федеральных округах (в Южном федеральном округе этот показатель находится в пределах 63 %, в Северо-Западном – 85 %) общее число горожан в России превышает 75 % (см. табл. 1).

Таблица 1.

Доля городского населения Российской Федерации в общей численности населения на 1 января 2020 г. и 1 января 2021 г.*, %

Наименование территории	Доля городского населения, 1 января 2020 г.	Доля городского населения, 1 января 2021 г.
Дальневосточный федеральный округ	72,9	73,0
Приволжский федеральный округ	72,2	72,3
Северо-Западный федеральный округ	84,9	85,0
Северо-Кавказский федеральный округ	50,3	50,4
Сибирский федеральный округ	74,3	74,3
Уральский федеральный округ	81,6	81,7
Центральный федеральный округ	82,3	82,4
Южный федеральный округ (с 29.07.2016)	62,8	63,0
Российская Федерация	74,2	74,7

*Источник: Доля городского населения Российской Федерации в общей численности населения: данные Росстата

Типы городов разнообразны (см. табл. 2). Здесь приведены наиболее часто используемые в общественных науках типологии города. Совершенно очевидно, что вне зависимости от размера города (город-миллионник, малый город и т. д.), его статуса (в Российской Федера-

ции есть три города, имеющие особый статус городов федерального значения) или успешности его существования (например, для нашей страны сверхактуальна проблема развития моногородов), есть некие общие принципы управления – обязательное условие грамотного рас-

поряжения ресурсами территориального образования и инструмен- тальными возможностями населения.

Таблица 2.

Типологии городов

Критерий типологизации	Виды городов
Доминирующая социально-экономическая функция города (В. В. Таболин)	<ul style="list-style-type: none"> – промышленные (индустриальные); – торгово-финансовые; – торгово-промышленные; – сырьевые (газ, нефть, руда, уголь и др.); – портовые; – военные (войсковые); – административные; – учебные; – научные; – лечебно-курортные
Юридический статус	<ul style="list-style-type: none"> – столица государства; – столицы субъектов/административно-территориальных единиц; – города-региональные центры; – прочие
Географическое положение	<ul style="list-style-type: none"> – города в узлах пересечения транспортных путей; – города в крупных горнодобывающих районах; – города в районах крупной обрабатывающей промышленности; – города в районах интенсивного сельского хозяйства
Значимость архитектурно-градостроительного наследия	<ul style="list-style-type: none"> – исторические города международного уровня значимости (уникальная значимость); – исторические города общегосударственного значения (незаурядное наследие); – исторические города регионального значения; – исторические населенные пункты «местного значения»

Создание комфортной среды проживания невозможно без действия механизмов партнерства, обращения власти к помощи гражданского общества, вовлеченности населения в менеджмент города. Основой сбалансированного развития территории выступают городские сообщества гражданских активистов. Эта тенденция активно поддерживается органами государственной власти. В Национальном

проекте «Жилье и городская среда» прямо говорится, что доля граждан, участвующих в решении вопросов развития городской среды, должна вырасти до 30 % к 2024 г. Этот показатель активности не рассматривается как самоцель, но как условие отражения интересов активной части населения страны в реорганизации условий их жизни.

**Публичная власть как
«власть для»:
концептуальная рамка
исследования**

К факторам активизации российских граждан и органов публичной власти в освоении технологий публичного управления в истекшем десятилетии следует отнести изменение нормативно-правовой базы публичной власти и появление многообразных форм организации публичного сотрудничества разных уровней власти и населения [Колесников, 2018; Кузин, 2014].

Фактически в основе этой стратегии лежит введенный профессором С. Осборном с целью определения нового набора стейкхолдеров для осуществления публичной политики термин «Новое публичное управление» (NPG). Концепция NPG требует существенного изменения управления и организации работы органов власти, функционирования государства.

Е. В. Рожков справедливо отмечает, что «в контексте NPG целью участия граждан является не только обеспечение самоуправления граждан в гражданском обществе, но и привлечение частных ресурсов, энергии и идей в области государственного управления и повышения легитимности деятельности органов публичной власти» [Рожков, 2021, с. 69–70].

Хотелось бы отметить, что в контексте современных вариантов теоретических наработок и практик

политического публичного управления тема «власть над» является устаревшей и не отвечающей запросам сегодняшнего дня. «Власть над» четко коррелирует с господством, однобоким пониманием природы политики в XXI веке [Господство против политики, 2019]. В контексте актуальной политики публичного управления целесообразно оперировать парадигмой «власть для». В этом варианте публичная власть, как и практика публичного управления ориентированы на достижение общего блага на основе совместных согласованных действий управляющих и управляемых в публичной сфере [Недяк, 2020]. Публичная власть и политика не являются некими константами. Они рождаются как коллективное действие, проявляются именно в нем и прекращают свое существование совместно [Публичная власть, 2021].

Отечественные исследователи Г. В. Атаманчук, В. И. Патрушев высказали идею опережающего управления городом в современных условиях. С их точки зрения, субъекты городской власти фактически трансформируются в субъекты управления, поэтому предполагается, что в своей профессиональной деятельности они прежде всего: будут «отражать потребности, интересы и цели городского сообщества и его развития»; выступят «приверженцами, носителями и образцами высоких идеалов, ценностей, мотивов и стиля человеческой жизнедеятельности»; будут

руководствоваться целью «разрешения городских жизненных проблем и созидания устойчивого будущего»; перманентно будут осуществлять «актуальную информационно-аналитическую и программно-эвристическую работу, позволяющую предвидеть, прогнозировать, программировать, проектировать и планировать городские переменны»; выступят «авангардом познания, инновационных подходов, смелости и решительности в отражении городской действительности и гармонизации биосоциотехносферы» [Атаманчук, 2020, с. 8]. Подобный подход ориентирован не просто на управление городом его администрацией, а на осуществление в рамках публичного управления политики опережающего развития, включающего в качестве участников и горожан.

В этих условиях, согласно представлению данных авторов, «запускается генератор производства социальной энергии горожан, которая находит свое проявление в трудолюбии, дисциплинированности, ответственности, открытости, инициативе, энтузиазме, гордости за свой город, оптимизме, дружбе, товариществе и взаимопомощи» [Атаманчук, 2020, с. 8–9]. Однако все это может остаться только «благопожеланием» для прогрессивного развития городов, если не будет соблюден ряд условий.

Качественное состояние публичного управления просто невозможно, если не будут учтены со-

стояние, тренды и перспективы изменения всех тех многообразных ресурсов (материальные, технические, людские, временные, политические и т. д.), на которые могут опираться управленческие городские структуры. Исключительно важны «ориентация целей субъектов управления городом на применение наиболее прогрессивных, передовых, выверенных мировой практикой и применимых в нынешней исторической и социальной ситуации способов, форм, методов, механизмов, технологий решения актуальных проблем для создания благоприятных условий жизнедеятельности горожан», синергетический эффект управленческих практик, опирающихся на «тесное взаимодействие научной и общественной мысли», подготовка «персонала управления на уровне развивающегося мирового знания и опыта», «способность своевременно осваивать лучшие механизмы и социальные технологии решения управленческих проблем», гибкость в принятии управленческих решений, высокое качество «взаимодействия местной власти и горожан в решении общих проблем и самореализации личности каждого горожанина в различных сферах деятельности» [Атаманчук, 2020, с. 8–9].

Формирование публичной власти в РФ: результаты исследования

В Российской Федерации сформировалось устойчивое представление о публичной власти как о

многомерном явлении, подразумевающим принадлежность всей полноты власти народу и осуществляющемся как в форме государственной власти, так и в форме местного самоуправления.

Создана трехуровневая система публичной власти. Таким образом, фактически публичная власть представляет собой обобщающее понятие, которое включает государственную власть на федеральном уровне, государственную власть в субъектах федерации и систему органов местного самоуправления [Югов, 2021].

При этом трактовки цели публичной власти различаются существенно.

Можно встретить в современной литературе как минимум три существенно различающихся определения. Так, например, Д. А. Кузин определяет публичную власть как «совокупность общественных отношений, связанных с возможностью субъекта обеспечить подчинение воли объекта в целях реализации закрепленных правом общественных интересов» [Кузин, 2014, с. 319].

Для В. В. Рачинского публичная власть – «это институционализованный легальная социальная власть, реализующая артикулированные общественные интересы определенного территориального сообщества и служащая цели сохранения и развития данного сообщества в качестве целостной системы в соответствии с господ-

ствующим в обществе мировоззрением» [Рачинский, 2003, с. 36].

В. Н. Савин в рамках нормативного институционального подхода определяет публичную власть как суверенную власть, представляющую «способность народа, а также юридически закрепленное право (возможность) лиц, выполняющих функции в государственных или муниципальных органах, оказывать влияние на население государства либо население государственных или муниципальных образований в той или иной сфере общественной жизни от имени самого государства с целью осуществления общегосударственной политики» [Савин, 2000, с. 16].

Публичная власть организуется по территориальному принципу, обладает возможностью осуществлять правотворчество и строится на принципах универсальности, открытости и безличности, возможности взаимодействия с социумом через систему общественных и политических организаций, ориентации на ценности, объективные потребности и интересы общества, выступая и действуя от имени всего общества. Публичная власть ориентирована на обеспечение социальных стандартов жизни определенного уровня, внутренней и внешней безопасности при сохранении воспроизводства себя самой.

Нормативная основа функционирования публичной власти в РФ начала формироваться в первой половине 1990-х годов. Конституция

России (1993) закрепила положение, что государственную власть и публичную власть нельзя отождествлять, а местное самоуправление конституировано как относительно самостоятельный уровень общегосударственного устройства.

Определенную лепту внес Конституционный Суд РФ, который в Постановлении от 24 января 1997 г. № 1-П определил, что местное самоуправление и его органы являются видом публичной власти, а Постановление от 10 июня 1998 г. № 17-П введено в оборот понятие «уровни публичной власти».

Принципы функционирования властных структур различного уровня сформулированы в Федеральном законе № 184-ФЗ 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и в Федеральном законе № 131-ФЗ 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Особенности понимания публичной власти как единой системы после внесения летом 2020 г. поправок в ст. 71, 80, 132 Конституции РФ закреплены в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. N 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (гл. 1, ст. 2 «Понятие единой системы публичной власти»).

На наш взгляд, четко прослеживаются 3 этапа развития публичной

власти в современной России: а) 1990-е годы; б) 2000-е годы; в) 2020-е годы.

В 1990-е годы была сформирована нормативная основа взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти для наиболее эффективного решения общих задач, как непосредственно связанных с вопросами местного значения в интересах населения муниципальных образований, так и по участию местного самоуправления в выполнении тех или иных, имеющих государственное значение, публичных функций на соответствующей территории.

В 2000-е годы произошло законодательное закрепление вопросов местного значения на федеральном уровне и межуровневого взаимодействия. В это десятилетие наблюдалась планомерная отмена выборов мэров городов, происходило развитие института си-тименеджеров. Появилась возможность осуществления компетенции местного самоуправления органами государственной власти. Органы госвласти в этот период достаточно активно начали субсидировать деятельность органов местного самоуправления, фактически оказывая им помощь в осуществлении функций. Кроме того, эксперты отмечают активное развитие института делегирования и перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и орга-

нами государственной власти [Авакьян, 2018; Советов, 2020].

Считается, что именно в этот период стала активно проявляться тенденция к укрупнению муниципальных образований в один большой по числу населения и территории городской или муниципальный округ. Это естественным образом привело к утрате у объединяемых поселений своих собственных органов власти, бюджета, нормативно-правовых актов и иных атрибутов самостоятельного муниципального образования.

По мнению экспертов, реальное местное самоуправление в настоящее время сосредотачивается в небольших территориальных сообществах поселенческого уровня.

В этом смысле наша страна не является первооткрывателем. Уроки зарубежного опыта еще 1970-х годов свидетельствуют, что попытки повысить эффективность местной власти за счет укрупнения дают лишь краткосрочный и несущественный эффект, создавая сложности для жителей реорганизованных территорий в плане получения качественных муниципальных услуг и реализации самоуправления.

Рубеж 2020-х годов ознаменовался увеличением доли публичных функций местных органов самоуправления. Но при этом произошла утрата независимости и самостоятельности в решении местных задач у органов местного самоуправления.

Повсеместное делегирование органами государственной власти полномочий (для решения острых местных проблем) и финансирование конкретных проектов (система «ручного управления») привели к превращению местных органов самоуправления в нижний уровень в иерархии публичной власти [Никовская, 2020; Никовская, 2021].

Следует отметить, что в мировой практике сложились две основные модели местного самоуправления: европейская континентальная и англосаксонская. В первом случае местная власть выступает нижним звеном в системе органов государственной власти, она подчинена вышестоящим уровням публичного управления. Во втором случае система МСУ выделяется из общей структуры государственной власти и приобретает некоторую автономность, так как формируется гражданами и действует, прежде всего, в их интересах. Судя по основным трендам, в РФ явно побеждает европейская континентальная модель.

В настоящее время отработаны основные каналы/институты взаимодействия власти и граждан на уровне управления городом. К ним относят: а) местный референдум по инициативе, выдвинутой совместно представительным органом муниципального образования и главой местной администрации; б) общественные слушания; в) функционирование общественных советов при органах исполнительной власти; г) проведение общественной экс-

пертизы; д) функционирование на локальном уровне системы электронного правительства (управления), учитывающего общественные инициативы, в обязательном порядке информирующего граждан обо всех изменениях в городском поселении и предоставляющего горожанам права контроля; е) институт обращений граждан в органы власти; ж) участие представителей гражданского общества в деятельности органов управления публично-правовых образований.

Следует обратить внимание на частичное пересечение институтов взаимодействия горожан и органов публичного управления с формами оценки деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц. К последним, если судить по научным публикациям последних 5 лет, относят голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, оценку регулирующего воздействия, общественное обсуждение, публичные слушания, оценки эффективности деятельности руководителей исполнительных органов, качества оказания государственных и муниципальных услуг (мониторинг, независимая оценка и т. д.). Кроме того, к формам оценки относят опросы, изучение общественного мнения, а также построение рейтингов управленцев.

Система публичного управления и «умный город»

Первопроходец в исследовании процессов в «умных городах» Дж. Шапиро в начале XXI в. весьма оптимистично оценивал возможности реализации «политики для» в этих типах поселений [Shapiro, 2003; Shapiro, 2005].

Его последователь П. Неиротти описал hard- и soft-взаимодействия в «умных городах», отнеся к hard-взаимодействиям энергетические сети, управление природными ресурсами, управление отходами, мониторинг окружающей среды, транспорта, зданий и общественной безопасности, а к soft-взаимодействиям – образование, культуру, социальное благосостояние, общественное управление и экономику [Neirotti, 2014].

П. Неиротти выделил шесть основных сфер «умного города», к которым применимы современные правила управления наилучшим образом. В этот перечень вошли природные ресурсы и энергетика, транспорт, здания, вопросы здравоохранения, безопасности, развлечений, собственно система управления и экономика [Neirotti, 2014].

В зарубежных исследованиях последних лет акцент ставится на особенностях взаимодействия представителей публичной власти и горожан, в том числе в социальных сетях [Camero, 2019; Caragliu, Del Bo, 2019; Hollands 2018; Komninos, 2020; Таунсенд, 2019].

В России политику «умного города» исследователи стали активно обсуждать в 2010-х годах [Кашкин, 2020].

На уровне управленческих документов эта концепция нашла свое отражение в весьма «техническом» документе – в паспорте ведомственного проекта «Цифровизация городского хозяйства “Умный город”» (Приказ Минстроя России от 31 октября 2018 г. № 695).

В этом документе сформулированы три основные цели: а) повышение конкурентоспособности российских городов; б) формирование эффективной системы управления городским хозяйством; в) создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан.

Концепция «умного города» в трактовке ведомственного проекта опирается на пять ключевых принципов: 1) ориентация на человека; 2) технологичность городской инфраструктуры; 3) повышение качества управления городскими ресурсами; 4) комфортная и безопасная среда; 5) акцент на экономической эффективности, в том числе сервисной составляющей городской среды [Паспорт проекта ... , 2018].

Основным инструментом в данном проекте является широкое внедрение передовых цифровых и инженерных решений в городской и коммунальной инфраструктуре. Как следует из сравнения содержания этого документа и концепции П. Неиротти, наблюдаются явные параллели между теоретическими

принципами и вполне конкретными принципами реализации стратегии «умного города» в нашей стране.

На данный момент считается, что в России наиболее продвинулись в направлении формирования «умных» городов лишь пять мегаполисов: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Красноярск [Прядеин, 2021]. Попытки российских исследователей описывать иные города в контексте концепции «умного города» связаны, скорее, со стратегическим проектированием и планами реализации этой концепции в среднесрочной или даже долгосрочной перспективе.

**Особенности публичного
управления городом
в условиях цифровизации.
Вместо заключения**

А. Н. Чертков сформулировал три гипотетически способные к существованию варианты использования информтехнологий в управленческой коммуникации в эпоху цифровизации. В первой модели информационные технологии существуют как инструмент совершенствования традиционной системы управления. Во второй модели информационные технологии рассматриваются и функционируют как альтернатива «человеческой» управленческой коммуникации. Наконец, третья модель предполагает, что информационные технологии выступают основой создания смешанных алгоритмов человеческой и машинной управленческой

коммуникации [Чертков, 2020]. Сама по себе ни одна из моделей не дает явных преимуществ системе управления, однако политические последствия выбора могут быть существенными [Муталипов, 2021].

Основным трендом современного развития публичной политики в области управления городами является использование цифровых платформ [Oser, 2020; Rabari, 2015; Rahman 2018; Teocharis, 2015; Срничек, 2019]. Рассматривается возможность цифрового управления и на уровне «первокирпичиков» – муниципальных образований [Ватлина, 2019].

Однако для роста эффективности их использования необходимо параллельное использование актуальных гражданских интернет-инициатив, радикально влияющих на систему управления. Исследователь И. А. Бронников выделяет многочисленные типы сервисов (сервисы жалоб, сбора средств, координации, обсуждений), технологии подачи онлайн-петиций, развитие практик краудсорсинга, развитие гражданской журналистики и электронные референдумы [Бронников, 2020].

Таблица 3.

Характеристики гражданского онлайн-участия в решении проблем городов в зависимости от позиции представителей публичной власти*

Критерий	Вовлечение	Отчуждение
Внешние причины	Увеличение возможности получения и распространения информации. Снижение структурных, нормативных и пространственно-временных ограничений. Свобода выражения собственного мнения	Контроль со стороны власти путем создания конкурентоспособных ресурсов. Институциональная среда
Проявление	Коллективная мобилизация. Координация действий. Социальная поддержка	Формальные практики. Фейковые практики. Слактивизм
Результат	Возможность оказания влияния/давления на власть. Решение проблем городского сообщества	Имитация деятельности
Особенности	Усиление при давлении со стороны власти	Преобладание реактивных практик, возлагающих ответственность за решение проблем на власть

* Составлено по [Смолева, 2021, с. 102]

Как бы там ни было, но доминирующей стороной в принятии решения о стратегии онлайн-взаимодействия с гражданами по

вопросам управления городом остаются органы власти [Киреева, 2020]. Преимущественно от их ориентации на вовлечение или отчуж-

дение граждан (см. табл. 3) и будет определен результат: доминирование формальных и фейковых практик с имитацией активности или реальное, деловое, оперативное решение проблем города и городского сообщества.

Хотя, согласно точке зрения Ф. Фукуямы, успешное управление всегда является продуктом баланса между государством и социальными институтами, гарантирующим

предсказуемость и соответствие государственных актов общественным интересам, а цифровизация этому явно может способствовать, наиболее вероятной тенденцией трансформации публичной власти в управлении городами России станут этапизация и усиление корпоративного контроля – «рефеодализация» в терминологии Ю. Хабермаса [Habermas, 1992].

Библиографический список

1. Авакьян С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 7–13.
2. Алтухов А. В. Юридические аспекты цифровых платформенных технологий управления «умными городами» / А. В. Алтухов, С. Ю. Кашкин // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2020. № 1. С. 77-82. DOI: 10.25586/RNU.V9276.20.01.P.077.
3. Атаманчук Г. В. Опережающее управление городом / Г. В. Атаманчук, В. И. Патрушев // Управление городом: теория и практика. 2020. № 3 (37). С. 7-11.
4. Бронников И. А. Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. С. 269–285.
5. Ватлина Л. В. Цифровые инструменты в системе муниципального управления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 3. С. 135-139.
6. Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной политики и потенциал стратегий политических изменений / отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. Москва : Политическая энциклопедия, 2019. 319 с.
7. Киреева Т. В. Интернет-коммуникации между властью и пользователями социальных сетей: состояние и перспективы развития // Управление городом: теория и практика. 2020. № 2 (36). С. 10-14.
8. Колесников В. А. Государственная власть и публичная власть: к исследованию взаимосвязи в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Том 7. № 1А. С. 20-30.
9. Кузин Д. А. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, принципы // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 1 (57). С. 317-321.
10. Муталипов Р. Б. Публичное управление современным городом // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и

правовые исследования. 2021. Том 7. № 3 (27). С. 116-130. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-116-130.

11. Недяк И. Л. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации / И. Л. Недяк, Т. В. Павлова, С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 42-53. <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>.

12. Никовская Л. И. Проблемные аспекты функционирования института защиты и продвижения общественных интересов в публичном пространстве в региональном измерении // Социально-политические исследования. 2020. № 2 (7). С. 5–19. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-2-7-5-19.

13. Никовская Л. И. О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики (на примере Костромской и Ярославской областей) / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 38-56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.04>.

14. Паспорт проекта от 31 октября 2018 г. № 695 // Минстрой России. URL: http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/9fe/pasport-proekta_31.10.2018_695_pr_YAkushev_V.V._CHibis_A.V.pdf. (Дата обращения: 15.09.2021).

15. Прядеин А. А. Методологические особенности стратегического планирования развития внутри городских территорий крупнейшего города / А. А. Прядеин, Н. В. Казакова // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 228. № 2. С. 341-354. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-341-354.

16. Публичная власть: система, компетенции : монография / под общ. ред. М. Н. Кобзарь-Фроловой ; отв. ред. И. В. Глазунова. Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. 237 с.

17. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория. Уфа, 2003. 195 с.

18. Рожков Е. В. Индикативное планирование роста доходной части бюджета муниципального образования на основе целевой программы управления муниципальным имуществом // Информационные технологии в управлении и экономике. 2021. № 3. С. 62-81.

19. Савин В. Н. Ответственность государственной власти перед обществом // Государство и право. 2000. № 12. С. 39–42.

20. Смолева Е. О. Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25, № 2. С. 90–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.6.

21. Советов И. К. Публичная власть в России по Конституции 2020 года // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 43-52.

22. Срничек Н. Капитализм платформ. Москва : Дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

23. Таунсенд Э. Умные города. Большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии. Москва : Издательство Института Гайдара, 2019. 400 с.

24. Чертков А. Н. Внедрение информационных технологий в публичное управление регионального и муниципального уровня: инструмент или

альтернатива? // Единство публичной власти в условиях современного общества: сборник трудов Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления / отв. ред. В. В. Балытников. Москва : ИИУ МГОУ, 2020. С. 81-90.

25. Югов А. А. Органы публичной власти по законодательству России: электронная монография. Казань : Бук, 2021. 122 с.

26. Camero A., Alba E. Smart city and information technology: A review // *Cities*. 2019. Vol. 93. P. 84-94.

27. Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. Smart Cities in Europe // Series research memoranda 0048 / VU University Amsterdam, faculty of economics, business administration and econometrics, 2019.

28. Habermas J. Further reflections on the public sphere // Calhoun C. (ed.) *Habermas and the public sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1992.

29. Hollands R. G. Will the real smart city please stand up? // *City*. 2018. Vol. 12, № 3. P. 303-320.

30. Insa-Ciriza R. Two ways of new towns development: A tale of two cities. In: *Urban development*. Ed. by Dr. Serafeim Polyzos. intech publ., 2012. P. 219–242. DOI: 10.5772/37906.

31. Komninos N. *Intelligent cities: Innovation, knowledge systems and digital spaces*. N.Y. : Routledge, 2020. 320 p.

32. Neirotti P. Current trends in smart city initiatives: some stylized facts // *Cities*. 2014. Vol. 38. P. 25–36.

33. Oser J., Boulianne S. Reinforcement effects between digital media use and political participation: A meta-analysis of repeated-wave panel data // *Public opinion quarterly*. 2020. Vol. 84 (S1). P. 355–365. DOI: 10.1093/poq/nfaa017.

34. Rabari C., Storper M. The digital skin of cities: Urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and Big Data // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2015. Vol. 8. Issue 1. P. 27-42.

35. Rahman K.S. Regulation informational infrastructure: Internet platforms as the new public utilities // *Georgetown law technology review*. 2018. Vol. 2(2). P. 234-251.

36. Shapiro J. Smart cities: Quality of life, Productivity, and the growth effects of human capital. 2005. № 2 (88). P. 1–35.

37. Shapiro J.M. Smart cities: explaining the relationship between city growth and human capital // *SSRN Electronic journal*. 2003.

38. Teocharis Y. The conceptualization of digitality networked participation. *Social media society*, 2015, vol. 2, iss. 1. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305115610140>.

39. World cities report 2020. The value of sustainable urbanization. URL: <https://unhabitat.org/wcr/>. (Дата обращения: 07.10.2021).

Reference list

1. Avak'jan S. A. *Struktura publichnoy vlasti v Rossii: problemy formirovaniya i razvitiya* = The structure of public power in Russia: problems of formation and development // *Vestnik Sibirskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2018. № 4 (33). S. 7–13.

2. Altuhov A. V. Juridicheskie aspekty cifrovyyh platformennyh tehnologij upravlenija «umnymi gorodami» = Legal aspects of smart city digital platform technologies / A. V. Altuhov, S. Ju. Kashkin // Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Serija «Chelovek i obshhestvo». 2020. № 1. S. 77-82. DOI: 10.25586/RNU.V9276.20.01.P.077.

3. Atamanchuk G. V. Operezhajushhee upravlenie gorodom = Leading city governance / G. V. Atamanchuk, V. I. Patrushev // Upravlenie gorodom: teorija i praktika. 2020. № 3 (37). S. 7-11.

4. Bronnikov I. A. Samoorganizacija grazhdan v jepohu cifrovyyh kommunikacij = Self-organization of citizens in the era of digital communications // Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo. 2020. T. 13. S. 269–285.

5. Vatlina L. V. Cifrovye instrumenty v sisteme municipal'nogo upravlenija = Digital tools in the municipal management system // Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta. 2019. № 3. S. 135-139.

6. Gospodstvo protiv politiki: rossijskij sluchaj. Jeffektivnost' institucional'noj politiki i potencial strategij politicheskikh izmenenij = Domination against politics: the Russian case. Effectiveness of institutional policies and the potential of policy change strategies / otv. red. S. V. Patrushev, L. E. Filippova. Moskva : Politicheskaja jenciklopedija, 2019. 319 s.

7. Kireeva T. V. Internet-kommunikacii mezhdju vlast'ju i pol'zovateljami social'nyh setej: sostojanie i perspektivy razvitija = Internet communication between the authorities and users of social networks: state and development prospects // Upravlenie gorodom: teorija i praktika. 2020. № 2 (36). S. 10-14.

8. Kolesnikov V. A. Gosudarstvennaja vlast' i publichnaja vlast': k issledovaniju vzaimosvjazi v sovremennoj Rossii = State power and public power: to the study of the relationship in modern Russia // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2018. Tom 7. № 1A. S. 20-30.

9. Kuzin D. A. Publichnaja vlast' v Rossijskoj Federacii: ponjatie, principy = Public authority in the Russian Federation: concept, principles // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1 (57). S. 317-321.

10. Mutalipov R. B. Publichnoe upravlenie sovremennym gorodom = Public administration of the modern city // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovanija. 2021. T 7, № 3 (27). S. 116-130. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-3-116-130.

11. Nedjak I. L. Politicheskoe pole i zona vlasti: versii ideal'nogo tipa i opyt jempiricheskoj verifikacii = Political field and zone of power: versions of the ideal type and experience of empirical verification / I. L. Nedjak, T. V. Pavlova, S. V. Patrushev, L. E. Filippova // Sociologicheskie issledovanija. 2020. № 1. S. 42-53. <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>.

12. Nikovskaja L. I. Problemnye aspekty funkcionirovanija instituta zashhity i prodvizhenija obshhestvennyh interesov v publichnom prostranstve v regional'nom izmerenii = Problematic aspects of the functioning of the institution for the protection and promotion of public interests in the public space in the regional dimension // Social'no-politicheskie issledovanija. 2020. № 2 (7). S. 5–19. DOI: 10.20323/2658-428X-2020-2-7-5-19.

13. Nikovskaja L. I. O sostojatel'nosti institutov i sub#ektov municipal'noj publichnoj politiki (na primere Kostromskoj i Jaroslavskoj oblastej) = On the viability of institutions and subjects of municipal public policy (using the example of the Kostroma and Yaroslavl regions) / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Polis. Politicheskie issledovanija. 2021. № 3. S. 38-56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.04>.
14. Paspport proekta ot 31 oktjabrja 2018 g. № 695 = Project passport dated October 31, 2018 No. 695 // Ministroj Rossii. URL: http://www.minstroyrf.ru/upload/iblock/9fe/paspport-proekta_31.10.2018_695_pr_YAkushev_V.V._CHibis_A.V.pdf. (Data obrashhenija: 15.09.2021).
15. Prjadein A. A. Metodologicheskie osobennosti strategicheskogo planirovanija razvitija vnuti gorodskih territorij krupnejshego goroda = Methodological features of strategic development planning within urban areas of the largest city / A. A. Prjadein, N. V. Kazakova // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2021. T. 228. № 2. S. 341-354. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-228-2-341-354.
16. Publichnaja vlast': sistema, kompetencii = Public power: system, competencies : monografija / pod obshh. red. M. N. Kobzar'-Frolovoj ; otv. red. I. V. Glazunova. Voronezh : Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaja kniga», 2021. 237 s.
17. Rachinskij V. V. Publichnaja vlast' kak obshhepravovaja kategorija = Public authority as a general legal category. Ufa, 2003. 195 s.
18. Rozhkov E. V. Indikativnoe planirovanie rosta dohodnoj chasti bjudzhetna municipal'nogo obrazovanija na osnove celevoj programmy upravlenija municipal'nym imushhestvom = Indicative planning for the growth of the revenue part of the municipal budget based on the target program for municipal property management // Informacionnye tehnologii v upravlenii i jekonomike. 2021. № 3. S. 62-81.
19. Savin V. N. Otvetstvennost' gosudarstvennoj vlasti pered obshhestvom = Responsibility of state authorities to society // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 12. S. 39–42.
20. Smoleva E. O. Internet-praktiki uchastija grazhdan v sozdanii komfortnoj gorodskoj sredy (na materialah Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga) = Internet practices of citizens' participation in creating comfortable urban environment (on the materials of the North-Western Federal District) // Problemy razvitija territorii. 2021. T. 25, № 2. S. 90–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.2.112.6.
21. Sovetov I. K. Publichnaja vlast' v Rossii po Konstitucii 2020 goda = Public power in Russia under the 2020 Constitution // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2020. № 3 (87). S. 43-52.
22. Srnichek N. Kapitalizm platform = Platform capitalism. Moskva : Dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2019. 128 c.
23. Taunsend Je. Umnye goroda. Bol'shie dannye, grazhdanskie hakery i poiski novoj utopii = Smart cities. Big data, civilian hackers and search for a new utopia. Moskva : Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2019. 400 c.
24. Chertkov A. N. Vnedrenie informacionnyh tehnologij v publichnoe upravlenie regional'nogo i municipal'nogo urovnja: instrument ili al'ternativa? = The introduction of information technologies in the public admin-istration of the regional and municipal level: a tool or an alternative? // Edinstvo publichnoj vlasti v uslovijah sovremennogo

obshhestva: sbornik trudov Centra issledovanij problem territorial'nogo upravlenija i samoupravlenija / otv. red. V. V. Balytnikov. Moskva : IJU MGOU, 2020. S. 81-90.

25. Jugov A. A. Organy publichnoj vlasti po zakonodatel'stvu Rossii = Public authorities under Russian law : jelektronnaja monografija. Kazan' : Buk, 2021. 122 s.

26. Camero A., Alba E. Smart city and information technology: A review // *Cities*. 2019. Vol. 93. R. 84-94.

27. Caragliu A., Del Bo C., Nijkamp P. Smart cities in Europe // Series research memoranda 0048 / VU University Amsterdam, faculty of economics, business administration and econometrics, 2019.

28. Habermas J. Further reflections on the public sphere // Calhoun C. (ed.) *Habermas and the public sphere*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1992.

29. Hollands R. G. Will the real smart city please stand up? // *City*. 2018. Vol. 12, № 3. P. 303-320.

30. Insa-Ciriza R. Two ways of new towns development: A tale of two cities. In: *Urban development*. Ed. by Dr. Serafeim Polyzos. intech publ., 2012. R. 219–242. DOI: 10.5772/37906.

31. Komninos N. *Intelligent cities: Innovation, knowledge systems and digital spaces*. N.Y. : Routledge, 2020. 320 p.

32. Neirotti P. Current trends in smart city initiatives: some stylized facts // *Cities*. 2014. Vol. 38. P. 25–36.

33. Oser J., Boulianne S. Reinforcement effects between digital media use and political participation: A meta-analysis of repeated-wave panel data // *Public opinion quarterly*. 2020. Vol. 84 (S1). R. 355–365. DOI: 10.1093/poq/nfaa017.

34. Rabari C., Storper M. The digital skin of cities: Urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and Big Data // *Cambridge journal of regions, economy and society*. 2015. Vol. 8. Issue 1. R. 27-42.

35. Rahman K. S. Regulation informational infrastructure: Internet platforms as the new public utilities // *Georgetown law technology review*. 2018. Vol. 2(2). R. 234-251.

36. Shapiro J. Smart cities: Quality of life, productivity, and the growth effects of human capital. 2005. № 2 (88). P. 1–35.

37. Shapiro J. M. Smart cities: explaining the relationship between city growth and human capital // *SSRN Electronic journal*. 2003.

38. Teocharis Y. The conceptualization of digitality networked participation. *Social media society*, 2015, vol. 2, iss. 1. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305115610140>.

39. World cities report 2020. The value of sustainable urbanization. URL: <https://unhabitat.org/wcr/>. (Data obrashhenija: 07.10.2021).

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 17.01.2022; approved after reviewing 02.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья

УДК 351

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-24-38

Кадровый ресурс развития институциональных моделей проектной деятельности в публичном управлении

Шпиро Лаура Артуровна

Ассистент кафедры государственной политики и государственного управления
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар.
laurok98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5409-2922>

Аннотация. Автором описана институциональная модель проектного управления в Российской Федерации, включающая два взаимосвязанных комплекса институциональных механизмов (стратегического проектирования и управления проектами) на национальном и региональном уровнях. Эмпирическими методами исследования выступили традиционный анализ документов и экспертный опрос представителей регионального и ведомственных проектных офисов Краснодарского края), экспертов по проектному управлению. Проведено две волны экспертных интервью (2019 и 2021 гг.), в рамках которых опрошено 40 экспертов. По результатам исследования определен комплекс ресурсов (кадровые, политико-административные, социально-экономические, коммуникативно-сетевые) развития системы проектного управления в органах государственной власти Краснодарского края, а также выявлены и охарактеризованы проблемы в формировании кадровых ресурсов. В современных реалиях кадровый ресурс развития институциональной модели проектной деятельности выступает ключевым в публичном секторе Краснодарского края. В связи с чем определен набор компетенций, необходимых для успешной реализации проектов в органах государственной власти; охарактеризованы технологии развития проектных компетенций государственных гражданских служащих (образовательные, сетевые, психологические, технологии социальных лифтов), реализующих проектную деятельность; разработаны практические рекомендации совершенствования проектного управления в органах государственной власти Краснодарского края, в основе которых работа с проектными командами. Выявленные и сформулированные автором комплекс проблем и факторов, влияющих на эффективность внедрения проектного управления в Краснодарском крае, а также обоснованные ресурсы и технологии развития проектных компетенций

© Шпиро Л. А., 2022

государственных гражданских служащих могут быть использованы при проектировании эффективных институциональных механизмов для дальнейшего развития проектной деятельности в публичном управлении Краснодарского края.

Ключевые слова: публичное управление; проектное управление; органы государственной власти; кадровые ресурсы развития; государственные гражданские служащие; Краснодарский край

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках государственного задания FZEN-2020-0022

Для цитирования: Шпиро Л. А. Кадровый ресурс развития институциональных моделей проектной деятельности в публичном управлении // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 24-38. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-24-38>

Original article

Human resources for the development of institutional models of project activities in public administration

Laura A. Shpiro

Assistant of the department of public policy and public administration, Kuban state university, Krasnodar.

laurok98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5409-2922>

Abstract. The author describes the institutional model of project management in the Russian Federation, which includes two interconnected sets of institutional mechanisms (strategic design and project management) at the national and regional levels. The empirical methods of the study were a traditional analysis of documents and an expert survey of representatives of regional and departmental project offices of the Krasnodar Territory), experts in project management. Two waves of expert interviews were conducted (2019 and 2021), within the framework of which 40 experts were interviewed. According to the results of the study, a set of resources (personnel, political-administrative, socio-economic, communication-network) for the development of the project management system in the state authorities of the Krasnodar Territory was determined, as well as problems in the formation of personnel resources were identified and described. In modern realities, the personnel resource for the development of the institutional model of project activity is key in the public sector of the Krasnodar Territory. In this regard, a set of competencies is defined that are necessary for the successful implementation of projects in state authorities; here are described technologies of development of project competences of state civil servants (educational, network, psychological,

technologies of social elevators) implementing the project activity; practical recommendations for improving project management in the state authorities of the Krasnodar Territory have been developed, based on work with project teams. The set of problems and factors identified and formulated by the author that affect the effectiveness of the implementation of project management in the Krasnodar Territory, as well as reasonable resources and technologies for the development of project competencies of state civil servants, can be used in the design of effective institutional mechanisms for the further development of project activities in the public administration of the Krasnodar Territory.

Keywords: public administration; project management; state authorities; personnel resources of development; civil servants; Krasnodar Territory

The study was carried out with the financial support of the Ministry of education and science of the Russian Federation as part of the state task FZEN-2020-0022

For citation: Shpiro L. A. Human resources for the development of institutional models of project activities in public administration. *Social and political researches*. 2022;1(14):24-38. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-24-38>

Введение

В современных политико-административных системах проектное управление выступает важнейшим элементом эффективной реализации государственных решений. Внедрение проектных методов работы в органах государственной власти Российской Федерации и ее субъектов заложило основания для новой управленческой идеологии, в основе которой изменение стиля управленческой деятельности, формирование новой корпоративной культуры и качественно иного кадрового потенциала. В основе системных изменений – человеческий капитал, выступающий ключевым ресурсом развития проектного управления в органах государственной власти [Коряковцева, 2021]. Государственные граждан-

ские служащие решают целый комплекс различных профессиональных задач, успех решения которых зависит от их профессиональной подготовки. Профессионализм государственных гражданских служащих выступает ключевым фактором, обеспечивающим социальное согласие и доверие в обществе.

Теоретическая основа исследования

Ключевым теоретическим конструктом исследования выступает концепция «нового государственного менеджмента» (New Public Management), получившая широкую популярность после публикации книги Д. Осборна, Т. Гэблера [Osborne, 1992]. Исследователями «нового государственного менеджмента» являются К. Худ, П. Окойн

[Aucoin, 1990], Д. Кеттл [Kettl, 2005] и др. New Public Management – это адаптированный для общественного сектора подход в рамках административных реформ 1980-1990-х гг. в странах англосаксонской системы (США, Великобритания, Новая Зеландия). Концепция заимствует финансовые и управленческие практики частного сектора, происходит переход от традиционного управления к новым форматам, основанным на результатах и эффективности.

К. Худ дает следующие характеристики «новому государственному менеджменту»: «практическое» профессиональное управление; четкие стандарты и показатели результативности; усиление нагрузки на средства контроля (количественные показатели), основанные на результатах (поскольку результаты теперь имеют большее значение, чем процесс); децентрализация; усиление конкуренции внутри самого государственного сектора; более частный стиль управления (включая «гибкие» человеческие ресурсы управления); стремление к эффективности и снижению затрат («делать больше с меньшими затратами») [Hood, 1991]. За этими доктринами лежат растущие политические и социальные ценности, делающие упор в большей степени на эффективность и продуктивность, чем традиционная подотчетность и иерархия.

Административные реформы 1980-х гг., проводимые в демокра-

тических странах, стали «ответом» на критику бюрократической модели государственного управления. Ключевая функция «администрирования», основанного на иерархических принципах, заменяется функцией «руководства» как способом управления экономическим и социальным развитием страны [Сморгунов, 2003], позволяющей привлекать к решению задач государственной политики все субъекты публичного управления и их ресурсный потенциал.

Развитие таких элементов «нового государственного менеджмента» как ориентация на достижение результатов, мониторинг количественных и качественных показателей эффективности деятельности, экономия бюджетных средств, креативная организационная культура стало возможным благодаря набору экономико-стратегических инструментов, характеризующих проектное управление. Проектно-ориентированный подход в государственном управлении представляет собой систему управления, при которой цели исполнительных органов государственной власти достигаются преимущественно через реализацию проектов и программ [Мирошниченко, 2019].

Исследования современных ученых затрагивают разные аспекты внедрения, реализации, повышения эффективности применения проектного управления в контексте концепции «нового государственного менеджмента». Работа

Ж. да А. Моутинью, Р. Р. Джуниор [Moutinho, 2020] обобщает исследование применимости проектного управления в публичном контексте, расширяет дискуссию о сложности публичных проектов. М. Брюне [Brunet, 2019] отмечает 2 основных фактора успешности проектной деятельности: знание институциональной структуры управления проектами и понимание правительственной практики управления проектами, что доказывает на примере четырех проектов общественной инфраструктуры в Канаде. Другие ученые, анализируя опыт как развитых, так и развивающихся стран, приходят к выводу, что применение проектного подхода эффективно в рамках достижения целей общественной инфраструктуры [Gorod, 2018; Khan, 2019].

Кроме того, актуальнее становится исследование проектных компетенций участников команд проектов, чему посвящены работы М. М. Дерус, А. Р. Абдул-Азиз [Derus, 2016], С. Бликст, К. Киротопулос [Blixt, 2017], Г. Журга [Žurga, 2018]. Особый акцент на важности развития проектных компетенций делают А. А. Гридчин, А. В. Пашкевич [Гридчин, 2020]. Важность обучения в формировании проектных компетенций отмечают Л. Н. Бородина, Дж. Бетта, А. А. Балашов [Вогоніа, 2018]. Г. В. Макарова в целом обосновывает важность профессионального развития государственных гражданских служащих, в основе кото-

рой лежит подготовка и реализация государственными органами власти качественной образовательной стратегии и внедрение инновационных технологий обучения [Макарова, 2018].

Методы исследования

Автором использовались следующие эмпирические методы исследования: традиционный анализ документов и экспертный опрос представителей регионального проектного офиса (Департамента организации проектной деятельности администрации Краснодарского края), ведомственных проектных офисов, экспертов по проектному управлению, которые привлекаются для реализации программ обучения, экспертов-практиков из бизнес-структур. Проведено две волны экспертных интервью (март-апрель 2019 года, апрель-май 2021 года), в рамках которых опрошено 40 экспертов.

Эмпирическую базу исследования составили нормативные правовые акты федерального и регионального уровня Российской Федерации; аналитические и отчетные материалы, представленные на официальных сайтах Президента и Правительства РФ, научно-образовательного центра проектного менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы, автономной некоммерческой организации «Центр оценки и развития проектного управления», конкурса профессионального управления проектной деятельностью «Проектный Олимп», а

также кадрового конкурса Южного Федерального округа «Лидеры Кубани – движение вверх!».

Результаты исследования

Институциональная модель проектной деятельности в РФ представляет собой стратегическое проектирование и управление проектами на федеральном и региональном уровнях. Формирование институциональной системы проектного управления началось в 2016 г. с принятия Постановления Правительства РФ от 15 октября 2016 г. №1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». Тогда реализовывалось 29 приоритетных проектов и программ. Сегодня центральным документом, регламентирующим проектную деятельность, является Постановление Правительства РФ от 31 октября 2018 г. № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» [Постановление Правительства ... , 2018], определяющее порядок организации проектной деятельности, процесс реализации проектов, органы управления, функции и полномочия участников проектной деятельности.

В мае 2018 года был подписан Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», которым установлены 9 национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года [Указ Президента РФ

№ 204 ... , 2018]. Корректировку в национальные цели внес вновь подписанный Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», в соответствии с которым определены национальные цели развития России на период до 2030 года: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация [Указ Президента РФ № 474 ... , 2020].

Организационная структура управления проектами включает в себя Президиум Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам – главный орган, регулирующий проектную деятельность на федеральном уровне, а также органы функциональной структуры – проектный офис Правительства РФ, Министерство экономического развития РФ, ведомственные проектные офисы на базе федеральных органов исполнительной власти, проектные офисы субъектов РФ (региональные и ведомственные), команды проектов, общественно-экспертный совет (коллегиальный орган, формирующийся из представителей экспертных, общественных и деловых объединений, организаций и групп граждан), центр компетенций проектной дея-

тельности (ЦПМ РАНХиГС), Аналитический центр при Правительстве РФ (обеспечивает исполнение функций проектного офиса).

Как видно, институциональная система проектного управления в государственном секторе РФ не ограничена федеральным уровнем. На уровне субъектов РФ реализуются региональные проекты, встраиваемые в систему национальных и федеральных проектов. Региональные власти должны первыми реагировать на потребности населения, поэтому развитие проектного управления в субъектах РФ является важным направлением развития государственного управления на региональном уровне.

Эффективная реализация проектной деятельности на региональном уровне в России определяется комплексом ресурсов: кадровых (компетентность участников проектных команд, готовность и вовлеченность государственных гражданских служащих к изменениям в методах принятия и реализации государственных решений, новых форматах работы); политико-административных (нормативно закреплённая институциональная система органов управления проектной деятельностью, политико-административная элита в регионе); социально-экономических (ресурсная обеспеченность и потенциал социально-экономического развития конкретного субъекта РФ в виде стратегических приоритетов, закреплённого в Стратегиях их раз-

вития); коммуникативно-сетевых (горизонтальные связи в рамках межведомственного взаимодействия и взаимодействия с местным уровнем власти, а также в целом взаимодействие всех субъектов публичной политики).

Формирование проектных компетенций представляет собой важную часть в системе проектного управления в органах государственной власти, так как человеческий капитал – ключевой ресурс развития проектного управления в органах государственной власти. Так, в рамках системы органов исполнительной власти Краснодарского края существует ряд проблем в формировании кадровых ресурсов:

- малое количество компетентных специалистов, которые обладают комплексом компетенций («hard skills» (жесткие навыки) и «soft skills» (мягкие навыки));
- образовательная составляющая проектного управления (обучение проектным компетенциям государственных и муниципальных служащих, реализующих проекты, находится только на стадии формирования и не является практико-ориентированной);
- отсутствие «проектной культуры» в органах исполнительной власти Краснодарского края (неготовность и непонимание возникающих изменений, непринятие проектного управления);
- отсутствие законодательного закрепления системы мотивации и

стимулирования участников проектных команд.

По результатам проведенного эмпирического исследования и включенного наблюдения в реализацию кадровых проектов в сфере государственного и муниципального управления Краснодарского края можно определить ключевые и дефицитные проектные компетенции государственных гражданских служащих, выделить механизмы их развития.

Опрошенные эксперты в большей степени делают акцент на персональных и управленческих компетенциях, так как успех проекта зависит от эффективности каждого члена проектной команды. Знания основ проектной деятельности приобретаются в основном в рамках обучения, а личностные качества (надпрофессиональные навыки) накапливаются с опытом и в рамках постоянной включенности в интерактивные и командные форматы работы. Так, выделяется следующий набор компетенций для участников проектной деятельности: «Стратегическое мышление, умение планировать, умение гибко реагировать на изменение ситуации, умение предусматривать риски и возможности и пути их изменения и применения, опыт проектной деятельности в бизнесе, компетенции в сфере проектного управления, опыт реализации проектов» (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, жен., 2019); «Есть минимальные базовые знания по управлению про-

ектами, которые должен знать участник проекта, например, ГО-СТы на эту тему, РМВОК(и). Это уже давным-давно исследованная область. Есть определенное количество областей знаний и определенные процессы. Вот управление этими процессами, управление этими областями знаний – это и является профессиональными компетенциями, то есть, допустим, управление человеческими ресурсами, управление временем, управление коммуникациями и т. д. и т. п.» (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, муж., 2021); «Компетенции поведенческие – это компетенции, присущие менеджерам. Это эффективность личная, это коммуникабельность личная, то есть вот такие вещи, которые являются базовыми для менеджера. Это наиболее эффективные люди в команде проекта» (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, муж., 2021); «В проектном управлении не столько нужны hard skills, сколько нужны soft skills. Это то, что приобретается с опытом, это не то, с чем ты рождаешься, это не знания. Не достаточно только знаний фактических» (Эксперт, представитель ведомственного проектного офиса, жен., 2019).

Говоря о дефицитных компетенциях, именно персональные качества отмечаются таковыми: «Ну тут, наверное, в первую очередь, ключевой дефицитной компетенцией является целеустремленность,

работа на цель. Если говорить о государственном секторе и устойчивом процессном подходе, то, когда отсутствуют четкие требования к результату и показатели, по которым меряют эффективность деятельности, как в проектном управлении, трудно ожидать высокой эффективности» (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, жен., 2021).

Причем, недостаток личностных навыков и пассивное отношение к возникающим изменениям (переход на проектные форматы работы) связывают с отсутствием системы мотивации и стимулирования государственных гражданских служащих: *«Ну и ключевое – это мотивация. Если человека не стимулировать, не мотивировать к внедрению изменения в новой парадигме работать, то соответственно он не будет этого делать, поэтому вот система мотивации, ее отсутствие – это, наверное, ключевое такое для того, чтобы внедрять»* (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, муж., 2021). Барьеры в развитии системы мотивации и стимулирования связывают с ограничениями в законодательстве: *«Нематериальное стимулирование оно разработано, но есть ограничения в краевом законодательстве (870-КЗ) – краевой закон. Нами подготовлена законодательная инициатива и положение о нематериальной мотивации. После принятия закона уже можно*

будет продвигать нематериальную мотивацию» (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, жен., 2021); *«Наверное, ключевой барьер – это все-таки 79 федеральный закон, то, что мы с вами говорили. В чем отличие проектного подхода от процессного, то, что человек работает на достижение конкретно измеримой цели по SMARTу. 79-ФЗ не обуславливает это, да там предусмотрено внедрение KPI (ключевые показатели эффективности) для государственных гражданских служащих, но на практике это не реализовано в должной степени. Для того, чтобы внедрить любое изменение, а внедрение проектного управления – это является изменением по своей сути – необходима мотивация»* (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, муж., 2021); *«Механизм мотивации также не совсем гибкий. 79-ФЗ «О государственной гражданской службе» ... Закреплены в нем принципы оплаты труда служащих и то, как формируется вознаграждение государственных гражданских служащих, сильно не позволяет варьировать зарплату. Существуют определенные надбавки, например, за сложность и напряженность, которые могут изменяться, но в абсолютном выражении это не более 3-5 тысяч рублей. Также есть премии, но фонд оплаты труда служащих ограничен. Если сравнивать с коммерческим сектором, то там за успешность*

реализации проекта значительно большие премии. Там 100-150-200 тысяч. А здесь...» (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, жен., 2021).

Резюмируя ответы экспертов, сделаем заключение о том, что набор компетенций, необходимых для успешной реализации проектов в органах государственной власти, включают три составляющие:

- технические навыки (прикладные компетенции) – это знания и навыки работы с проектами (объем, сроки, бюджет, риски). Они являются самыми простыми и наиболее быстро осваиваемыми;

- человеческие навыки (персональные компетенции) – это индивидуальные особенности специалистов, умение работать в команде и способность осуществлять коммуникации;

- политические навыки (управленческие компетенции) – это навыки, необходимые руководителям команды проекта для управления и работы как «внутри» проекта, так и со стейкхолдерами (заинтересованными лицами проекта).

Какие технологии развития проектных компетенций государственных гражданских служащих в современных реалиях являются ключевыми?

Образовательные технологии – основной механизм в развитии проектных компетенций государственных гражданских служащих. Система непрерывного образования для развития как личностных, так и профессиональных компетенций

сегодня является трендом в государственном управлении.

На базе высших учебных заведений Краснодарского края могут реализовываться образовательные модули, включающие в себя две составляющие:

- теоретический блок – направленность на развитие hard skills (обзор предметных областей управления проектом, специфики проектной деятельности в органах государственной власти);

- практический блок – направленность на развитие hard и soft skills (интерактивные командные форматы, включающие моделирование конкретных ситуаций с нахождением управленческих решений).

Задействованные в реализации проектного подхода в органах государственной власти Краснодарского края государственные гражданские служащие отмечают, как важно и нужно организовывать обучение: *«Конечно, больше обучения, как я уже сказала, однозначно. То есть вот эти наши организованные с 2017 года обучающие мероприятия, проводимые региональным проектным офисом, это классная история, которая учит людей работать в команде, притом не знакомых людей или малознакомых. Плюс, может не совсем это имеет отношение к проектному управлению, но в том числе, конкурс «Лидеры Кубани» – хороший конкурс, на самом деле. Конкурс, который помогает как раз развивать нужные качества для проектного*

управления, потому что в проектном управлении не столько нужны *hard skills*, сколько нужны *soft skills*. Это то, что приобретается с опытом, это не то, с чем ты рождаешься, это не знания. Недостаточно только знаний фактических» (Эксперт, представитель ведомственного проектного офиса, жен., 2019); «Важно обучение и вовлечение всех государственных служащих» (Эксперт, представитель регионального проектного офиса, муж., 2019).

Образовательные технологии тесно связаны с сетевыми технологиями, что отражается во взаимодействии с образовательными организациями, осуществляющими подготовку государственных гражданских служащих и развитие их проектных компетенций, а также в межведомственном взаимодействии в рамках системы органов государственного управления. Кроме того, сетевые технологии важны в форматах организации переговорных площадок для обмена опытом с бизнес-сообществом, а также опыта реализации проектов в субъектах РФ.

Технологии социальных лифтов в Краснодарском крае реализуются через новый механизм рекрутирования кадров с необходимым набором компетенций – кадровый конкурс Южного федерального округа «Лидеры Кубани – движение вверх!», целью которого является выявление талантливых и перспективных специалистов и руководителей Краснодарского края, их развитие и при-

влечение на государственную, гражданскую и муниципальную службу [Кадровый конкурс ... , 2022]. В рамках полуфиналов и финала конкурса проводятся очные практические испытания (оценка управленческого потенциала и лидерских способностей). В формате конференций и деловых игр проходит обсуждение российских и мировых трендов управления. В рамках интенсивного нетворкинга, комплексной проверки знаний и навыков управления отбираются лучшие специалисты, которые включаются в кадровый резерв Краснодарского края и получают возможность сотрудничать с наставниками из числа представителей государственной власти и бизнеса.

Психологические технологии в развитии проектных компетенций государственных гражданских служащих связаны с двумя аспектами: разработкой мотивационных схем для участников проектных команд, успешно реализующих проекты (созданием инструментов поддержки управленческих кадров, успешно реализующих проекты различного уровня (не только материальное стимулирование, но и нематериальное, включающее в себя следующее: конкурсы и рейтинги лучших проектных менеджеров и реализованных проектов, публичный мониторинг и оценка эффективности реализации проектов), и, следовательно, ценностной интеграцией в систему корпоративной культуры проектного управления), а также диа-

гностикой каждого члена проектной команды, уровня удовлетворенности и оценки готовности занимать определенную роль в проекте.

Заключение

Административные реформы в современной России, проявляющиеся во внедрении проектного подхода, способствующего достижению стратегических приоритетов, были бы невозможны без формирования качественно иного кадрового потенциала.

Эмпирическое исследование позволило выявить проблемы в формировании кадровых ресурсов в рамках трансформации системы государственного управления, определить механизмы развития и совершенствования проектного управления в органах власти Краснодарского края, к числу которых относятся: нормативное закрепление требований, предъявляемых к государственным гражданским

служащим – участникам проектных команд (создание «модели компетенций»); формирование проектной культуры в органах государственной власти Краснодарского края и закрепление системы мотивации и стимулирования, в том числе нематериальной (рейтинги лучших проектных команд, руководителей проектов); разработка внутреннего проектного информационного ресурса Краснодарского края, обеспечивающего доступ к актуальной информации о проектной деятельности, в том числе создание «проектного глоссария» и базы знаний проектной деятельности, содержащей лучшие практики реализации на федеральном и региональном уровнях в РФ; реализация обучающих интерактивных форматов, а также нетворкингов с привлечением научного и бизнес-сообщества.

Библиографический список

1. Гридчин А. А. Проектное управление в структуре профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих / А. А. Гридчин, А. В. Пашкевич // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5(73). С. 26-31.
2. Кадровый конкурс Южного федерального округа «Лидеры Кубани – движение вверх!»: официальный сайт. Краснодар. URL: <https://лидерикубани.рф>. (Дата обращения: 14.01.2022).
3. Коряковцева О. А. Исследование становления гражданской идентичности молодого поколения россиян: интегративный подход / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Социально-политические исследования. 2021. № 3 (12). С. 15-23.
4. Макарова Г. В. Управление профессиональным развитием гражданских служащих // Среднерусский вестник общественных наук. Серия: Социология. 2018. Т. 13, № 5. С. 30-47.
5. Мирошниченко И. В. Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и российская практика / И. В. Мирошниченко, Л. А. Шпиро // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 3. С. 360-368.

6. Постановление Правительства РФ № 1288 от 31.10.2018 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/551541664>. (Дата обращения: 14.01.2022).

7. Сморгун Л. В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «GAVERNANCE» // Полис. Политические исследования. 2003. № 4. С. 50-58.

8. Указ Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>. (Дата обращения: 14.01.2022).

9. Указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>. (Дата обращения: 14.01.2022).

10. Aucoin P. Administrative reform in public management: Paradigms, principles, paradoxes and pendulums // Governance. 1990. Volume 3. P. 115-137.

11. Blixt C. Challenges and competencies for project management in the Australian public service / C. Blixt, K. Kirytopoulos // International journal of public sector management. 2017. Volume 30, No. 3. P. 286-300. <https://doi.org/10.1108/IJPSM-08-2016-0132>

12. Boronina L. N. Transparency of project learning: experience of professional training of specialists in public administration / L. N. Boronina, J. Betta, A. A. Baliasov // ICERI Proceedings. 2018. P. 4400-4410.

13. Brunet M. Governance-as-practice for major public infrastructure projects: A case of multilevel projectgoverning // International journal of project management. 2019. Volume 37, Issue 2. P. 283-297.

14. Derus M. M. Critical technical competencies of public sector project managers in developing countries / M. M. Derus, A. R. Abdul-Aziz // Pertanika journal of social science and humanities. 2016. Volume 24, Issue 2. P. 587-604.

15. Gorod A. A. Systemic approach to complex project management: Integration of command-and-control and network governance / A. Gorod, L. Hallo, T. Nguyen // Systems research and behavioral science. 2018. Volume 35, Issue 6. P. 811-837.

16. Hood C. A. Public management for all seasons? // Public administration. 1991. № 69(1). P. 3-19.

17. Kettl D. F. The global public management revolution. Brookings Institution Press, 2005. 108 p.

18. Khan A. Deficiencies in project governance: An analysis of infrastructure development program / A. Khan, M. Waris, I. Ismail, MR. Sajid, M. Ullah, F. Usman // Administrative sciences. 2019. Volume 9. Issue 1. No 9, <https://doi.org/10.3390/admsci9010009>.

19. Moutinho J. da A. Project management in the public context: research field mapping / J. da A. Moutinho, R. R. Junior // Brazilian journal of public administration. 2020. Volume 54(5). P. 1260-1285.

20. Osborne D., Gaebler T. Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector. Reading, MA : Addison-Wesley, 1992. 432 p.

21. Žurga G. Project management in public administration. TPM – Total Project management maturity model. The case of slovenian public administration // Transylvanian review of administrative sciences. 2018. No. 53 E/2018. P. 144-159.

Reference list

1. Gridchin A. A. Proektnoe upravlenie v strukture professional'nyh kompetencij gosudarstvennyh i municipal'nyh sluzhashhih = Project management in the structure of professional competencies of state and municipal employees / A. A. Gridchin, A. V. Pashkevich // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2020. № 5(73). S. 26-31.

2. Kadrovij konkurs Juzhnogo federal'nogo okruga «Lidery Kubani – dvizhenie vverh!»: oficial'nyj sajt. Krasnodar = Personnel competition of the Southern Federal District “Kuban Leaders – Upward Movement!”: Official website. Krasnodar. URL: <https://liderykubani.rf>. (Data obrashhenija: 14.01.2022).

3. Korjakovceva O. A. Issledovanie stanovlenija grazhdanskoj identichnosti mladogo pokolenija rossijan: integrativnyj podhod = Study of the formation of the civic identity of the younger generation of Russians: an integrative approach / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Social'no-politicheskie issledovanija. 2021. № 3 (12). S. 15-23.

4. Makarova G. V. Upravlenie professional'nym razvitiem grazhdanskih sluzhashhih = Management of professional development of civil servants // Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. Serija: Sociologija. 2018. T. 13. № 5. S. 30-47.

5. Miroshnichenko I. V. Proektnoe upravlenie v gosudarstvennom sektore: zarubezhnyj opyt i rossijskaja praktika = Project management in the public sector: foreign experience and Russian practice / I. V. Miroshnichenko, L. A. Shpiro // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2019. T. 3. № 3. S. 360-368.

6. Postanovlenie Pravitel'stva RF № 1288 ot 31.10.2018 g. «Ob organizacii proektnoj dejatel'nosti v Pravitel'stve Rossijskoj Federacii» = Decree of the Government of the Russian Federation No. 1288 of 31.10.2018 “On the organization of project activities in the Government of the Russian Federation”. URL: <https://docs.cntd.ru/document/551541664>. (Data obrashhenija: 14.01.2022).

7. Smorgunov L. V. Sravnitel'nyj analiz politiko-administrativnyh reform: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k koncepcii «GAVERNANCE» = Comparative analysis of political and administrative reforms: from the new state management to the “GAVERNANCE”// Polis. Politicheskie issledovanija. 2003. № 4. S. 50-58.

8. Ukaz Prezidenta RF № 204 ot 07.05.2018 g. «O nacional'nyh celjah i strategicheskikh zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda» = Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of 07.05.2018 “On national goals and strategic objectives for the development of the Russian Federation for the period up to 2024”. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>. (Data obrashhenija: 14.01.2022).

9. Ukaz Prezidenta RF № 474 ot 21.07.2020 g. «O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» = Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of 21.07.2020 “On National Development Goals of the Russian

Federation for the period until 2030". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>. (Data obrashhenija: 14.01.2022).

10. Aucoin P. Administrative reform in public management: Paradigms, principles, paradoxes and pendulums // *Governance*. 1990. Volume 3. P. 115-137.

11. Blixt C. Challenges and competencies for project management in the Australian public service / C. Blixt, K. Kirytopoulos // *International journal of public sector management*. 2017. Volume 30, No. 3. P. 286-300. <https://doi.org/10.1108/IJPSM-08-2016-0132>.

12. Boronina L. N. Transparency of project learning: experience of professional training of specialists in public administration / L. N. Boronina, J. Betta, A. A. Baliarov // *ICERI Proceedings*. 2018. P. 4400-4410.

13. Brunet M. Governance-as-practice for major public infrastructure projects: A case of multilevel projectgoverning / M. Brunet // *International journal of project management*. 2019. Volume 37, Issue 2. P. 283-297.

14. Derus M. M. Critical technical competencies of public sector project managers in developing countries / M. M. Derus, A. R. Abdul-Aziz // *Pertanika journal of social sciences and humanities*. 2016. Volume 24, Issue 2. P. 587-604.

15. Gorod A. A. Systemic approach to complex project management: Integration of command-and-control and network governance / A. Gorod, L. Hallo, T. Nguyen // *Systems research and behavioral science*. 2018. Volume 35, Issue 6. P. 811-837.

16. Hood C. A. Public management for all seasons? // *Public administration*. 1991. № 69(1). P. 3-19.

17. Kettl D. F. *The global public management revolution*. Brookings Institution Press, 2005. 108 p.

18. Khan A. Deficiencies in project governance: An analysis of infrastructure development program / A. Khan, M. Waris, I. Ismail, MR. Sajid, M. Ullah, F. Usman // *Administrative sciences*. 2019. Volume 9, Issue 1, No 9, <https://doi.org/10.3390/admsci9010009>.

19. Moutinho J. da A. Project management in the public context: research field mapping / J. da A. Moutinho, R. R. Junior // *Brazilian journal of public administration*. 2020. Volume 54(5). P. 1260-1285.

20. Osborne D., Gaebler T. *Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1992. 432 p.

21. Žurga G. Project management in public administration. TPM – Total Project management maturity model. The case of Slovenian public administration // *Transylvanian review of administrative sciences*. 2018. No. 53 E/2018. P. 144-159.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 04.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 19.01.2022; approved after reviewing 04.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья

УДК 323.3

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-39-54

**Молодежные патриотические организации «Двух Алтаев»:
современное состояние и траектории развития**

Шашкова Ярослава Юрьевна^{1✉}, Асеев Сергей Юрьевич²

¹Доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул.

²Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул.

¹yashashkova@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0002-6126-7097>

²suass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1095-4038>

Аннотация. Статья посвящена анализу спектра молодежных патриотических организаций в Алтайском крае и Республике Алтай. На основе данных проведенного осенью 2020 г. массового опроса школьников 8-11 классов показана низкая оценка подростками роли этих организаций в формировании патриотизма и малая вовлеченность в их деятельность. Изучение основных направлений функционирования существующих патриотических организаций позволило сделать вывод о преобладании среди них военно-спортивных организаций, занимающихся подготовкой юношей к армии и пропагандой державно-милитаристской версии патриотизма. На их фоне гораздо меньшую долю спектра занимают поисковые отряды и музеи при школах и других организациях. Выделена тенденция усиления значимости в регионах отделений ресурсно-обеспеченных общероссийских движений «Российское движение школьников» и «Юнармия». Их проекты охватывают все основные направления патриотической работы с молодежью, что приводит к поглощению «РДШ» и «Юнармией» созданных ранее патриотических организаций (в первую очередь в образовательных учреждениях) или установлению с ними партнерских отношений. На основании сравнительного анализа структуры патриотических организаций «Двух Алтаев» сделан вывод о ее тождественности, при большем проценте участия молодежи и интенсивности воздействия на нее в национальной республике. Отмечается, что на практике существующий спектр организаций патриотической направленности охватывает в первую очередь юношей из малых городов и сельской местности, лишь фрагментарно привлекая остальные сегменты учащейся молодежи.

© Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю., 2022

Ключевые слова: молодежь; школьники; патриотизм; патриотическое воспитание; патриотические организации; НКО; Сибирь

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00346

Для цитирования: Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Молодежные патриотические организации «Двух Алтаев»: современное состояние и траектории развития // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 39-54. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-39-54>

Original article

Patriotic youth organizations of the “Two Altais”: current state and development patterns

Jaroslava Ju. Shashkova¹✉, Sergej Ju. Aseev²

¹Doctor of political sciences, professor of philosophy and political science, department Altai state university, Barnaul.

²Candidate of historical sciences, associate professor of philosophy and political science, department Altai state university, Barnaul.

¹yashashkova@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-6126-7097>

²suass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1095-4038>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the spectrum of youth patriotic organizations in the Altai Territory and the Altai Republic. Based on the data of the mass survey of schoolchildren in 8-11 grades conducted in the fall of 2020, adolescents show a low assessment of the role of these organizations in the formation of patriotism and little involvement in their activities. The study of the main directions of the functioning of existing patriotic organizations made it possible to conclude that military sports organizations are predominant among them engaged in the preparation of young men for the army and the propaganda of the power-militaristic version of patriotism. Against their background a much smaller share of the spectrum is taken by search teams and museums at schools and other organizations. The trend of increasing importance in the regions of the departments of resource-secured all-Russian movements “Russian Movement of Schoolchildren” and “Unarmia” was highlighted. Their projects cover all the main areas of patriotic work with young people, which leads to the absorption of RMSH and Unarmia of previously created patriotic organizations (primarily in educational institutions) or the establishment of partnerships with them. On the basis of the comparative analysis of the structure of patriotic organizations of the Two Altais, its identity was established, with a higher percentage of youth participation and the intensity of influence on it in the national republic. It was concluded that the modern patriotic organizations of the studied regions are not

able to have a significant impact on the studying youth in view of their small number and limited possibilities of mass mobilization. It is noted that in practice, the existing spectrum of patriotic organizations covers primarily young men from small towns and rural areas, only fragmentally attracting the remaining segments of the student youth.

Keywords: youth; schoolchildren; patriotism; patriotic education; patriotic organizations; NKO (noncommercial organizations); Siberia

The study was carried out with the financial support of the RFFI within the framework of the scientific project No. 20-011-00346

For citation: Shashkova J. Ju., Aseev S. J. Patriotic youth organizations of the “Two Altais”: current state and development patterns. *Social and political researches*. 2022;1(14):39-54. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-39-54>

Введение

Тема молодежи в последние годы является одной из самых популярных у представителей российской власти и политической элиты. При этом большинство молодых людей априори рассматривается как потенциально протестная среда, главным средством противодействия расширению которой должно стать усиление патриотического воспитания и увеличение числа различных организаций и мероприятий в данной сфере. Основными агентами патриотического воспитания, согласно реализуемой с 1 января 2021 г. новой программы в рамках национального проекта «Образование», должны стать Российское движение школьников (РДШ) и Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ» с потенциальной численностью 3 млн и 600 тыс. участников соответственно [Феде-

ральный проект ... , 2021]. Отсюда возникает вопрос – какова современная инфраструктура патриотического воспитания в регионах РФ и какое место в ней занимают обозначенные организации, насколько их текущая и потенциальная активность способствует решению поставленных задач.

Имеющуюся литературу по тематике статьи можно разделить на несколько групп. Первую образуют исследования общего характера, в которых обсуждаются содержание и типы патриотизма, роль и задачи патриотического воспитания в современном обществе [Ariely, 2017; Erez, 2020; Khimenes, 2021; Магарил, 2016; Маленков, 2020; Мартынов, 2020; Papastephanou, 2013; Schatz, 1999; Sekerdej, 2016]. Практически все авторы указывают на многозначность и многоаспектность данного понятия, его трансформацию в глобализирующемся мире.

Ко второй группе можно отнести работы, выявляющие особенности факторы и механизмы формирования российского патриотизма [Baekken, 2021; Данакари, 2019; Goode, 2021; Лубский, 2019; Рожкова, 2014], в том числе в регионах «Двух Алтаев» [Асеева, 2021; Борисова, 2019]. В них особо подчеркивается военный, ретроспективный и антизападный характер изучаемого явления.

Третья, самая многочисленная, группа объединяет публикации, описывающие отдельные кейсы патриотического воспитания [Бортник, 2020; Волков, 2021; Мурзина, Казакова, 2019; Панфилова, 2018; Сазанова, 2021]. Однако почти все они касаются воспитательного процесса в образовательных учреждениях и лишь частично могут касаться деятельности других агентов формирования патриотизма.

И, наконец, четвертая группа включает исследования структуры и функционирования молодежных патриотических организаций на федеральном и региональном уровне [Казанцев, 2020; Laruelle, 2015; Le Niégo, 2015;], в Алтайском крае и Республике Алтай [Полтеева, 2016]. Ряд авторов выделяют особую роль «Юнармии» [Губенко, 2019; Капустин, 2021] и поискового движения [Dahlin, 2017; Кулиш, 2018] в современной системе молодежных патриотических организаций.

В целом же следует отметить, что представленные работы лишь

фрагментарно освещают роль патриотических организаций в системе патриотического воспитания и не содержат комплексного анализа данного вопроса на материалах «Двух Алтаев». В связи с этим целью данной статьи выступает оценка современного состояния инфраструктуры патриотического воспитания в Алтайском крае и Республике Алтай, определение тенденций ее трансформации.

Методы исследования

Данная статья основана на результатах комплексного исследования функционирования патриотических организаций в регионах Сибирского Федерального округа. Оно включало в себя: 1) проведенный осенью 2020 г. массовый опрос школьников 8–11 классов (было опрошено 2 050 учащихся в 10 регионах Сибирского федерального округа; метод – анкетирование; выборка несвязанная квотная с контролем возраста, класса типа населенного пункта и региона проживания); 2) анализ структуры патриотических организаций Алтайского края и Республики Алтай, основных направлений их деятельности и проводимых мероприятий на основе сведений Минюста РФ, Управления молодежной политики и реализации программ общественного развития Алтайского края, Центра молодежной политики, военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки граждан в Республике Алтай, материалов сай-

тов и страниц в социальных сетях патриотических организаций изучаемых регионов, а также экспертного опроса их руководителей.

Результаты исследования

Патриотические организации традиционно выступают одним из агентов патриотического воспитания. Однако анализ их деятельности на материалах Алтайского края и Республики Алтай показывает наличие определенных сложностей в выполнении данными структурами заявленной функции.

Исходя из результатов массового опроса, следует констатировать, что современные организации патриотической направленности не в состоянии оказать существенного влияния на учащуюся молодежь в виду своей малочисленности. Так, в деятельность патриотических клубов и центров оказалось вовлечено всего 7,8 % респондентов, причем в Алтайском крае и Республике Алтай – 11 % и 12 % соответственно, 13,8 % принимало участие в военно-спортивных играх (см. табл. 1).

Таблица 1.
Формы участия школьников в патриотических мероприятиях*

(в %, от числа ответивших)

В каких мероприятиях патриотической направленности Вы принимали участие за последние два года?	Алтайский край	Республика Алтай	Вся выборка
Посещал историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений	43,3	35,0	39,8
Участвовал в деятельности патриотических клубов, центров	11,0	12,0	7,8
Посещал выставки патриотической направленности	11,8	15,0	12,9
Участвовал в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике	14,6	24,0	11,4
Принимал участие в военно-спортивных играх	18,5	11,0	13,8
Приобретал книги патриотической направленности	8,7	10,0	6,6
Участвовал в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания	3,9	3,0	2,7
Ни в каких подобных мероприятиях не участвовал	48,0	51,0	50,6

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

При этом данные организации не имеют и существенного потенциала для увеличения числа своих членов. Хотя более 50 % респондентов счи-

тает создание и развитие патриотических организаций потенциально возможным каналом патриотического воспитания (см. табл. 2), здесь

скорее работает эффект их кон- | молодых людей вступить в данные
 текстного восприятия («пусть бу- | организации.
 дут»), не означающий готовности

Таблица 2.

Оценка школьниками эффективности текущих форм и методов формирования патриотизма*

(в %, от числа ответивших)

	Алтайский край	Республика Алтай	Вся выборка
Деятельность историко-культурных, патриотических клубов и центров	57,9	59	55,7
Выставки патриотической направленности	51,2	65	52,9
Военно-патриотические вахты и игры	53,6	60	51,7
Литература, фильмы патриотической направленности	66,2	68	66,2
Фестивали, конкурсы патриотической направленности	57,0	68	56,4

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Это связано как с нежеланием мо- | ганизациях, их низкой оценкой роли
 лодежи брать на себя какие-либо | патриотических организаций в фор-
 обязательства и нести ответствен- | мировании патриотизма (см. табл. 3),
 ность в рамках членства в формаль- | так и спецификой функционирования
 ных общественно-политических ор- | самих объединений.

Таблица 3.

Распределение ответов школьников на вопрос: «Что необходимо делать для формирования патриотических ценностей среди молодежи?»*

(в %, от числа ответивших)

	Алтайский край	Республика Алтай	Вся выборка
Патриотическое воспитание в школе, институте, в семье	43,7	50,0	42,1
Создание патриотических кружков, организаций, клубов, проведение зарниц, военно-патриотических игр	25,6	26,0	20,4
Улучшение условий жизни населения (создание рабочих мест, повышение зарплаты, предоставление жилья)	46,5	45,0	44,0
Больше тем патриотической направленности в СМИ	5,9	8,0	8,5

	Алтайский край	Республика Алтай	Вся выборка
Больше патриотических фильмов, художественной литературы, песен	16,5	19,0	16,4
Повысить авторитет армии	13,8	15,0	14,0
Поднятие престижа страны в мире	28,3	19,0	29,4
Организация досуга молодежи	14,2	10,0	14,7
Финансирование мероприятий патриотической направленности, людей, занятых в них	11,0	14,0	8,7
Патриотические и историко-культурные центры и музеи	10,6	11,0	11,0
Патриотизм не нуждается в целенаправленном формировании	15,4	16,0	14,8
Затрудняюсь ответить	13,4	21,0	16,4

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Согласно данным Минюста России, Управлений по молодежной политике изучаемых регионов, более 50 % общественных организаций, имеющих в своем наименовании и целях деятельности указание на патриотическое воспитание, являются центрами допризывной подготовки или выполняют их функции. На практике это сеть военно-спортивных клубов с одинаковым функционалом (армейский рукопашный бой, восточные единоборства, бокс с компонентами стрелковой и строевой подготовки), созданных в основном в малых городах и районных центрах, на базе школ и профтехучилищ. Наглядными примерами таких организаций в Алтайском крае выступают клуб юный друг пограничников «Святогор», бийская городская детско-юношеская общественная организация Спортивно-патриотический клуб «Десантник», общественная детско-юношеская организация

г. Барнаула Военно-патриотическое объединение «Патриот», Центры допризывной подготовки и контактных единоборств «Барс» (г. Рубцовск), Военно-патриотический клуб «Борец», АКОО городского военно-патриотического воспитания допризывной молодежи «Гвардеец» (г. Белокуриха) и т. п.

Их функционирование под патронажем организаций ветеранов спецподразделений («Боевое братство», «Вымпел») наделяет данные центры задачами профориентации и подготовки кадров для подобных армейских подразделений. Соответственно, основным направлением их деятельности становится проведение тренировок и соревнований, организация летних полевых лагерей или профильных смен в детских оздоровительных лагерях («Юный десантник», «Юный спецназовец», «Юный танкист», «Юный пограничник», «Юный пожарный», «Юный спаса-

тель» и др.). Патриотизм же в этой системе понимается узко, как готовность к службе в армии, а также имеет утилитарный характер – как возможность получать гранты и поддержку через региональные программы по работе с молодежью.

Данная диспропорция вполне соответствует и установкам государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», особое внимание в которой уделялось всего двум направлениям: волонтерству и «военно-патриотическому воспитанию граждан, направленному на обеспечение их готовности к защите Родины, укрепление престижа службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и правоохранительных органах Российской Федерации, а также повышение уровня социальных коммуникаций между российским обществом и Вооруженными Силами Российской Федерации, правоохранительными органами и организациями» [О государственной программе ... , 2015].

Отдельную группу в этом сегменте образуют молодежные военно-патриотические организации, созданные в рамках казачьего движения: Военно-патриотический клуб «Отчизны верные сыны» (г. Рубцовск), Казачий военно-спортивный клуб «Патриот» (Волчихинский район), региональное отделение Межрегиональной детско-юношеской общественной организации «Казачья молодежь Сибири» Республики Алтай. В их за-

дачи, кроме военно-спортивной подготовки кадетов, входит пропаганда культуры и традиций российского казачества, привлечение молодежи в казачье движение.

Традиционно большую роль в патриотическом воспитании играет поисковое движение. Поисковые отряды Алтайского края «Высота», «Ориентир» и «Память» в рамках акций «Вахта Памяти», «Дорога к обелиску» и «Обелиски Памяти» проводят работу по поиску и установлению имен защитников Отечества и сохранению памяти о них, выезжают в экспедиции на места боевых действий в годы Великой Отечественной войны. Например, в 2021 г. планировалось совершить 11 таких экспедиций. В течение года перед поездкой участники осуществляют работу по сбору информации о судьбах земляков, участвовавших в Великой Отечественной войне, облагораживают мемориалы, проводят уроки Памяти и просветительские акции. В связи с пандемией работа поисковиков была перенаправлена на архивно-исследовательский поиск, в том числе по запросам жителей края. Так, в 2020-2021 гг. было проработано более 400 подобных заявок, реализован интернет-проект «Книга памяти Алтайского края».

Рост популярности волонтерства в молодежной среде нашел отражение в достаточно быстром формировании в крае структур движения «Волонтеры Победы», тем более что этот процесс всячески поддерживался Управлением по молодеж-

ной политике. На данный момент, движение имеет в регионе 3,5 тыс. активистов, 8 муниципальных штабов, 6 общественных центров на базе вузов и ссузов, 69 волонтерских корпусов 75-летия Победы. В его задачи входит обеспечение мероприятий по сохранению истории, оказание помощи и поддержки ветеранам и пожилым людям.

Также в систему патриотического воспитания учащейся молодежи включены музеи при образовательных учреждениях, большинство из которых хоть и обозначены как музеи боевой славы, но фактически, в силу ограниченности ресурсов, занимаются краеведением. На текущий момент в крае функционируют 522 музея при образовательных учреждениях. В 2020 г. музей «Солдат Великой войны» имени Алексея Скурлатова Налобихинской средней школы Косихинского района признан одним из лучших в России.

Вместе с тем, в последние годы система патриотических организаций Алтайского края претерпевает существенную трансформацию, связанную с интенсивным расширением присутствия территориальных подразделений «Юнармии». Образованное в крае в 2015 г., в 2019 г. краевое отделение движения включало 44 юнармейских отряда в 20 муниципальных образования края. И если в 2019 г. его численность составляла 1 300 детей и подростков, то в 2021 г. в краевой «Юнармии» состояло больше 10 тысяч учащихся. Данная тенденция закрепления за движением статуса одного из основ-

ных агентов патриотического воспитания, охватывающего все направления патриотики, имеет общероссийский характер.

Вписывается в нее и активное расширение структуры и деятельности регионального отделения другой всероссийской детско-юношеской организации – «Российского движения школьников», которое было создано в 2016 г. На сегодняшний день в Алтайском крае «РДШ» представлено 71 первичным отделением, образованным на базе общеобразовательных учреждений. Общее количество членов этой организации составляет более 15 тыс. человек. В отличие от «Юнармии», больше специализирующейся на военно-спортивных и военно-патриотических мероприятиях, масштабные проекты «РДШ» формируют у школьников положительное отношение к культурно-историческому богатству страны, основы национальной (гражданской), региональной и локальной идентичностей, понимание роли и места своей малой родины в масштабах культуры и истории государства.

В целом же, следует отметить, что развитие патриотизма через регионоведение (краеведение) обозначено в целях только отдельных объединений. Например, при Алтайском краеведческом музее с февраля 2021 г. действует АНО «Многоликий Алтай», приобщающая детей и подростков к истории края через археологию.

Аналогичную структуру имеет и система молодежных патриотиче-

ских организаций Республики Алтай. В 2020 г. на ее территории насчитывалось: 52 военно-патриотических клуба с общим охватом более 1 тыс. человек; 38 образовательных историко-краеведческих, этнографических музеев; 43 кадетских класса и 10 кадетских групп (1,2 тыс. кадетов); 23 юнармейских отряда, 2 зональных центра военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки (750 курсантов).

Также с 2016 г. в республике активно развивается региональное отделение «Волонтеров Победы». Волонтеры проводят Всероссийские акции и мероприятия, исторические квесты, помогают в организации мероприятий, посвященных годовщине Победы в Великой Отечественной войне, оказывают помощь ветеранам, приводят в порядок памятники, участвуют в организации и проведении мероприятий муниципального и республиканского уровней.

Довольно высокая, учитывая территориальные характеристики республики, плотность патриотических организаций, их тесная связь между собой, с Военным комиссариатом Республики Алтай, ДОСААФ Республики Алтай, организациями ветеранов спецподразделений («Боевое братство» и «Вымпел») создает возможности для ежегодного проведения в регионе масштабных военно-патриотических акций: пятидневных учебных сборов для учащихся образовательных организаций Республики Алтай, региональных этапов всероссийских военно-

спортивных игр («Зарничка», «Зарница», «Орленок», «Победа», «Делай как я!» и др.), военно-исторических реконструкций, фестивалей и конкурсов по патриотической тематике. Координатором этой работы, наряду с республиканским Центром молодёжной политики, военно-патриотического воспитания и допризывной подготовки граждан в Республике Алтай, выступает зарегистрированная в 2019 г. Ассоциация

военно-патриотического воспитания Республики Алтай, среди учредителей которой: военный комиссар Республики, Военно-патриотический поисковый центр «Вымпел» Республики Алтай, республиканские отделения «Молодой Гвардии Единой России», Всероссийского физкультурно-спортивного общества «Динамо», ДОСААФ, Алтайское республиканское отдельное казачье общество Сибирского войскового казачьего общества, «Юнармия» Республики Алтай, Центр дополнительного обучения и подготовки граждан «РАТИБОР», Горно-алтайская епархия Русской православной церкви.

В целом, большое количество патриотических организаций и масштаб их распространения являются отличительной чертой Республики Алтай. Так, уже в 2018 г. в регионе насчитывалось 84 «пилотных» школы, охваченных проектами РДШ, в которых приняло участие более 8 000 чел. («Лига вожатых», «РДШ – территория самоуправления», «Всероссийская Медиашкола РДШ», «Фокус», «Добро не уходит

на каникулы», «Классное собрание», «Добрые уроки», «Проектория» и др.). Юнармейское движение Республики Алтай, на данный момент объединяющее около 2,5 тыс. членов, занимает первое место в России по численности юнармейцев (в процентном соотношении к общему количеству обучающихся общеобразовательных школ).

Заключение

Таким образом, главной тенденцией развития патриотических организаций «Двух Алтаев», как и других регионов Сибирского федерального округа, в последние годы стало усиление структур «Юнармии» за счет придания центрам допризывной подготовки, поисковым отрядам и школьным музеям статуса ее местных отделений. Однако масштабы данной тенденции имеют скорее не региональную, а местную детерминанту: например, если в городе Бийске Алтайского края начальником окружного штаба «Юнармии» является руководитель муниципального Управления культуры, спорта и молодежной политики, то подобное слияние проявляется в полной мере. Здесь же базируется и «Алтайпатриотцентр», призванный координировать работу по патриотическому воспитанию в крае, но фактически концентрирующий ее в Бийском округе, опираясь на финансовую поддержку

одного из крупнейших предприятий региона ЗАО «Эвалар» и депутата Государственной Думы РФ А. С. Прокопьева.

Обозначенная структура патриотических организаций на региональном уровне отражает некую точку равновесия – ситуацию, удобную всем участникам. Организациям, имеющим в названии статус патриотических, она дает возможность претендовать на различные источники финансирования, а руководству штабов «Юнармии» и управлений молодежной политики – учитывать одни и те же проводимые мероприятия, в основном военно-спортивной или военно-исторической направленности, по различным формам отчетности.

Обратной стороной этого процесса становится не просто подмена смысла патриотического воспитания, но и распространение его на очень ограниченный сегмент молодежи. Фактически в данную систему оказываются вовлечены юноши, проживающие в малых городах и сельской местности, которые в силу ограниченности ресурсов своих родителей, рассматривают службу в армии как свою наиболее реальную карьерную траекторию постшкольного периода. Не собирающихся же в армию подростков патриотическое воспитание затрагивает очень фрагментарно.

Библиографический список

1. Асеева Т. А. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа / Т. А. Асеева, Я. Ю. Шашкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 118-129.
2. Борисова О. В. Патриотические установки молодежи Алтайского края // Социодинамика. 2019. № 8. С. 37-43.

3. Бортник А. Ф. Организация военно-полевых сборов юношей как условие патриотического воспитания / А. Ф. Бортник, М. А. Манасытова // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-3. С. 42-46.

4. Губенко М. С. Место и роль молодежных патриотических организаций в системе военно-политической работы / М. С. Губенко, А. С. Ковалев // Вестник адъюнкта. 2019. № 1(3). С. 4.

5. Данакари Р. А. Патриотизм и дружба народов как базисные детерминанты российской цивилизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 193-204. <http://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.14>.

6. Казанцев Д. А. Молодежные патриотические организации в субъектах СФО через призму анализа социальных сетей // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 27–28 ноября 2020 года / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунюва, Л. Н. Тимофеевой. Москва : МГПУ, 2020. С. 236-237.

7. Капустин В. В. Роль всероссийского общественного движения «Юнармия» в военно-патриотическом воспитании молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2021. №5. С. 183-189.

8. Кулиш В. В. Роль поискового движения в формировании патриотизма и исторической памяти молодежи (на примере поискового движения в Алтайском крае) / В. В. Кулиш, В. С. Еременко // Современное образовательное пространство в условиях информационного общества: Материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул. 30 ноября 2018 г. Барнаул : Типография «Графикс», 2018. С. 204-209.

9. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, №2. С. 47-66.

10. Магарил С. А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142-151.

11. Маленков В. В. Гражданственность и патриотизм в представлениях постсоветского поколения / В. В. Маленков, Н. В. Мальцева // Социология. 2020. № 5. С. 152-162.

12. Мартынов М. Ю. Патриотизм как политический дискурс в современной России / М. Ю. Мартынов, Л. А. Фадеева, А. И. Габеркорн // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109-121.

13. Мурзина И. Я. Перспективные направления патриотического воспитания / И. Я. Мурзина, С. В. Казакова // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 2. С. 155-175.

14. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»: постановление Правительства РФ №1493 от 30.12.2015 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102388353&intelsearch=%EF%EE%F1%F2%E0%ED%EE%E2%EB%E5%ED%E8%E5+%EF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0+%EE%F2+30.12.2015+%B9+1493>. (Дата обращения: 01.11.2021).

15. Панфилова Ю. С. Организация патриотического воспитания в вузах полиэтничного региона (на примере Южного федерального округа) // Ученые

записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70), № S2. С. 127-133.

16. Полтева Т. И. Военно-патриотическое воспитание современной молодежи музейными средствами (на примере бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей имени А. В. Анохина») // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2016. № 1(10). С. 84-88.

17. Рожкова Л. В. Гражданственность и патриотизм как основания социальной консолидации российского общества / Л. В. Рожкова, Н. Д. Васильева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3(121). С. 123-129. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.08>.

18. Сазанова М. Л. Военно-патриотическое воспитание старших подростков во внеурочной деятельности / М. Л. Сазанова, Н. В. Русских // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2021. № 6 (59). С. 70-80.

19. Федеральный проект «Патриотическое воспитание». URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. (Дата обращения: 01.11.2021).

20. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // Identities. 2017. Vol. 24, No. 3. P. 351-377. <http://doi.org/10.1080/1070289X.2016.1149069>.

21. Baekken H. Patriotic disunity: limits to popular support for militaristic policy in Russia // Post-Soviet Affairs. 2021. Vol. 37, №3. P. 261-275.

22. Dahlin J. ‘No one is forgotten, nothing is forgotten’: Duty, patriotism, and the russian search movement // Europe-Asia studies. 2017. No.69(7). P. 1070-1089.

23. Erez L. Cosmopolitan patriotism as a civic ideal / L. Erez, C. Laborde // American journal of political science. 2020. Vol. 64, No. 7. P. 191-203. <http://doi.org/10.1111/ajps.12483>.

24. Goode J. P. Patriotic legitimation and everyday patriotism in Russia’s constitutional reform // Russian politics. 2021. Vol. 6, No. 1. P. 112-129. <http://doi.org/10.30965/24518921-00601007>.

25. Khimenes A. Social patriotism: Populist glue for a multinational democracy / A. Khimenes, D. Portil’o, L. Ardoy // National identities. 2021. Vol. 23, No. 2. P. 127-148. <http://doi.org/10.1080/14608944.2020.1735326>.

26. Laruelle M. Patriotic youth clubs in Russia. Professional niches, cultural capital and narratives of social engagement // Europe-Asia studies. 2015. Vol. 67, No. 1. P. 8-27.

27. Le Huérou A. Where does the Motherland begin? Private and public dimensions of contemporary russian patriotism in schools and youth organisations: A view from the field // Europe-Asia studies. 2015. Vol. 67, No. 1. P. 28-48.

28. Papastephanou M. Inward and outward patriotism // Review of European studies. 2013. Vol. 5, No. 2. P. 20-32.

29. Schatz R.T. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism / R.T. Schatz, E. Staub, H. Lavine // Political psychology. 1999. Vol. 20, No. 1. P. 151-174. <http://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>.

30. Sekerdej M. Love versus loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism / M. Sekerdej, S. Roccas // British journal of social psychology. 2016. Vol. 55. P. 499-521. <http://doi.org/10.1111/bjso.12142>.

31. Volkov Y. G. Civic patriotism among young sportsman in the South of Russia: Sociological analysis and diagnostics / Y. G. Volkov, E. Y. Kolesnikova, Y. A. Aslanov,

V. O. Vagina // Journal of human sport and exercise. 2021. Vol. 16(3proc). P. 1244-1252. <https://doi.org/10.14198/jhse.2021.16.Proc3.40>.

Reference list

1. Aseeva T. A. Predstavlenija o patriotizme shkol'nikov Sibirskogo federal'nogo okruga = Ideas about patriotism of schoolchildren of the Siberian Federal District / T. A. Aseeva, Ja. Ju. Shashkova // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija. 2021. № 1. S. 118-129.
2. Borisova O. V. Patrioticheskie ustanovki molodezhi Altajskogo kraja = Patriotic attitudes of youth of the Altai Territory // Sociodinamika. 2019. № 8. S. 37-43.
3. Bortnik A. F. Organizacija voenno-polevyh sborov junoshej kak uslovie patrioticheskogo vospitaniya = Organization of military field training of young men as a condition of patriotic education / A. F. Bortnik, M. A. Manasytova // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2020. № 68-3. S. 42-46.
4. Gubenko M. S. Mesto i rol' molodezhnyh patrioticheskikh organizacij v sisteme voenno-politicheskoy raboty = The place and role of youth patriotic organizations in the system of military-political work / M. S. Gubenko, A. S. Kovalev // Vestnik ad#junkta. 2019. № 1(3). S. 4.
5. Danakari R. A. Patriotizm i družba narodov kak bazisnye determinanty rossijskoj civilizacii = Patriotism and friendship of peoples as basic determinants of Russian civilization // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2019. T. 24, № 5. S. 193-204. <http://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.14>.
6. Kazancev D. A. Molodezhnye patrioticheskie organizacii v sub#ektah SFO cherez prizmu analiza social'nyh setej = Youth patriotic organizations in the subjects of the Siberian Federal District through the prism of analysis of social networks // Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaja vlast': transformacionnye vyzovy i perspektivy: Materialy Ezhegodnoj vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 27–28 nojabrja 2020 goda / pod red. O. V. Gaman-Golutvinoj, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeevoj. Moskva : MGPU, 2020. S. 236-237.
7. Kapustin V. V. Rol' vserossijskogo obshhestvennogo dvizhenija «Junarmija» v voenno-patrioticheskom vospitanii molodezhi = The role of the All-Russian social movement “Unarmia” in the military-patriotic education of youth // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2021. №5. S. 183-189.
8. Kulish V. V. Rol' poiskovogo dvizhenija v formirovanii patriotizma i istoricheskoy pamjati molodezhi (na primere poiskovogo dvizhenija v Altajskom krae) = The role of the search movement in the formation of patriotism and the historical memory of young people (using the example of the search movement in the Altai Territory) / V. V. Kulish, V. S. Eremenko // Sovremennoe obrazovatel'noe prostranstvo v uslovijah informacionnogo obshhestva: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Barnaul. 30 nojabrja 2018 g. Barnaul : Tipografija «Grafiks», 2018. S. 204-209.
9. Lubskij A. V. Patriotizm i grazhdanstvennost' v rossijskom obshhestve, ili kak preodolet' deficit grazhdanstvennosti v rossijskom patriotizme = Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficit of citizenship in Russian patriotism // Gumanitarij Juga Rossii. 2019. T. 8, №2. S. 47-66.

10. Magaril S. A. Smysly patriotizma – istoricheskie transformacii = The meanings of patriotism – historical transformations // Sociologicheskie issledovanija. 2016. № 1. S. 142-151.

11. Malenkov V. V. Grazhdanstvennost' i patriotizm v predstavlenijah postsovetского pokolenija = Citizenship and patriotism in the representations of the post-Soviet generation / V. V. Malenkov, N. V. Mal'ceva // Sociologija. 2020. № 5. S. 152-162.

12. Martynov M. Ju. Patriotizm kak politicheskij diskurs v sovremennoj Rossii = Patriotism as a political discourse in modern Russia / M. Ju. Martynov, L. A. Fadeeva, A. I. Gaberkorn // Polis. Politicheskie issledovanija. 2020. № 2. S. 109-121.

13. Murzina I. Ja. Perspektivnye napravlenija patrioticheskogo vospitanija = Promising areas of patriotic education / I. Ja. Murzina, S. V. Kazakova // Obrazovanie i nauka. 2019. T. 21, № 2. S. 155-175.

14. O gosudarstvennoj programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016-2020 gody»: postanovlenie Pravitel'stva RF №1493 ot 30.12.2015 g. = On the state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016-2020”: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1493 of 30.12.2015.

URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102388353&intelsearch=%EF%EE%F1%F2%E0%ED%EE%E2%EB%E5%ED%E8%E5+%EF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%E0+%EE%F2+30.12.2015+%B9+1493>. (Data obrashhenija: 01.11.2021).

15. Panfilova Ju. S. Organizacija patrioticheskogo vospitanija v vuzah polijetnichnogo regiona (na primere Juzhnogo federal'nogo okruga) = Organization of patriotic education in universities of the multi-ethnic region (using the example of the Southern Federal District) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sociologija. Pedagogika. Psihologija. 2018. T. 4 (70), № S2. S. 127-133.

16. Polteva T. I. Voенно-patrioticheskoe vospitanie sovremennoj molodezhi muzejnymi sredstvami (na primere bjudzhetnogo uchrezhdenija Respubliki Altaj «Nacional'nyj muzej imeni A. V. Anohina») = Military-patriotic education of modern youth by museum means (on the example of the budgetary institution of the Altai Republic “National Museum named after A. V. Anokhin”) // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2016. № 1(10). S. 84-88.

17. Rozhkova L. V. Grazhdanstvennost' i patriotizm kak osnovanija social'noj konsolidacii rossijskogo obshhestva = Citizenship and patriotism as the basis for social consolidation of Russian society / L. V. Rozhkova, N. D. Vasil'eva // Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny. 2014. № 3(121). S. 123-129. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2014.3.08>.

18. Sazanova M. L. Voенно-patrioticheskoe vospitanie starshih podrostkov vo vneurochnoj dejatel'nosti = Military-patriotic education of elder adolescents in extra-time activities / M. L. Sazanova, N. V. Russkih // Mir pedagogiki i psihologii: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2021. № 6 (59). S. 70-80.

19. Federal'nyj proekt «Patrioticheskoe vospitanie» = Federal project “Patriotic education”. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/>. (Data obrashhenija: 01.11.2021).

20. Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // Identities. 2017. Vol. 24, No. 3. P. 351-377. <http://doi.org/10.1080/1070289X.2016.1149069>.

21. Baekken H. Patriotic disunity: limits to popular support for militaristic policy in Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2021. Vol.37, №3. P. 261-275.
22. Dahlin J. ‘No one is forgotten, nothing is forgotten’: Duty, patriotism, and the russian search movement // *Europe-Asia studies*. 2017. No.69(7). P. 1070-1089.
23. Erez L. Cosmopolitan patriotism as a civic ideal / L. Erez, C. Laborde // *American journal of political science*. 2020. Vol. 64, No. 7. P. 191-203. <http://doi.org/10.1111/ajps.12483>.
24. Goode J. P. Patriotic legitimation and everyday patriotism in Russia’s constitutional reform // *Russian politics*. 2021. Vol. 6, No. 1. P. 112-129. <http://doi.org/10.30965/24518921-00601007>.
25. Khimenes A. Social patriotism: Populist glue for a multinational democracy / A. Khimenes, D. Portil'o, L. Ardoy // *National identities*. 2021. Vol. 23, No. 2. P. 127-148. <http://doi.org/10.1080/14608944.2020.1735326>.
26. Laruelle M. Patriotic youth clubs in Russia. Professional niches, cultural capital and narratives of social engagement // *Europe-Asia studies*. 2015. Vol. 67, No. 1. P. 8-27.
27. Le Huérou A. Where does the Motherland begin? Private and public dimensions of contemporary russian patriotism in schools and youth organisations: A view from the field // *Europe-Asia studies*. 2015. Vol. 67, No. 1. P. 28-48.
28. Papastephanou M. Inward and outward patriotism // *Review of European studies*. 2013. Vol. 5, No. 2. P. 20-32.
29. Schatz R.T. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism / R.T. Schatz, E. Staub, H. Lavine // *Political psychology*. 1999. Vol. 20, No. 1. P. 151-174. <http://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>.
30. Sekerdej M. Love versus loving criticism: Disentangling conventional and constructive patriotism / M. Sekerdej, S. Roccas // *British journal of social psychology*. 2016. Vol. 55. P. 499-521. <http://doi.org/10.1111/bjso.12142>.
31. Volkov Y. G. Civic patriotism among young sportsman in the South of Russia: Sociological analysis and diagnostics / Y. G. Volkov, E. Y. Kolesnikova, Y. A. Aslanov, V. O. Vagina // *Journal of human sport and exercise*. 2021. Vol. 16(3proc). R. 1244-1252. <https://doi.org/10.14198/jhse.2021.16.Proc3.40>.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.
The article was submitted on 18.01.2022; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья

УДК 323.21

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-55-69

Влияние участия в патриотических проектах на процесс формирования патриотизма в молодежной среде

Асеева Татьяна Анатольевна^{1✉}, Качусов Дмитрий Анатольевич²

¹Кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул.

²Аспирант кафедры философии и политологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», г. Барнаул.

¹tatulyasolar@mail.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3337>

²dmitrij.kachusov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-6214>

Аннотация. В последнее время все больше исследователей говорят о значимости гражданско-патриотических практик при формировании патриотизма в молодежной среде. В статье исследуется патриотическая самоидентификация школьников старших классов Сибирского федерального округа. Авторами анализируется степень их информированности и характер включенности в деятельность патриотических организаций и проектов.

Массовый опрос молодежи старших классов Сибирского федерального округа позволил определить низкую патриотическую идентификацию школьников, а также слабую включенность в реализацию патриотических проектов. При этом удалось зафиксировать тенденцию, что по мере взросления респондентов, количество идентифицирующих себя как патриоты возрастает. Школьники обладают недостаточной информацией о реализации патриотических проектов. Меньше половины из них когда-либо участвовали в патриотических акциях и мероприятиях. Школьная молодежь СФО, как и большинство молодых людей современной России, предпочитает краткосрочное участие в патриотических мероприятиях, таких как посещение музеев и патриотических выставок.

Зафиксирована тенденция роста патриотической самоидентификации школьников по мере увеличения включенности в деятельность патриотических проектов. Также среди школьников, определивших себя в разной степени как патриоты, увеличивается деятельностная активность патриотического характера. Тем самым наблюдается взаимосвязь личного опыта и характера патриотической идентификации. Следовательно, необходима консолидация усилий акторов, занимающихся патриотическим

воспитанием, с целью увеличения позитивного опыта участия молодежи в патриотических проектах. Условием, повышающим положительное восприятие данной деятельности, может стать ее соответствие ценностям современной молодежи и организация коммуникации в рамках привычных для данной социальной группы коммуникативных практик.

Ключевые слова: молодежь; школьники; патриот; патриотизм; патриотическая идентификация; региональный политический процесс; Сибирский федеральный округ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00346

Для цитирования: Асеева Т. А., Качусов Д. А. Влияние участия в патриотических проектах на процесс формирования патриотизма в молодежной среде // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 55-69. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-55-69>

Original article

Influence of participation in patriotic projects on the process of patriotism formation in the youth environment

Tat'yana A. Aseeva¹✉, Dmitriy A. Kachusov²

¹Candidate of political sciences, associate professor of philosophy and political science, department Altai state university, Barnaul.

²Post-graduate student of philosophy and political science, department Altai state university, Barnaul.

¹tatulyasolar@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3337>

²dmitrij.kachusov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8143-6214>

Abstract. Recently, more researchers have been talking about the importance of civil-patriotic practices in the formation of patriotism in the youth environment. The article explores the patriotic self-identification of high school students in the Siberian Federal District. The authors analyze the degree of their awareness and the nature of inclusion in the activities of patriotic organizations and projects.

The mass survey of high school youth of the Siberian Federal District made it possible to determine the low patriotic identification of schoolchildren, as well as the weak inclusion in patriotic projects implementation. At the same time it was possible to record a tendency that as respondents grow older, the number of identifying themselves as patriots increases. Students have insufficient information about the implementation of patriotic projects. Less than half of them have ever participated in patriotic actions and events. School youth of the Siberian Federal District, like most young people of modern

Russia, prefer short-term participation in patriotic events, such as visiting museums and patriotic exhibitions.

The trend of increasing schoolchildren's patriotic self-identification was recorded as the inclusion of patriotic projects increased. Also, among schoolchildren who have identified themselves to varying degrees as patriots, patriotic activity is increasing. Thus, there is a correlation between personal experience and the nature of patriotic identification. Consequently, it is necessary to consolidate the efforts of actors engaged in patriotic education in order to increase the positive experience of youth participation in patriotic projects. A condition that increases the positive perception of this activity may be its compliance with the values of modern youth and the organization of communication within the usual communicative practices for this social group.

Keywords: youth; schoolchildren; patriot; patriotism; patriotic identification; regional political process; Siberian Federal District

The study was supported by the RFFI under the scientific project 20-011-00346

For citation: Aseeva T. A., Kachusov D. A. Influence of participation in patriotic projects on the process of patriotism formation in the youth environment. *Social and political researches*. 2022;1(14):55-69. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-55-69>

Введение

В последние годы государство и общество все больше внимания уделяют консолидации общества и особенно его наиболее разнородной группы – молодежи. Не прекращаются процессы поиска некой общероссийской идеи, способной служить основанием для консолидации социума. В качестве одного из возможных вариантов данной «цементирующей» идеи рассматривается патриотизм, как положительная, универсальная для всех россиян идея. Достаточно сосредоточенные усилия государства по формированию патриотических чувств у молодого поколения [Закон об образо-

вании, 2012; Государственная программа ... , 2015; Конституция РФ, 2020; Федеральный проект ... , 2021], актуализируют и научные исследования, направленные как на понимание содержания патриотизма, так и на особенности его формирования в современных условиях.

В настоящее время в научной, научно-методической литературе нет единого понимания патриотизма. Авторы то абсолютизируют значение патриотизма, реконструируя его исторические формы, то доходят до отрицания необходимости формирования патриотической идентичности. Так, ряд авторов рассматривают патриотизм как ориентации, воплощенные в образе

жизни человека, отмечают значимость патриотизма как регулятора общественного поведения [Вырщик, 2006; Лутовинов, 2013].

Признавая социально обусловленный характер изучаемого явления, авторы дополнительно отмечают его направленность на гражданскую активность, выражение в общественно полезной деятельности [Дробужева, 2013; Чупров, 2014; Тихонова, 2014].

В современной российской политической науке все больше обсуждается феномен гражданского патриотизма. А. В. Селезнева отмечает, что на поведенческом уровне патриотизм предполагает гражданскую активность и политическое поведение в социально значимых и общественно приемлемых формах [Селезнева, 2017]. А. В. Лубский подчеркивает важность преодоления недостатка патриотизма, заключающегося в дефиците гражданской активности и гражданско-патриотических практик в локальных сообществах [Лубский, 2019].

Также патриотизм рассматривается как явление политической сферы и как форма идентичности, формируемая в условиях высокой конкурентности множества акторов [Мартынов, 2020].

Проблематика патриотизма актуальна не только в нашей стране. Зарубежные исследователи раскрывают теоретико-методологические основания патриотизма [Papastephanou, 2013]; исследуют проблему тяготения патриотизма к национа-

лизму и ставят задачи формирования «конструктивного» патриотизма, с элементами мультикультурализма и космополитизма [Spry, 2007; Finell, 2015]; рассматривают его как духовную основу государства [Gu, 2021]. Кроме того, западные исследователи активно изучают как особенности современного патриотизма граждан своих стран, так и граждан России [Goode, 2018; Kleinig, 2021].

Что касается предмета нашего исследования, то следует отметить присутствие в научном поле лишь отдельных работ, затрагивающих проблематику патриотических настроений школьников Сибирского федерального округа [Асеев, 2021; Асеева, 2021; Казанцев, 2021], однако они не анализируют деятельностного компонента патриотического воспитания.

Несмотря на достаточно активный процесс осмысления понятия «патриотизм», можно констатировать недостаток эмпирических исследований, рассматривающих поведенческий аспект патриотизма. Исходя из этого, возникает необходимость проанализировать роль фактора вовлеченности старших школьников в реализацию проектов патриотической направленности при формировании их патриотической идентификации.

Эмпирической основой статьи послужили результаты массового опроса молодежи, проведенного учеными Алтайского государственного университета в регионах Си-

бирского федерального округа. Объем выборки составил 2 050 учащихся 8-11 классов; выборка квотная с контролем признаков пола, возраста, типа населенного пункта и региона проживания. Обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS.

Деятельностная модель патриотизма в научном дискурсе

Прежде всего необходимо отметить, что патриотизм – сложный и многоаспектный феномен, включающий в себя социальные, психологические и институциональные компоненты, с этим связано и множество его трактовок в науке.

А. Н. Выршиков, М. Б. Кусмарцева, указывая на большое значение в патриотизме психологической или эмоциональной составляющей, все же отмечают его социальную характеристику, определяя патриотизм как «формат жизненных ориентаций гражданина России в реализации его жизненной стратегии, соответствующий реальным социальным интересам и ожиданиям окружающего его коллектива, общества и государства, впечатленный в его сознании, найденный в смысле собственного существования и опредмеченный в образе жизни» [Выршиков, 2006, с. 33].

В. И. Лутовинов представляет патриотизм как сложное социокультурное явление, продукт социально-исторического развития определенных человеческих общностей и часть их культурной традиции. Он,

по мнению автора, выступает составной частью комплекса социальных норм, служащих регуляторами общественного поведения индивида, выступающий «как одна из составляющих общественного сознания, менталитета, национального самосознания, как компонент идеологии, культуры, истории, науки» [Лутовинов, 2013, с. 23].

Исследователи М. Ю. Мартынов, Л. А. Фадеева, А. И. Габеркорн особо указывают на политический характер данного явления: «В самом общем смысле патриотизм можно определить, как особую ценностную установку политического сознания, формирующую специфические формы общественных отношений и деятельности, связанные с поддержкой и защитой гражданином политических институтов, отражающих его интересы» [Мартынов, 2020, с. 115].

Отдельно следует подчеркнуть, что исследователи делают акцент на деятельностной, субъектной природе патриотически настроенного гражданина, его готовности не только декларировать свою позицию, но и действовать для ее поддержания, и защищать ее при необходимости [Коряковцева, 2019]. В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, В. А. Тихонова, Л. М. Дробижина характеризуют патриотизм как целенаправленную, продуктивную активность человека, возникшую под влиянием его внутренней социально ориентированной мотивации. Он может формироваться как следствие массовых социаль-

ных практик людей, направленных на достижение общественно значимых целей, повышением гражданской ответственности и расширением практик участия населения. В частности, это подтверждается исследованием Л. М. Дробижевой, указывающей, что люди, считающие себя патриотами, вдвое чаще указывают «ответственность за дела в стране» в качестве фактора общественной солидаризации [Дробижева, 2013, с. 69].

В последнее время авторы все больше уделяют внимание деятельностному элементу патриотизма, в котором он как общественное явление проявляется через осмысленную, целенаправленную активность человека, направленную на решение социально значимых вопросов. В связи с этим, возникает вопрос – можно ли проследить взаимосвязь между уровнем гражданской активности молодежи, ее участием в сообществах постматериальной направленности, к которым как раз относятся патриотические организации, и уровнем его патриотической самоидентификации.

Патриотическая самоидентификация и вовлеченность в патриотические проекты школьников старших классов СФО

При рассмотрении связей между опытом участия и патриотическим самоопределением школьников следует отметить, что 11,7 % опрошенных считают себя патриотами, 33,6 % – скорее патриотами, 17 % –

скорее не патриотами, 16,2 % – непатриотами и 21,5 % затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таким образом, патриотами в большей или меньшей степени определяют себя 45,3 % опрошенных, не считают себя таковыми 33,2 %. Патриотическая самоидентификация шире распространена в Иркутской области (там отнесли себя к патриотам 69,7 % респондентов), Республике Тыва (51,9 %) и Красноярском крае (50,6 %). К непатриотам себя причисляют 42,5 % школьников в Новосибирской области, 42,4 % – в Республике Хакасия, 37,2 % – в Томской области, 35,4 % – в Алтайском крае.

При этом удалось зафиксировать тенденцию, что по мере взросления респондентов, количество идентифицирующих себя как патриоты возрастает. Так, на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом» школьники 8 класса дали следующие ответы: «да» – 12,9 %, «скорее да» – 26,3 %, «скорее нет» – 17,3 %, «нет» – 19,3 %, затруднились ответить 24,3 % респондентов. Среди школьников 9 классов ответы распределились следующим образом: «да» – 11,7 %, «скорее да» – 28,0 %, «скорее нет» – 17,4 %, «нет» – 15,1 %, «затруднились ответить» – 15,1 %. Тенденция роста патриотической идентификации наблюдается у школьников 10 классов. Отвечая на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом», они дали следующие ответы: «да» – 14,1 %, «скорее

да» – 37,8 %, «скорее нет» – 16,2 %, «нет» – 13,5 %, «затруднились ответить» – 18,4 %. Незначительно, но выше показатели патриотической идентификации у школьников 11 классов. Отвечая на аналогичный вопрос, ответили «да» – 13,4 %, «скорее да» – 41,2 %, «скорее нет» – 15,1 %, «нет» – 15,8 %. Кроме того, у данной категории респондентов значительно снижается число затруднившихся ответить (14,5 %).

Исходя из нашей гипотезы, что фактор включенности в деятельность патриотических организаций и реализацию патриотических проектов оказывает влияние на рост патриотической идентификации, следует в первую очередь выяснить, насколько старшие школьники осведомлены о проектах, реализующихся в рамках патриотического воспитания. Результаты опроса показали, что меньше половины школьников имеют хоть какое-то представление о программах патриотического воспитания граждан Российской Федерации: знают о них 9,1 % респондентов, что-то слышали 36,2 %. Самый низкий уровень информированности по регионам был выявлен в Красноярском крае (37,1 %), Кемеровской (38,4 %) и Новосибирской (41,1 %) областях и в Республике Алтай (41 %). При соотнесении уровня информированности с патриотическими настроениями, не прослеживается какой-нибудь значимой корреляции. Однако следует признать,

что информированность способна повысить включенность молодежи в деятельность организаций и проектов патриотической направленности. Как объективно отметил А. В. Лубский, необходима консолидация усилий органов власти, СМИ, образовательных и гражданских организаций с целью «создания институциональных условий для повышения их гражданско-патриотической активности и развития в региональных и локальных сообществах гражданско-патриотических практик» [Лубский, 2019, с. 64].

На фоне недостаточной осведомленности о проектах и программах патриотического воспитания, следует отметить крайне низкую вовлеченность школьников в систему патриотического воспитания. Так, по всему СФО 50,6 % не участвовали в подобных мероприятиях. Остальные же результаты распределились по следующим категориям: 39,8 % учащихся «посещали историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений»; 7,8 % «участвовали в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе центров, в том числе детских и молодежных»; 12,9 % «посещали выставки патриотической направленности»; 11,4 % «участвовали в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике»; 13,8 % «принимали участие в военно-спортивных играх»; 6,6 % «приобретали в течение года книги патри-

отической направленности»; 2,7 % «участвовали в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания». При этом распределение данных показателей по регионам не имеет существенных отличий.

Наблюдаемая ситуация подтверждает общероссийский тренд, заключающийся в том, что «для современного общественного и гражданского участия в России характерны более высокие значения участия населения в «коротких» и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности формализованного и неформализованного типа» [Никовская, 2017, с. 50].

Обращает на себя внимание следующая зависимость – среди тех, кто определил себя в той или иной степени патриотом, опыт участия в патриотических мероприятиях выше, чем среди тех, кто считает себя непатриотом или затруднился ответить на поставленный вопрос.

Так, среди школьников, определивших себя как патриоты, 55,3 % указывают, что посещали историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений; 17,8 % участвовали в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных; 22,8 % посещали выставки патриотической направленности; 17,6 % участвовали в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике; 24,2 % принимали участие в военно-спортивных иг-

рах; 11,9 % приобретали в течение года книги патриотической направленности; 6 % участвовало в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания; 32,4 % отметили, что не имеют опыта участия в подобных мероприятиях.

49,2 % школьников, идентифицировавших себя как «скорее патриоты», отметили, что посещали историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений; 8,9 % участвовали в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных; посещали выставки патриотической направленности (15 %); участвовали в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике (15 %); принимали участие в военно-спортивных играх (17,4 %); приобретали в течение года книги патриотической направленности (9,2 %); участвовали в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания 2,1 %; 40,3 % не имеют опыта участия в подобных мероприятиях.

Среди школьников, определивших себя как «скорее непатриоты», 37,8 % посещали историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений; 6,6 % участвовали в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных; 11 % посещали выставки патриотической направленности; 9,8 % участвовали в фестивалях и

конкурсах по патриотической тематике; 11 % принимали участие в военно-спортивных играх; 3,8 % приобретали в течение года книги патриотической направленности; 2,2 % участвовало в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания; 52,7 % отметили, что не имеют опыта участия в подобных мероприятиях.

68 % школьников, однозначно определивших себя как «непатриоты», не имеют опыта участия в патриотических мероприятиях. На этом фоне лишь 25,1 % посещали историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений; 4 % участвовали в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных; 6,3 % посещали выставки патриотической направленности; 6,6 % участвовали в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике; 8 % принимали участие в военно-спортивных играх; 3 % приобретали в течение года книги патриотической направленности; 2 % участвовали в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания.

Таким образом, фиксируется тенденция снижения уровня участия в проектах патриотической направленности по мере падения патриотической самоидентификации. Кроме того, со снижением патриотической самоидентификации повышается процент не имею-

щих деятельностного опыта участия в патриотических проектах.

Однако требует дополнительного осмысления факт, что среди затруднившихся ответить на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?» опыт участия оказался чуть выше, чем у тех, кто определил себя как непатриота. Так, 29,6 % из числа затруднившихся определить степень своей патриотической самоидентификации указывают, что посещали историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений; 5,5 % участвовали в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных; 11 % посещали выставки патриотической направленности; 7,7 % участвовали в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике; 9,2 % принимали участие в военно-спортивных играх; 4,7 % приобретали в течение года книги патриотической направленности; 2,9 % участвовало в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания; 61,9 % отметили, что не имеют опыта участия в подобных мероприятиях.

Необходимо проанализировать, влияет ли опыт участия в деятельности патриотических организаций или реализации проектов патриотической направленности на формирование патриотической идентичности. В связи с этим следует рассмотреть, какое число среди тех, кто принимал участие в разных

форматах патриотических проектов, определили себя как патриот/непатриот (см.табл. 1).

Таблица 1.

Зависимость патриотической идентификации от опыта участия в мероприятиях патриотической направленности, % по строке

В каких мероприятиях патриотической направленности Вы принимали участие за последние два года?	Вы считаете себя патриотом?				
	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Посещал историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений	16,2	41,5	16,1	10,2	16
Принимал участие в военно-спортивных играх	20,5	42,3	13,6	9,3	14,3
Посещал выставки патриотической направленности	20,7	38,8	14,5	7,8	18,2
Участвовал в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике	17,8	43,9	14,5	9,4	14,5
Участвовал в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных	26,7	35,6	14,4	8,2	15,1
Приобретал в течение года книги патриотической направленности	21	46,8	9,7	7,3	15,3
Участвовал в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания	25,5	25,5	13,7	11,8	23,5
Ни в каких подобных мероприятиях не участвовал	7,5	26,7	17,6	21,8	26,3

Как можно заметить из распределения данных, среди тех, кто принимал участие в разных патриотических мероприятиях, число считающих себя патриотом и «скорее патриотом» выше. Можно предположить, что опыт участия оказывается значимым фактором, определяющим повышение патриотической

самоидентификации среди старших школьников.

Кроме того, исследование показало, что более активное вовлечение школьников в систему патриотического воспитания начинается с 8 класса, достигая пика к 10-11 классам (см. табл. 2).

Таблица 2.

Корреляция между уровнем обучения и формами участия школьников в патриотических мероприятиях, % по столбцу*

Виды патриотических мероприятий	8 класс	9 класс	10 класс	11 класс
Посещал историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений	36,3	37,6	41,9	44,9

Виды патриотических мероприятий	8 класс	9 класс	10 класс	11 класс
Участвовал в деятельности патриотических клубов, центров, в том числе детских и молодежных	7,3	7,8	6,7	11,4
Посещал выставки патриотической направленности	12,3	14,0	12,5	15,8
Участвовал в фестивалях и конкурсах по патриотической тематике	8,5	10,6	12,1	15,6
Принимал участие в военно-спортивных играх	17,0	15,1	15,5	15,1
Приобретал в течение года книги патриотической направленности	5,6	5,5	5,9	10,5
Участвовал в проведении научно-исследовательских работ по проблемам патриотического воспитания	2,3	3,6	3,7	2,0
Другое	0,0	0,2	0,6	0,0
Ни в каких подобных мероприятиях не участвовал	54,7	52,4	48,7	44,5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов*

Заключение

Таким образом, мы наблюдаем незначительную выраженность патриотической самоидентификации молодежи Сибирского федерального округа.

Для школьников характерен рост участия по мере взросления, вероятнее всего обусловленный ростом самосознания и увеличением способности к более широкому спектру деятельности. Вместе с тем, молодежь предпочитает краткосрочное участие в акциях патриотического характера, что совпадает с общероссийской ситуацией.

В данном исследовании подтверждается мнение А. В. Селезневой, что патриотизм является важной составляющей, в том числе и для школьников, но не является ценностью первого порядка. Так называемые «ценностные ножницы» [Селезнева, 2017] обуславли-

вают присутствие декларативного патриотизма, незначительно подкрепляемого реальными действиями граждан (в нашем случае – школьников). Даже среди школьников, считающих себя патриотами, наблюдается крайне низкая деятельностная активность. Однако, обнаруженные тенденции позволяют говорить о том, что патриотически настроенные школьники проявляют больше активности в деятельности патриотических организаций, а также о том, что позитивный опыт участия в патриотических проектах повышает патриотическую самоидентификацию, хотя и не является решающим в этом вопросе.

Однако, стоит помнить, что участие должно быть мотивировано внутренними потребностями молодежи и совпадать с ее ценностными установками. Формы информированности и привлечения к участию

в патриотических проектах должны соответствовать актуальным способам коммуникации молодежи. Кроме того, следует расширять спектр форм патриотического участия, включающих гражданскую активность.

Библиографический список

1. Асеев С. Ю. Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа / С. Ю. Асеев, Д. А. Качусов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 97-106. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-97-106.
2. Асеева Т. А. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа / Т. А. Асеева, Я. Ю. Шашкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 118-129. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129.
3. Выршиков А. Н. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе : монография / А. Н. Выршиков, М. Б. Кусмарцев. Волгоград : ИПД «Авторское перо», 2006. 172 с.
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан российской федерации на 2016–2020 годы» Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493.
5. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
6. Казанцев Д. А. Региональная идентичность в сознании школьников Сибирского федерального округа / Д. А. Казанцев, Д. А. Качусов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 1 (66). С. 90-100. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-090-100.
7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года.
8. Коряковцева О. А. Становление гражданской идентичности в условиях социально-политической реальности / О. А. Коряковцева, Т. В. Бугайчук // Социально-политические исследования. 2019. №1. С. 5-15.
9. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. № 2. С. 47-66. DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.
10. Лутовинов В. И. Современный российский патриотизм: сущность, особенности, основные направления // Studia humanitatis. 2013. № 2. С. 18-27.
11. Мартынов М. Ю. Патриотизм как политический дискурс в современной России / М. Ю. Мартынов, Л. А. Фадеева, А. И. Габеркорн // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08.
12. Никовская Л. И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
13. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ // Вестник Томского государственного университета.

Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 200-208. DOI: 10.17223/1998863X/38/20.

14. Тихонова В. А. Патриотизм как ценностная основа политической культуры российского общества / В. А. Тихонова, Б. М. Хугаев // Культура и образование. 2017. № 4. С. 5-9.

15. Чупров В. И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Романович. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. 352 с.

16. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (в ред. от 1 сентября 2021 года).

17. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» на 2021-2024 гг. URL: http://cpvrb.ru/programmy/federalnyj_proekt_patrioticheskoe_vospitanie_grazhdan_rossijskoj_federacii_nacionalnogo_proekta_obrazovanie_na_20212024_gg/. (Дата обращения: 27.11.2021).

18. Finell E., Zogmaister C. Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes // Skandinavian journal of philosophy. 2015. Volume 56, Issue 2. P. 189-197.

19. Goode J. P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia. Russia before and after Crimea: Nationalism and identity, 2010-2017. Ed. by B. Kosto and Helge Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2018. P. 258-281.

20. Gu C. The connotation and requirements of patriotism // Learning & education. 2021. Volume 9, Issue 4. P. 121-123.

21. Kleinig J. Patriotism in the age of Trump // Journal of social philosophy. 2021. 52(3). P. 393-402.

22. Papastephanou M. Inward and outward patriotism // Review of European studies. 2013. Vol.5. №.2. P. 20-32.

23. Spry C., Hornsey M. The influence of blind and constructive patriotism on attitudes toward multiculturalism and immigration // Australian journal of psychology. 2007. Vol. 59. No. 3. P. 151-158.

Reference list

1. Aseev S. Ju. Ocenka jeffektivnosti programm patrioticheskogo vospitaniya starshimi shkol'nikami regionov Sibirskogo federal'nogo okruga = Evaluation of the effectiveness of patriotic education programs by senior students of the regions of the Siberian Federal District/ S. Ju. Aseev, D. A. Kachusov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija. 2021. № 1. S. 97-106. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-97-106.

2. Aseeva T. A. Predstavlenija o patriotizme shkol'nikov Sibirskogo federal'nogo okruga = Ideas about patriotism of schoolchildren in the Siberian Federal District / T. A. Aseeva, Ja. Ju. Shashkova // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Politologija. 2021. № 1. S. 118-129. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129.

3. Vyrshhikov A. N. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve = Patriotic education of young people in modern Russian socie-

ty : monografija / A. N. Vyrshhikov, M. B. Kusmarcev. Volgograd : IPD «Avtorskoe pero», 2006. 172 s.

4. Gosudarstvennaja programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan rossijskoj federacii na 2016–2020 gody» Utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 dekabnja 2015 g. № 1493. = The state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016 – 2020” was approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493.

5. Grazhdanskaja, jetnicheskaja i regional'naja identichnost': vchera, segodnja, zavtra = Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow / ruk. proekta i otv. red. L. M. Drobizheva. Moskva : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija, 2013. 485 s.

6. Kazancev D. A. Regional'naja identichnost' v soznanii shkol'nikov Sibirskogo federal'nogo okruga = Regional identity in the minds of schoolchildren in the Siberian Federal District / D. A. Kazancev, D. A. Kachusov // Kaspjiskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2021. № 1 (66). S. 90-100. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-66-1-090-100.

7. Konstitucija Rossijskoj Federacii. Prinjata vsenarodnym golosovanijem 12 dekabnja 1993 goda s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 1 ijulja 2020 goda = Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993 with changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020.

8. Korjakovceva O. A. Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti v uslovijah social'no-politicheskoj real'nosti = The development of civic identity in the context of socio-political reality / O. A. Korjakovceva, T. V. Bugajchuk // Social'no-politicheskie issledovanija. 2019. №1. S. 5-15.

9. Lubsij A. V. Patriotizm i grazhdanstvennost' v rossijskom obshhestve, ili kak preodolet' deficit grazhdanstvennosti v rossijskom patriotizme = Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficit of citizenship in Russian patriotism // Gumanitarij Juga Rossii. 2019. № 2. S. 47-66. DOI 10.23683/2227-8656.2019.2.

10. Lutovinov V. I. Sovremennyj rossijskij patriotizm: sushhnost', osobennosti, osnovnye napravlenija = Modern Russian patriotism: essence, features, main directions // Studia humanitatis. 2013. № 2. S. 18-27.

11. Martynov M. Ju. Patriotizm kak političeskij diskurs v sovremennoj Rossii = Patriotism as a political discourse in modern Russia / M. Ju. Martynov, L. A. Fadeeva, A. I. Gaberkorn // Polis. Politicheskie issledovanija. 2020. № 2. S. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08.

12. Nikovskaja L. I. Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendencii real'nogo razvitija = Civic participation: features of discourse and trends in real development / L. I. Nikovskaja, I. A. Skalaban // Polis. Politicheskie issledovanija. 2017. № 6. S. 43-60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.

13. Selezneva A. V. Patriotizm kak političeskaja cennost': politiko-psihologičeskij analiz = Patriotism as a political value: political and psychological analysis // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2017. № 38. S. 200-208. DOI: 10.17223/1998863H/38/20.

14. Tihonova V. A. Patriotizm kak cennostnaja osnova politicheskoy kul'tury rossijskogo obshhestva = Patriotism as the value basis of the political culture of Russian society / V. A. Tihonova, B. M. Hugaev // Kul'tura i obrazovanie. 2017. № 4. S. 5-9.

15. Chuprov V. I. Otnoshenie k social'noj real'nosti v rossijskom obshhestve: sociokul'turnyj mehanizm formirovaniya i vosproizvodstva = Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction / V. I. Chuprov, Ju. A. Zubok, N. A. Romanovich. Moskva : Norma : INFRA-M, 2014. 352 s.

16. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29.12.2012 N 273-FZ (v red. ot 1 sentjabrja 2021 goda) = Federal Law “On Education in the Russian Federation” of 29.12.2012 N 273-FZ (as amended on September 1, 2021).

17. Federal'nyj proekt «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii» nacional'nogo proekta «Obrazovanie» na 2021-2024 gg. = Federal project “Patriotic education of citizens of the Russian Federation” of the national project “Education” for 2021-2024. URL: http://cpvrb.ru/programmy/federalnyj_proekt_patrioticheskoe_vospitanie_grazhdan_rossijskoj_federacii_nacionalnogo_proekta_obrazovanie_na_2021_2024_gg/. (Data obrashhenija: 27.11.2021).

18. Finell E., Zogmaister C. Blind and constructive patriotism, national symbols and outgroup attitudes // Skandinavian journal of philosophy. 2015. Volume 56, Issue 2. P. 189-197.

19. Goode J. P. Everyday patriotism and ethnicity in today's Russia. Russia before and after Crimea: Nationalism and identity, 2010-2017. Ed. by B. Kosto and Helge Blakkisrud. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2018. P. 258-281.

20. Gu C. The connotation and requirements of patriotism // Learning & education. 2021. Volume 9, Issue 4. P. 121-123.

21. Kleinig J. Patriotism in the age of Trump // Journal of social philosophy. 2021. 52(3). P. 393-402.

22. Papastephanou M. Inward and outward patriotism // Review of European studies. 2013. Vol.5. №.2. P. 20-32.

23. Spry C., Hornsey M. The influence of blind and constructive patriotism on attitudes toward multiculturalism and immigration // Australian journal of psychology. 2007. Vol. 59. No. 3. P. 151-158.

Статья поступила в редакцию 16.01.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 16.01.2022; approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80

Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления

Бугайчук Татьяна Владимировна

Доктор политических наук, кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Аннотация. В статье представлено актуальное направление исследования в политологии – исследование идентичности гражданина страны, особенности ее становления – формирования и развития у молодого поколения, так как политическая наука стоит на пороге нового этапа новейшей истории, когда понятия гражданства и гражданского общества становятся определяющими для успешного развития политической системы. В этой связи в статье анализируются такие важные аспекты проблемы, как выявление закономерностей становления гражданской идентичности у молодого поколения россиян в современных нестабильных социально-экономических, политических условиях и дана характеристика специфических особенностей развития гражданской идентичности как политического концепта, определяется влияние социокультурной трансформации в России на становление гражданской идентичности современного молодого поколения. Особое значение автор придает роли государственной власти в развитии гражданского самосознания молодых россиян (образовательной и молодежной политике), раскрывает важные содержательные характеристики становления гражданской идентичности молодого поколения в условиях социокультурной трансформации современной России с феноменологических позиций на основе интегративного подхода, такие как: дуальность и противоречивость становления гражданской идентичности у молодого поколения в связи с мировой глобализацией и социальными, и культурными трансформационными процессами в России; интегративный характер процесса становления гражданской идентичности; влияние западных идей автономии и коллективистских традиций российского менталитета на становящуюся личность; возрастные особенности формирования гражданской идентичности; структурные компоненты гражданской идентичности – когнитивный компонент, ценностно-мотивационный компо-

мент и деятельностный компонент; влияние социальных сетей на молодое поколение; ориентация на личность конкретного человека.

Ключевые слова: гражданская идентичность; интегративный подход; молодое поколение; социокультурная трансформация; становление гражданской идентичности

Для цитирования: Бугайчук Т. В. Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 70-80. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80>

Original article

Civic identity of the russian younger generation: specifics and patterns of formation

Tatiyana V. Bugaichuk

Doctor of political sciences, candidate of psychological sciences, associate professor of department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.
mischenko@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6936-613X>

Abstract. The article presents the current research trend in the political science – the study of the identity of a citizen of the country, the peculiarities of its formation – the formation and development of the younger generation, since the political science is on the verge of a new stage in recent history, when the concepts of citizenship and civil society become decisive for the successful development of the political system. In this regard, the article analyzes such important aspects of the problem as the identification of the laws on the formation of civil identity in the younger generation of Russians in modern unstable socio-economic, political conditions and describes the specific features of the development of civil identity as a political concept, determines the influence of socio-cultural transformation in Russia on the formation of the civil identity of the modern young generation. The author attaches particular importance to the role of state power in the development of civic identity of young Russians (educational and youth policy), reveals important meaningful characteristics of the formation of the civic identity of the younger generation in the context of the socio-cultural transformation of modern Russia from phenomenological positions based on an integrative approach, such as: the duality and contradiction of the formation of civic identity among the younger generation in connection with world globalization and social, and cultural transformational processes in Russia; the integrative nature of the process of civil identity formation; the influence of Western ideas of autonomy and collectivist traditions of the Russian mentality on the becoming personality;

age-specific characteristics of civic identity formation; structural components of civic identity – cognitive component, value-motivation component and activity component; the impact of social media on the younger generation; personal orientation of a particular person.

Keywords: civic identity; integrative approach; young generation; sociocultural transformation; formation of civic identity

For citation: Bugaichuk T. V. Civic identity of the russian younger generation: specifics and patterns of formation. *Social and political researches*. 2022;1(14): 70-80. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80>

Введение

Актуальность научного исследования становления гражданской идентичности определяется тем, что в ситуации социально-экономической неустойчивости и политической нестабильности, вызванной трансформационными процессами во всех сферах жизни современной России, своевременным становится поиск и политологический анализ социокультурных факторов, несущих в себе как дестабилизирующий, так и стабилизирующий общество эффект [Дробужева, 2018]. К наиболее важным факторам мы относим гражданскую идентичность личности, так как, на наш взгляд, общество, у членов которого не сформирована гражданская идентичность, не может быть стабильным и эффективно развиваться. Помимо этого, актуальным является и научная востребованность результативных технологий и инструментов формирования, и развития гражданской идентичности в новых геополитических реалиях на постсоветском пространстве, а также необходимость исследова-

ований государственной политики в российской политологии как одной из значимых в теоретическом и политико-практическом отношении тем междисциплинарного свода знаний об идентичности [Понедельков, 2013; Попова, 2019].

Международные практики такого политического строительства связаны прежде всего с развитием гражданского общества [Никовская, 2017; Arato, 1984; Parsons, 1991]. Существование сильного и стабильного полиэтничного государства невозможно без культивации чувства национальной общности и единства национальных интересов граждан. Современное государство, является ли оно «осколком» разрушенной большой страны или успешным демократическим проектом, куда стремятся мигранты из стран второго и третьего мира, сталкивается с проблемой эффективности политики идентичности, обусловленной необходимостью реконструкции представлений о национальном единстве, общности исторической памяти и судьбы, единых ценностей, мифов [Snyder,

1993; Der-Karabetian, 2018; Smith, 1991; Shulman, 2002]. По этой причине изучение проблемы становления гражданской идентичности в России является своевременным и перспективным [Баранов, 2019].

Социально-политические изменения в России требуют ответа на вопрос, который имеет стратегическое значение для успешного будущего российской государственности: каким должен быть процесс формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян в период всеобщей нестабильности и социокультурной трансформации?

Феномен современной России в том, что ее социально-политическая система являет собой переходную форму между коллективной и индивидуалистической. Очевидно, что кризис идентичности в России связан с разрушением советской ценностно-нормативной системы, формированием аномии, размыванием исторической преемственности. Это породило психологический дискомфорт в обществе, абсентеистские, сепаратистские и даже экстремистские тенденции в среде молодежи. В такой период крайне трудно соотносить себя с такими социальными общностями, как государство и нация.

Особенно сложным процесс самоопределения и политической социализации представляется для молодой личности. Молодое поколение объективно является активным и заинтересованным участником

общественно-политических и экономических преобразований [Коряковцева, 2019; Морозова, 2019; Viola, 2020]. Молодежь – стратегический ресурс изменений России, поэтому от того, какую гражданскую позицию выбирает подрастающее поколение, зависит становление нового общества [Зубок, 2016].

Методы исследования

Спецификой нашего исследования является изучение становления гражданской идентичности молодого поколения россиян как политического концепта и как индикатора политической стабильности на основе интегративного подхода [Бугайчук, 2021]. Это приводит к поиску стратегической концепции формирования гражданской идентичности в период социокультурной трансформации общества с феноменологических позиций. В таком ракурсе изучение становления гражданской идентичности молодых россиян представляется новым.

Наша научная гипотеза заключается в том, что становление гражданской идентичности современного молодого поколения россиян имеет свои особенности, структуру, содержание, закономерности, практики развития в ситуации социокультурной (и прежде всего – политической) трансформации российского общества, что следует учитывать при осуществлении государственной молодежной и образовательной политики.

Применение интегративного подхода к изучению становления гражд-

данской идентичности заключается в осмыслении этого процесса как интегративного явления с позиций трансдисциплинарности с учетом интегративности его формирования. Социокультурная трансформация – также интегративная среда для развития гражданской идентичности современного молодого поколения. При этом личность рассматривается тоже как интегративное явление, которая, социализируясь, становится частью общества, оказывая влияние на его формирование и развитие даже в период экзистенциального кризиса.

Феноменологическое осмысление личности в со-бытии с другими потребовало обращения к идеям выдающегося представителя русского религиозного экзистенциализма Николая Александровича Бердяева [Бердяев, 2008], который называл личность духовной сущностью и считал, что именно «активность человеческого духа» определяет «активность его действий» [Коржавцев, 2016].

Именно на этих основах мы предлагаем выстраивать концепцию становления гражданской идентичности молодых россиян.

Результаты исследования

Демократизация современного общества требует расширения пространства такой социально-политической практики, в ходе которой представители новой генерации идентифицировали бы себя как Граждане [Глобализация, 2020; Name, 2019; Fukuyama, 2018]. С

одной стороны, они автономны от государства и способны выражать себя свободно, а с другой стороны, осознают свою политико-правовую и социокультурную принадлежность к обществу и государству.

Тенденция автономизации личности от государства и рост потребления характерны для постиндустриальных обществ, но российское коллективное социально-политическое сознание до сих пор содержит ориентации на справедливость, жертвенность, подвижничество.

В связи с этим необходима гармонизация процесса автономизации личности и коллективистских особенностей российского менталитета, что требует соответствующих социально-политических механизмов формирования гражданской идентичности молодых россиян.

Истинное становление гражданской идентичности означает её принятие личностью как значимой ценности. С феноменологических позиций очевидно, что в процессе формирования гражданской идентичности следует исходить из деятельности и активности личности, так как деятельностный компонент гражданской идентичности, есть мерило и одновременно – результат сформированности ее ценностно-мотивационного и когнитивного компонентов. В этом и заключается, на наш взгляд, особая структурная взаимозависимость внутри гражданской идентичности.

Таким образом, о сформированной гражданской идентичности

можно говорить только тогда, когда все компоненты интегративной структуры идентичности объединены и имеют взаимосвязанный и взаимовлияющий позитивный характер.

Когнитивный и ценностно-мотивационный компоненты способствуют формированию «активности духа» молодого поколения: базисных ценностных ориентаций, в том числе – патриотизма, этических, правовых, политических знаний, материальной и духовной культуры общества, системы нравственных норм, а также позволяют оценивать собственные гражданские поступки и собственную гражданскую позицию.

Деятельностный компонент развивает направляемую «активностью духа» «активностью действий»: реальное осознанное поведение личности, ее умение выполнять социально-нравственные обязанности, руководствоваться общественными ценностями в собственной деятельности на Благо общества и государства.

Очевидно, что развитие «активности духа» личности должно предшествовать развитию «активности действий», и начинаться в дошкольном возрасте, в период активного формирования личности, чтобы избежать асоциализации молодых людей и возникновения деструктивных молодежных сообществ в более старшем возрасте.

Роль государства как инициатора создания общественно-государственной системы, направленной на развитие личностной

идентификации и регулятора объективного процесса становления гражданской идентичности молодого поколения посредством модернизации молодежной и образовательной политики, является особенно значимой в период социокультурной трансформации.

Одной из стратегий молодежной и образовательной политики должно стать оздоровление общества, профилактика и коррекция негативных социальных и политических явлений в детской и молодежной среде. Особое внимание необходимо уделять содержанию досуговой деятельности, предназначенной для молодых граждан. Кроме того, в период распространения во всем мире религиозного фанатизма и вновь обозначившегося нацизма крайне важно сохранить ценности национальной социально-политической и нравственной культуры, умело интегрируя в нее стихийно возникающие современные элементы. Сохранение исторической памяти – одна из основ становления личности, поскольку ее символически значимые события формируют смысловую основу гражданской идентичности народа в целом и каждого отдельного человека в частности.

Современная государственная политика обозначила вектор развития общероссийской (коллективной) идентичности граждан, но при этом отсутствие конкретных содержательных действий со стороны субъ-

ектов реализации данного решения не позволяет достигнуть цели.

Также современная молодежная политика уделяет гипертрофированное внимание развитию военно-патриотического направления, которое является лишь частью процесса гражданской идентификации. Вопрос о роли личностной идентификации в государстве и в гражданском обществе практически не решается. Указанные причины подчеркивают необходимость создания системы подготовки квалифицированных кадров, готовых к эффективному формированию гражданской идентичности у молодого поколения страны.

Проведенные нами в течение нескольких лет исследования результатов ряда социальных практик подтверждают, что в стабильном обществе доминирует объективная составляющая, а в условиях радикальной трансформации социокультурных ценностей и норм (что и происходит сегодня и в России, и в мировом сообществе) преобладает субъективная составляющая гражданской идентичности. Именно это преобладание определяет особую сложность процесса становления гражданской идентичности молодежи.

Результаты исследования убеждают, что субъекты реализации молодежной и образовательной государственной политики не обладают достаточным уровнем собственной гражданской идентичности и не готовы формировать ее у других.

Заключение

В процессе нашего исследования были определены закономерности процесса становления гражданской идентичности молодых россиян. Они представляют собой тенденции, определяющие одну из линий общественно-политического развития общества, находящегося в состоянии трансформации:

– во-первых, дуальный и противоречивый характер становления гражданской идентичности у молодого поколения в связи с мировой глобализацией и социально-культурной трансформацией в России;

– во-вторых, приоритетная роль образовательной и молодежной политики государства в реализации общественно-государственной системы формирования гражданской идентичности;

– в-третьих, использование отечественного опыта многонационального государства, исторических, культурных, социальных, политических, экономических и конфессиональных особенностей России;

– в-четвертых, интегративный характер процесса, с одной стороны, становится фактором преодоления фрагментарности и конкуренции теорий, а с другой стороны, – основой для преемственности динамики формирования гражданской идентичности и системного взаимодействия субъектов реализации процесса;

– в-пятых, гармонизация западных идей автономии и коллективистских традиций российского

менталитета за счет внедрения авторской феноменологической модели формирования;

– в-шестых, учет возрастных особенностей детей в процессе формирования гражданской идентичности. важно начинать с дошкольного возраста. каждый возрастной период сензитивен для формирования своего компонента гражданской идентичности;

– в-седьмых, сформированность гражданской идентичности зависит от сформированности всех компонентов гражданской идентичности: когнитивного, ценностно-мотивационного и деятельностного;

– в-восьмых, снижение роли акторов, закономерных для советского периода – семьи, школы, коллектива в формировании гражданской идентичности. превалирует роль социальных сетей, что необходимо учитывать;

– в-девятых, зависимость эффективности формирования гражданской идентичности от компетентных специалистов в этой области, у которых наблюдается сформированная гражданской идентичность, а не «ее внешний образ»;

– в-десятых, ориентация на личность конкретного ребенка, а не на массовость в формировании гражданской идентичности.

Названные выше закономерности становления молодых россиян легли в основу нашей стратегической концепции становления гражданской идентичности, которая дает системное представление о характере данного политического концепта в период трансформаций общества и возможностях его изменения.

«Семья – образование – молодежная политика государства – общественные институты» – вот пространство системного формирования гражданской идентичности молодого поколения. Оно может оказать прямое влияние на решение таких социально-политических задач, как повышение относительно гомогенного патриотического сознания молодого поколения и формирование активного гражданского общества. Мы убеждены, что только системная интеграция всех субъектов развития гражданского общества в стране, взаимодействие всех участников процесса по становлению гражданской идентичности позволят получить развитое, активное и стабильное гражданское общество. Нам бы хотелось, чтобы разработанная концепция легла в основу целостной общественно-государственной системы становления гражданской идентичности молодого поколения россиян в затянувшемся периоде трансформации.

Библиографический список

1. Баранов Н. А. Общероссийская гражданская идентичность в политико-культурном контексте // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): международная научная конференция,

- Сыктывкар, 10-12 октября 2019 г. : сборник научных трудов / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 88-94.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2008. 318 с.
 3. Бугайчук Т. В. Становление гражданской идентичности молодого поколения в период социокультурной трансформации современной России : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 319 с.
 4. Глобализация: на грани реального и виртуального : коллективная монография / отв. ред. Н. А. Баранов. Санкт-Петербург : ООО «Геополитика и безопасность», ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2020. 292 с.
 5. Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100-115.
 6. Зубок Ю. А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе / Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовская, Н. Л. Смакотина. Москва : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. 166 с.
 7. Коряковцева О. А. Формирование гражданской идентичности молодежи как фактора единения российского общества // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы : материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Москва : Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 211-212.
 8. Коряковцева О. А. Феноменологический подход к формированию гражданской идентичности российской молодежи / О. А. Коряковцева, Т. Г. Дос-сэ // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 29-35.
 9. Морозова Е. В. Влияние международных событий на формирование национальной и политической идентичности (на примере XIX всемирного фестиваля молодежи и студентов) // Региональные стратегии международной безопасности: Россия, ЕС и Ближний Восток. Материалы международной научной конференции / отв. ред. А. В. Акульшина. Москва : Научный консультант, 2019. С. 244-251.
 10. Никовская Л. И. Роль гражданского общества в формировании гражданской идентичности и консолидации российского общества: политико-управленческий аспект // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 3. С. 62-67.
 11. Попова О. В. Модели и технологии формирования политики идентичности в «новых» государствах // Социальные изменения в глобальном мире. Штип : Издательство университета Гоце Делчева, 2019. С. 757-772.
 12. Arato A., Cohen J. L. Social movements, civil society and the problem of sovereignty // Praxis international - 4. 1984. № 3. P. 266-283.
 13. Der-Karabetian A., Alfaro M., Cao Y. Relationship of sustainable behavior, world-mindedness, national and global identities, perceived environmental risk and globalization impact among college students in the United States. Psychology and cognitive sciences, 2018. 4. P. 8-13.
 14. Fukuyama F. Identity: the demand for dignity and the politics of resentment. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 240 p.

15. Hamer K., McFarland S., Penczek M. What lies beneath? Predictors of identification with all humanity. *Personality and individual differences*, 2019. 141. P. 258-267.
16. Parsons T. *The social system*. London: Routledge, 1991. 575 p.
17. Shulman S. Challenging the civic. *Ethnic and West: East dichotomies in the study of nationalism // Comparative political studies*. 2002. Vol. 35. №5. P. 554-585.
18. Smith A. *National identity*. Reno: University of Nevada Press. 1991. 198 p.
19. Snyder J. *Nationalism and the crisis of the post-soviet state // Ethnic conflict and international security / M. E. Broun Ed. Princetin, N.J: Princetin University Press, 1993. P. 79-102.*
20. Viola J. K. *Young people's civic identity in the digital age*. London : Palgrave Macmillan, Cham, 2020. 208 p.

Reference list

1. Baranov N. A. *Obshherossijskaja grazhdanskaja identichnost' v politiko-kul'turnom kontekste = All-Russian civic identity in the political and cultural context // Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitija XXI veka (k 130-letiju so dnja rozhdenija): mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, Syktyvkar, 10-12 oktjabrja 2019 g. : sbornik nauchnyh trudov / gl. red. O. A. Sotnikova. Syktyvkar : Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2019. S. 88-94.*
2. Berdjaev N. A. *Russkaja ideja = Russian idea*. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2008. 318 s.
3. Bugajchuk T. V. *Stanovlenie grazhdanskoj identichnosti molodogo pokolenija v period sociokul'turnoj transformacii sovremennoj Rossii = The formation of the civic identity of the younger generation during the socio-cultural transformation of modern Russia: monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. 319 s.*
4. *Globalizacija: na grani real'nogo i virtual'nogo = Globalization: on the border of real and virtual : kollektivnaja monografija / otv. red. N. A. Baranov. Sankt-Peterburg : OOO «Geopolitika i bezopasnost'», ID «PETROPOLIS», 2020. 292 s.*
5. Drobizheva L. M. *Rossijskaja identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznanija = Russian identity: discussions in the political space and the dynamics of mass consciousness // Polis. Politicheskie issledovanija. 2018. № 5. S. 100-115.*
6. Zubok Ju. A. *Molodezh' i molodezhnaja politika v sovremennom rossijskom obshhestve = Youth and youth policy in modern Russian society / Ju. A. Zubok, T. K. Rostovskaja, N. L. Smakotina. Moskva : ITD «PERSPEKTIVA», 2016. 166 s.*
7. Korjakovceva O. A. *Formirovanie grazhdanskoj identichnosti molodezhi kak faktora edinenija rossijskogo obshhestva = The formation of civic identity of young people as a factor in the unity of Russian society // Traektorii politicheskogo razvitija Rossii: instituty, proekty, aktory : materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva : Moskovskij pedagogicheskij gosudarstvennyj universitet, 2019. S. 211-212.*
8. Korjakovceva O. A. *Fenomenologicheskij podhod k formirovaniju grazhdanskoj identichnosti rossijskoj molodezhi = Phenomenological approach to the formation of civic identity of Russian youth / O. A. Korjakovceva, T. G. Dossje // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. № 6. S. 29-35.*

9. Morozova E. V. Vlijanie mezhdunarodnyh sobytij na formirovanie nacional'noj i politicheskoj identichnosti (na primere XIX vseirnogo festivalja molodezhi i studentov) = The influence of international events on the formation of national and political identity (using the example of the XIX world festival of youth and students) // Regional'nye strategii mezhdunarodnoj bezopasnosti: Rossija, ES i Blizhnij Vostok. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / otv. red. A. V. Akul'shina. Moskva : Nauchnyj konsul'tant, 2019. S. 244-251.

10. Nikovskaja L. I. Rol' grazhdanskogo obshhestva v formirovanii grazhdanskoj identichnosti i konsolidacii rossijskogo obshhestva: politiko-upravlencheskij aspekt = The role of civil society in the formation of civic identity and consolidation of Russian society: the political and managerial aspect // Vestnik Voronezhskogo universiteta. Serija: Istorija. Politologija. Sociologija. 2017. № 3. S. 62-67.

11. Popova O. V. Modeli i tehnologii formirovanija politiki identichnosti v «novyh» gosudarstvah = Identity policy models and technologies in “new” states // Social'nye izmenenija v global'nom mire. Shtip : Izdatel'stvo universiteta Goce Delcheva, 2019. S. 757-772.

12. Arato A., Cohen J. L. Social movements, civil society and the problem of sovereignty // Praxis international - 4. 1984. № 3. P. 266-283.

13. Der-Karabetian A., Alfaro M., Cao Y. Relationship of sustainable behavior, world-mindedness, national and global identities, perceived environmental risk and globalization impact among college students in the United States. Psychology and cognitive sciences, 2018. 4. P. 8-13.

14. Fukuyama F. Identity: the demand for dignity and the politics of resentment. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2018. 240 p.

15. Hamer K., McFarland S., Penczek M. What lies beneath? Predictors of identification with all humanity. Personality and individual differences, 2019. 141. P. 258-267.

16. Parsons T. The social system. London: Routledge, 1991. 575 p.

17. Shulman S. Challenging the civic. Ethnic and West: East dichotomies in the study of nationalism // Comparative political studies. 2002. Vol. 35. №5. P. 554-585.

18. Smith A. National identity. Reno : University of Nevada Press. 1991. 198 p.

19. Snyder J. Nationalism and the crisis of the post-soviet state // Ethnic conflict and international security / M. E. Broun Ed. Princetin, N.J: Princetin University Press, 1993. P. 79-102.

20. Viola J. K. Young people's civic identity in the digital age. London : Palgrave Macmillan, Cham, 2020. 208 p.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 17.01.2022; approved after reviewing 06.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

**ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Научная статья

УДК 37.017

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-81-94

**Воспитательная составляющая социализации
в системе дополнительного образования детей**

Голованов Виктор Петрович

Доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», г. Москва.

golovanov@institutdetstva.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6926-8791>

Аннотация. Современное дополнительное образование детей объективно определяет воспитание в качестве доминанты, рассматривая его как приоритетную составляющую дополнительного образования. Несмотря на то, что в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» нет прямого указания на обязательность разработки примерной программы воспитания в организациях дополнительного образования, объективно в современной социокультурной ситуации, есть потребность в реализации воспитательного потенциала дополнительных общеобразовательных программ. В этой связи в данной статье речь идет о новых подходах к организации воспитывающей деятельности в системе образования. Отмечается, что в современных социокультурных условиях воспитание должно быть сфокусировано на достижении двух взаимосвязанных целей: успешности социализации подрастающих поколений и саморазвития человека как субъекта деятельности, как личности и как индивидуальности. Воспитание рассматривается как педагогически организованный процесс развития личности, освоения и принятия ценностей, моральных норм общества. В статье учитывается, что в связи с законодательной инициативой Президента Российской Федерации В. В. Путина от 21 мая 2020 г. о проекте федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»

© Голованов В. П., 2022

Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» особую актуальность приобретает обращение к проблеме воспитания в системе образования. Сделан акцент на осознанной потребности государства в восстановлении воспитательной функции образования и в ее новом осмыслении.

Ключевые слова: воспитание; дополнительное образование; воспитательная функция; образование; воспитательный вектор; воспитывающая деятельность; воспитательный потенциал; новые смыслы; воспитательная доминанта образования; социальная деятельность

Для цитирования: Голованов В. П. Воспитательная составляющая социализации в системе дополнительного образования детей // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 81-94. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-81-94>

THEORY, METHODS AND ORGANIZATION OF SOCIO-CULTURAL ACTIVITIES

Original article

Educational component of socialization in the system of children's supplementary education

Viktor P. Golovanov

Doctor of pedagogical sciences, professor, chief researcher, Institute for the study of childhood, family and education of the Russian academy of education, Moscow.
golovanov@institutdetstva.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6926-8791>

Abstract. Modern supplementary education of children objectively defines education as a dominant, considering it as a priority component of supplementary education. Despite the fact that in the Federal Law of July 31, 2020 No. 304-FZ “On Amending the Federal Law” On Education in the Russian Federation “On the education of students” there is no direct indication of the obligation to develop an exemplary program of education in organizations of supplementary education, objectively in the modern sociocultural situation, there is a need to implement the educational potential of supplementary general education programs. In this regard, this article deals with new approaches to organizing educational activities in the educational system. It is noted that in modern socio-cultural conditions, education should be focused on achieving two interconnected goals: the success of socialization of younger generations and the self-development of a person as a subject of activity, as a person and as an individual. Education is considered as a pedagogically organized process of personal development, development and acceptance of values, moral standards of society. The article takes into account that in connection with the legislative initiative of the President of the Russian Federation V. V. Putin of May 21, 2020

on the draft federal law “On Amendments to the Federal Law” On Education in the Russian Federation “on the education of students”, the appeal to the problem of education in the education system becomes especially relevant. The emphasis is placed on the State's conscious need to restore the educational function of education and its new understanding.

Keywords: education; supplementary education; educational function; learning; educational vector; educational activity; educational potential; new meanings; educational dominant of education; social activity

For citation: Golovanov V. P. Educational component of socialization in the system of children's supplementary education. *Social and political researches*. 2022;1(14):81-94. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-81-94>

Введение

За последние два года государство вновь обратилось к необходимости усиления воспитательной составляющей образования, задав Федеральным законом от 31 июля 2020 г. N 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» воспитательный вектор. Не случайно в последнее время центральной темой многочисленных профессионально-педагогических обсуждений становится воспитание в образовательных организациях. Обсуждаются примерные программы воспитания в дошкольных образовательных организациях, общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях. Все эти действия – следствие непосредственно законодательных решений государства, выполнение предписаний и положений принятого Федерального закона о внедрении с 1 сентября теку-

щего года программ воспитания на данных уровнях образования. Как видим, данный закон предусматривает перечень основных образовательных программ (основные образовательные программы по уровням дошкольного, общего, среднего профессионального и высшего образования), в которые нужно включить рабочую программу воспитания и календарный план воспитательной работы.

Вопрос – а как быть с дополнительным образованием детей, ведь организации дополнительного образования в законе не названы, в нём нет прямого указания на необходимость и обязательность разработки примерной программы воспитания в организации дополнительного образования детей. С одной стороны, нет требования, следовательно, нет необходимости и проектировать, программировать и моделировать воспитание в организации дополнительного образования. Но с другой стороны, большинство организаций дополнительного образования само-

стоятельно включаются в данный процесс, не дождавшись официальных рекомендаций и разъяснений органов управления образованием. Подтверждение того, что работа «на местах» идет, мы получаем регулярно с сайтов образовательных организаций, из сети Интернет, средств массовой информации и из выступлений педагогических работников на профессиональных мероприятиях различного масштаба.

Что же в этой связи должны предпринять организации дополнительного образования, следуя за положениями Федерального закона?

Современное дополнительное образование

Современное дополнительное образование детей сегодня выступает в единстве его двух неразрывных частей – обучения и воспитания. Главное, нужно помнить, что воспитание – такая же обязанность педагога дополнительного образования, как и обучение, и творческое развитие. Данные процессы невозможно разделить. Обучение не существует без воспитания. К сожалению, сегодня часто можно наблюдать доминирование процесса обучения, переноса традиций классно-урочной системы на дополнительное образование детей. А этого не должно быть. На всех этапах становления и развития внешкольного образования, внешкольного воспитания и современного дополнительного образования предметная деятельность, профиль, направленность были вторичны,

рассматривались как ресурс, как средство развития личности взрослого человека. И сегодня дополнительное образование детей объективно определяет *воспитание* в качестве доминанты, рассматривая его как приоритетную составляющую.

Согласно российскому законодательству, «образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» (п. 1 ст. 2 ФЗ-273).

Сегодня в дополнительном образовании детей и взрослых заложен программный подход. Основой современного дополнительного образования является дополнительная общеобразовательная программа (общеразвивающая и предпрофессиональная). Заметим, что обязанность обеспечить получение образования детьми возлагается на родителей (п. 1–1 ст. 17), а обязанность обеспечить реализацию образовательных программ в полном объеме, соответствие качества подготовки обучающихся установлен-

ным требованиям, соответствие применяемых форм, средств, методов обучения и воспитания возрастным, психофизическим особенностям, склонностям, способностям, интересам и потребностям обучающихся (п. 6–1, п. 7 ст. 28) возлагается на образовательную организацию. Исходя из того, что разработка дополнительной общеобразовательной программы (общеразвивающая и предпрофессиональная) осуществляется самостоятельно самой организацией дополнительного образования, то моделирование воспитания, разработка и реализация программы воспитания относятся к компетенции самой организации дополнительного образования и организации, реализующей дополнительные общеобразовательные программы. Они могут самостоятельно определять вид, содержание, форму и уровень модели, модули рабочей программы воспитания [Буйлова, 2021а].

Давайте подумаем, какие подходы могут быть к моделированию, проектированию программы воспитания в организации дополнительного образования?

Воспитание рассматривается как стратегический приоритет, требующий обновления и усиления воспитательной деятельности на федеральном, региональном, муниципальном и институциональном уровнях. Поэтому педагоги дополнительного образования должны разобраться не только в измененных смыслах, но и понять предсто-

ящие изменения в работе, совместно выстроить план действий, чтобы выполнить новые требования. Многие организации дополнительного образования не ждут «милостыни от природы», а самостоятельно создают свои программы воспитания. Так, проведенный нами анализ существующих программ воспитания в организациях дополнительного образования показал, что ряд организаций приняли «Программу воспитания и социализации...», другие «Программу воспитания...», третьи «Программу воспитательной работы...», четвертые «Воспитательные программы детского объединения...», пятые разработали «Воспитательную систему Центра ...» [Асафова, 2021]. Необходимо отметить, что ряд организаций дополнительного образования, используя определенные разделы и модули примерной программы воспитания общеобразовательных организаций, актуальные и для дополнительного образования, разработали собственную рабочую программу воспитания с учетом специфики дополнительного образования детей.

До 1 сентября 2020 г. ФЗ-273 не включал вопросов воспитания в образовательную программу, а теперь понятие «образовательная программа» определяется как «комплекс основных характеристик образования (объем, содержание, планируемые результаты) и организационно-педагогических условий, который представлен в виде учебного плана, календарного учебного

графика, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), иных компонентов, оценочных и методических материалов, а также в предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях в виде рабочей программы воспитания, календарного плана воспитательной работы, форм аттестации» (п. 9 ст. 2) [Федеральный закон ... , 2020].

Из этого следует, что ответственность за воспитание обучающихся возложена на образовательную организацию, так как именно образовательная организация несет ответственность за реализацию не в полном объеме образовательных программ (п. 7 ст. 28); образовательная программа должна иметь в своей структуре все перечисленные в данном определении компоненты, в том числе – рабочую программу воспитания и календарный план воспитательной работы [Федеральный закон ... , 2020].

Если понятие «образовательная программа» закреплено законодательно, то все разрабатываемые образовательные программы должны «вписываться» в законодательно установленные рамки, то есть должны в своей структуре содержать обозначенные элементы. И это важно, так как практика контрольно-надзорной деятельности свидетельствует, что самым высоким процентом выявляемых нарушений является «несоответствие образовательной программы требованиям законодательства» [Буйлова, 2021б, с. 17].

Необходимо учесть, что в соответствии с Порядком организации осуществления деятельности по дополнительным общеобразовательным программам, дополнительные общеразвивающие программы формируются с учетом пункта 9 статьи 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [Приказ Минпросвещения России ... , 2018].

Объективно в современной социокультурной ситуации есть потребность в реализации воспитательного потенциала дополнительных общеобразовательных программ и поиск вариантов разработки воспитательного модуля организации дополнительного образования, рабочих программ воспитания, направленных на реализацию воспитательного потенциала предметной деятельности в дополнительном образовании детей с учетом приоритетов государственной, региональной и муниципальной политики в области воспитания.

Воспитательные практики дополнительного образования показали, что могут быть разные подходы к разработке программ воспитания в организации дополнительного образования. Так, например, это могут быть:

- воспитательные модели социально-значимой деятельности;
- модели внешкольного воспитания в социуме, муниципальная программа внешкольного воспитания как ядро воспитательного пространства детства;

– интегрированная программа воспитания с уровнями образования: дошкольное, общее, среднее профессиональное, высшее профессиональное;

– программа воспитания в организации дополнительного образования;

– рабочая программа воспитания детского объединения организации дополнительного образования;

– воспитательный модуль дополнительной общеобразовательной программы;

– рабочая программа воспитания как составная часть дополнительной общеобразовательной программы.

Заметим, что воспитательный вектор дополнительного образования детей задается, прежде всего, на региональном, муниципальном и институциональном уровне.

Ключевым может являться разработка воспитательного модуля организации дополнительного образования. Общая цель воспитательного модуля организации дополнительного образования детей – воспитание развитой и социально ответственной личности, создание условий и возможностей для самореализации и развития талантов через реализацию воспитательного потенциала дополнительных общеобразовательных программ для каждого ребенка. Воспитывающая деятельность в организации дополнительного образования детей имеет две важные составляющие: индивидуальную работу с каждым

ребенком и формирование детского коллектива.

Воспитательный модуль организации дополнительного образования базируется на том, что воспитание в дополнительном образовании рассматривается, прежде всего, как организация педагогических условий и возможностей для осознания ребёнком собственного личностного опыта, приобретаемого на основе межличностных отношений и обусловленных ими ситуаций, проявляющегося в форме переживаний, смыслов творчества, саморазвития.

Главное при разработке и реализации воспитательного модуля – центрация воспитания на развитии личности: ориентация на идеал; культуросообразность, коллективность и диалогичность воспитания; личностно-персонифицированный подход; сетевое взаимодействие с разными субъектами дополнительного образования детей. Воспитание в дополнительном образовании – это восхождение к субъектности взрослого человека [Рожков, 2020].

Воспитательный модуль направлен на решение следующих основных задач: сохранение приоритета воспитания в сфере дополнительного образования детей; развитие гуманистической системы воспитания, где главным критерием является личностное развитие ребенка; обоснование основных подходов к определению содержания и организации воспитательной деятельно-

сти; представление примерных воспитательных практик дополнительного образования; формирование целостной воспитательной составляющей организации дополнительного образования детей на основе учета региональных, территориальных, институциональных социокультурных особенностей; описание системы возможных форм и способов воспитательного диалога взрослого и ребенка в организации дополнительного образования; содействие расширению воспитательного статуса педагога дополнительного образования; определение возможности личностного развития детей в процессе реализации воспитательного потенциала дополнительных общеобразовательных программ; обоснование комплекса организационно-педагогических условий и средств воспитательной составляющей направленностей дополнительных общеобразовательных программ; расширение состава субъектов воспитания, координации их усилий, укреплению социального партнерства организаций дополнительного образования; внедрение в педагогическую практику организаций дополнительного образования новейших достижений в области теории и практики воспитания; содействие формированию государственно-общественного сотрудничества и взаимодействия в сфере дополнительного образования детей; развитие и совершенствование системы психолого-

педагогической поддержки и медико-социальной реабилитации детей.

Воспитательный модуль в организации дополнительного образования детей учитывает приоритетные направления воспитания: личностный рост детей: возможность ребенку полноценно прожить детство, реализуя себя, решая социально-значимые задачи; освоение детьми социальных навыков и ролей (*нравственного человека, гражданина, профессионала, работника, семьянина и др.*); развитие культуры социального поведения растущего человека с учётом быстрой информатизации общества, роста динамики социально-экономических изменений; последовательное формирование коммуникативных дружественных детям сред.

В основе процесса воспитания детей в организации дополнительного образования лежат конституционные и национальные ценности современного российского общества. Основные обобщенные ценности – *осмысление, созидание, коллективизм* – должны найти свое отражение в основных направлениях воспитывающей деятельности организации дополнительного образования.

Несомненно, в каждой отдельной организации дополнительного образования и в деятельности каждого отдельного педагога дополнительного образования комплекс воспитательных приоритетов может быть уникальным, связанным с условиями деятельности, особен-

ностями контингента детей, спецификой образовательной деятельности. С учетом особенностей социокультурной среды, в которой воспитывается ребенок, в воспитательном модуле организации дополнительного образования отражаются образовательные отношения сотрудничества организации с семьями детей, со всеми субъектами образовательных отношений. Только при подобном подходе возможно воспитать юного россиянина как гражданина и патриота, раскрыть способности и таланты детей, подготовить их к жизни в высокотехнологичном, конкурентном обществе. Реализация воспитательного модуля организации дополнительного образования детей предполагает социальное партнерство с другими организациями.

Составной частью воспитательного модуля является рабочая программа воспитания дополнительной общеобразовательной программы как не формальный документ, а продукт личностного творения педагога дополнительного образования, его гражданской и профессиональной направленности, его понимания современности и личной роли в преобразовательной деятельности. Разработка рабочей программы воспитания дополнительной общеобразовательной программы – это творческий акт педагога дополнительного образования, путь к профессиональному достоинству и самоуважению [Голованов, 2021].

Программа воспитания имеет концептуальные основания и приоритетные принципы построения. При этом важно учитывать замечание К. Д. Ушинского: «Искусство воспитания имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже делом легким, – и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком теоретически или практически. Почти все признают, что воспитание требует терпения; некоторые думают, что для него нужны врожденные способность и умение, то есть навык; но весьма немногие пришли к убеждению, что кроме терпения, врожденной способности и навыка, необходимы еще и специальные знания...» [Ушинский, 2002, с. 30].

Реализация воспитательного потенциала дополнительного образования предполагает решение четырех групп воспитательных задач.

Первая группа реализует педагогическое сопровождение *экзистенциального выбора*. Педагоги должны помочь ребенку обеспечить его нравственное самоопределение, ответить на главные вопросы жизни: *каким быть и как должен быть реализован проект своего будущего существования?* Это возможно только при доверии ребенка педагогу. А со стороны педагога необходима реализация комплекса методов и форм индивидуальной работы с обучающимся, ориентированных на идеальное представление о

нравственном облике современного человека, на формирование гражданской идентичности и патриотических чувств.

Вторая группа воспитательных задач предполагает педагогическое сопровождение *социального выбора* и помогает ребенку ответить на вопросы: с кем быть, как строить свои отношения с людьми, как обеспечить свое участие в улучшении окружающей жизни. Дополнительное образование предоставляет ребенку возможности приобретения для него нового социального опыта.

Третья группа воспитательных задач предполагает педагогическое сопровождение *профессионального выбора* и помогает ребенку ответить на вопрос: кем быть?

Четвертая группа воспитательных задач связана с инкультурацией и предполагает педагогическое сопровождение *овладения ребенком нормами общественной жизни и культуры*, помогает ответить на вопрос: что такое красота жизни и искусства.

Главный акцент сделан на усиление воспитательного потенциала современного дополнительного образования детей. Для этого предлагается включение детей в коллективные общественно полезные практики, создание новых возможностей для их гражданско-нравственного и патриотического воспитания, использование получаемых знаний для решения реальных социальных проблем сообщества, региона, страны, а главное – для

личного самоопределения и самореализации. Именно поэтому необходима разработка и внедрение организациями дополнительного образования программ воспитания.

Воспитательные практики дополнительного образования также предлагают реализацию образовательных моделей, обеспечивающих применение получаемых знаний для решения актуальных проблем сообщества (хакатоны, проекты образовательной организации и др.); включение в содержание дополнительных общеобразовательных программ всех направленностей воспитательного модуля, ориентированного на формирование у детей и молодежи общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения; внедрение модели организации внешкольного воспитания и развития детей и подростков на территории муниципалитета, в социуме (по месту жительства); поддержка моделей воспитания детей в системе дополнительного образования с использованием культурного наследия муниципалитетов, регионов, традиций народов Российской Федерации, направленных на сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия страны.

Заключение

Дополнительное образование играет значимую роль в жизни детей, огромен его воспитательный

потенциал, а *воспитание* является доминантой, приоритетной составляющей дополнительного образования. В этой связи актуальны слова Л. С. Выготского: «Мы можем по своему произволу всё челове-

ство или любую его часть сделать несчастным, невежественным и порочным или счастливым, мудрым и добродетельным» [Выготский, 1999, с. 230].

Библиографический список

1. Асафова Т. Ф. Воспитательный компонент дополнительной общеобразовательной общеразвивающей программы / Т. Ф. Асафова, Е. В. Девятерикова // Методист. № 3. 2021. С. 30–32.
2. Буйлова Л. Н. Нацпроект «Образование»: новые подходы к организации воспитательной работы в ГБПОУ «Воробьевы горы» / Л. Н. Буйлова, З. А. Каргина, С. И. Лагутина, Л. В. Обровец // Информационно-методический журнал «Про_ДОД». № 1 (25), 2021а. С. 23–37.
3. Буйлова Л. Н. О рабочей программе воспитания в дополнительном образовании детей // Информационно-методический журнал «Про_ДОД». № 4, (34) август 2021б. С. 15–23.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. Москва : Лабиринт, 1999. 352 с.
5. Голованов В. П. Современное дополнительное образование детей – личное образовательное пространство детства // «Библиотечка» – приложение к журналу «Внешкольник»: сб. инновационных методических, дидактических и других материалов передовых педагогических работников и ученых России. Библиотечка для учреждений дополнительного образования детей / АНО ДПО «Академия образования и развития». Москва, 2016. № 1. 120 с.
6. Голованов В. П. Воспитание в современных социокультурных условиях: новые вызовы, возможности, ответственность // Социально-политические исследования. № 3 (8), 2020а. С. 123–133.
7. Голованов В. П. Воспитательная модель современного дополнительного образования детей // Информационно-методический журнал «Про_ДОД». № 4 (34) август 2021. С. 5–14.
8. Голованов В. П. Формирование безопасной и комфортной территории детства средствами дополнительного образования детей // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. Научно-методический журнал. № 1, 2020б. С. 6–12.
9. Демакова И. Д. Гуманизация пространства детства: теория и практика // Москва : Новый учебник, 2003. 256 с.
10. Концепция развития дополнительного образования детей // Решение Правительства РФ от 4 сентября 2014 г. № 1726-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Налимов В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. Москва : Водолей Publishers, 2007. 195 с.
12. Приказ Минпросвещения России от 09.11.2018 N 196 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам». URL:

<https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=374617>. (Дата обращения: 13.08.2021).

13. Рожков М. И. Воспитание свободного человека как целевая функция дополнительного образования // Методист. № 6. 2020. С. 2–5.

14. Сеницына Г. П. Феномен воспитания в контексте современного понимания // Электронный научный журнал «Вестник Омского государственного педагогического университета». Выпуск 2006. URL: www.omsk.cdu. (Дата обращения: 13.08.2021).

15. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Проект в редакции от 13 января 2015 г. URL: <http://edu.ru/files/discussion/appeal.html>. (Дата обращения: 13.08.2021).

16. Толстой Л. Н. Мысли о воспитании. Из писем и дневников // Педагогические сочинения. Москва : Педагогика, 1989. 451 с.

17. Ушинский К. Д. Опыт педагогической антропологии // Педагогическая антропология: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Ч. 1. Москва : Изд-во УРАО, 2002. С. 23–56.

18. Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся». Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 31.07.2020, N 0001202007310075) (вступил в силу с 1 сентября 2020 года).

19. Фельдштейн, Д. И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. Москва : Междунар. пед. акад., 1995. 258 с.

20. Цибизова Е. Б. Дополнительное образование: назначение, содержание, проблемы разработки программы // Народное образование. № 1. 2021. С. 129–135.

21. Цибизова Е. Б. Опыт разработки программы воспитания Дворца детского (юношеского) творчества имени Н. К. Крупской // Информационно-методический журнал «Про_ДОД», 2021. 03 (26). URL: <https://prodod.moscow/archives/20312>. (Дата обращения: 13.08. 2021).

Reference list

1. Asafova T. F. Vospitatel'nyj komponent dopolnitel'noj obshheobrazovatel'noj obshherazvivajushhej programmy = Educational component of the supplementary general education programme / T. F. Asafova, E. V. Devjaterikova // Metodist. № 3. 2021. S. 30–32.

2. Bujlova L. N. Nacproekt «Образование»: novye podhody k organizacii vospitatel'noj raboty v GBPOU «Vorob'evy gory» = National project “Education”: new approaches to the organization of educational work in the SBPEI “Vorobiovy Gory”/ L. N. Bujlova, Z. A. Kargina, S. I. Lagutina, L. V. Obrovec // Informacionno-metodicheskij zhurnal «Pro_DOD». № 1 (25), 2021a. S. 23–37.

3. Bujlova L. N. O rabochej programme vospitanija v dopolnitel'nom obrazovanii detej = On the work programme for the upbringing of children in supplementary education // Informacionno-metodicheskij zhurnal «Pro_DOD». № 4, (34) avgust 2021b. S. 15–23.

4. Vygotskij L. S. Myshlenie i rech' = Thinking and speech. 5-e izd., ispr. Moskva : Labirint, 1999. 352 s.

5. Golovanov V. P. Sovremennoe dopolnitel'noe obrazovanie detej – lichnoe obrazovatel'noe prostranstvo detstva = Modern additional education of children – personal educational space of childhood // «Bibliotekha» – prilozhenie k zhurnalu «Vneshkol'nik»: sb. innovacionnyh metodicheskikh, didakticheskikh i drugih materialovпередovyh pedagogicheskikh rabotnikov i uchenyh Rossii. Bibliotekha dlja uchrezhdenij dopolnitel'nogo obrazovanija detej / ANO DPO «Akademija obrazovanija i razvitija». Moskva, 2016. № 1. 120 s.

6. Golovanov V. P. Vospitanie v sovremennyh sociokul'turnyh uslovijah: novye vyzovy, vozmozhnosti, otvetstvennost' = Education in modern sociocultural conditions: new challenges, opportunities, responsibility // Social'no-politicheskie issledovanija. № 3 (8). 2020a. S. 123–133.

7. Golovanov V. P. Vospitatel'naja model' sovremennogo dopolnitel'nogo obrazovanija detej = Educational model of modern supplementary education of children // Informacionno-metodicheskij zhurnal «Pro_DOD». № 4 (34) avgust 2021. S. 5–14.

8. Golovanov V. P. Formirovanie bezopasnoj i komfortnoj territorii detstva sredstvami dopolnitel'nogo obrazovanija detej = Formation of safe and comfortable territory of childhood by means of additional education of children // Vestnik Akademii detsko-junosheškogo turizma i kraevedenija. Nauchno-metodicheskij zhurnal. № 1, 2020b. S. 6–12.

9. Demakova I. D. Gumanizacija prostranstva detstva: teorija i praktika = Humanization of childhood space: theory and practice // Moskva : Novyj učebnik, 2003. 256 s.

10. Konceptija razvitija dopolnitel'nogo obrazovanija detej // Reshenie Pravitel'stva RF ot 4 sentjabrja 2014 g. № 1726-r. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus» = Concept for the development of additional education for children//Decision of the Government of the Russian Federation of September 4, 2014 No. 1726-p. Access from the legal system “KonsultantPlus”.

11. Nalimov V. V. Spontannost' soznanija: Verojatnostnaja teorija smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti = Spontaneity of consciousness: Probabilistic theory of meanings and semantic architectonics of personality. Moskva : Vodolej Publishers, 2007. 195 s.

12. Prikaz Minprosveshhenija Rossii ot 09.11.2018 N 196 «Ob utverzhdenii Porjadka organizacii i osushhestvlenija obrazovatel'noj dejatel'nosti po dopolnitel'nym obshheobrazovatel'nym programmam» = Order of the Ministry of Education of Russia dated 09.11.2018 N 196 “On approval of the procedure for organizing and implementing educational activities under additional general education programs”. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=374617>. (Data obrashhenija: 13.08.2021).

13. Rozhkov M. I. Vospitanie svobodnogo cheloveka kak celevaja funkcija dopolnitel'nogo obrazovanija = Education of a free person as a target function of additional education // Metodist. № 6. 2020. S. 2–5.

14. Sinicyna G. P. Fenomen vospitanija v kontekste sovremennogo ponimanija = The phenomenon of education in the context of modern understanding // Jelektronnyj nauchnyj zhurnal «Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo

universiteta». Vypusk 2006. URL: www.omsk.edu. (Data obrashhenija: 13.08.2021).

15. Strategija razvitija vospitanija v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Proekt v redakcii ot 13 janvarja 2015 g. = Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025. Draft amended on January 13, 2015 URL: <http://edu.ru/files/discussion/appeal.html>. (Data obrashhenija: 13.08.2021).

16. Tolstoj L. N. Mysli o vospitanii. Iz pisem i dnevnikov = Thoughts about upbringing. From letters and diaries // Pedagogicheskie sochinenija. Moskva : Pedagogika, 1989. 451 s.

17. Ushinskij K. D. Opyt pedagogicheskoj antropologii = Experience of pedagogical anthropology // Pedagogicheskaja antropologija: Chelovek kak predmet vospitanija. Opyt pedagogicheskoj antropologii. Ch. 1. Moskva : Izd-vo URAO, 2002. S. 23–56.

18. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 304-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii” po voprosam vospitanija obuchajushhihsja». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii www.pravo.gov.ru, 31.07.2020, N 0001202007310075) (vstupil v silu s 1 sentjabrja 2020 goda) = Federal law of 31.07.2020 No. 304-FZ “About introduction of amendments to the Federal Law “About Education in the Russian Federation” concerning education of students”. The official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 31.07.2020, N 0001202007310075) (came into force on September 1, 2020).

19. Fel'dshtejn D. I. Problemy vozrastnoj i pedagogicheskoj psihologii = Problems of age and pedagogical psychology Moskva : Mezhdunar. ped. akad., 1995. 258 s.

20. Cibizova E. B. Dopolnitel'noe obrazovanie: naznachenie, sodержanie, problemy razrabotki programmy = Additional education: purpose, content, problems of program development // Narodnoe obrazovanie. № 1. 2021. S. 129–135.

21. Cibizova E. B. Opyt razrabotki programmy vospitanija Dvorca detskogo (junosheskogo) tvorchestva imeni N. K. Krupskoj = Experience in developing the program of education of the Palace of Children's (Youth) Creativity named after N. K. Krupskaya // Informacionno-metodicheskij zhurnal «Pro_DOD», 2021. 03 (26). URL: <https://prodod.moscow/archives/20312>. (Data obrashhenija: 13.08. 2021).

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 05.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 14.01.2022; approved after reviewing 05.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-95-110

Критерии формирования профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов

Селькова Анна Владимировна

Старший преподаватель кафедры русского и восточных языков ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения», г. Новосибирск.

selkova.av@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7067-3081>

Аннотация. Траектория развития современного мира определяет особую значимость способности личности успешно существовать и действовать в условиях культурного разнообразия в поле профессиональной деятельности, что актуализирует проблему овладения будущими специалистами навыками профессионального межкультурного взаимодействия. Приобщение к такому виду взаимодействия становится возможным уже на этапе овладения профессией в образовательной организации высшего образования за счет педагогически осмысленной организации профессионального общения российских и иностранных студентов. В статье описаны критерии, по которым определяется успешность протекания профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов, представлены первичные результаты опытно-экспериментальной работы по изучению показателей по данным критериям. Исследование выполнено с позиции культурологического подхода, согласно которому субъекты педагогически организованного взаимодействия рассматриваются как представители определенного социокультурного типа. Основное внимание уделяется интерпретации полученных по специализированным методикам показателей с сопоставлением ответов как российских, так и иностранных студентов. Результаты эксперимента позволяют приблизиться к объективному пониманию исходного и текущего состояния процесса профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов и принимать меры по его интенсификации в условиях российской образовательной организации высшего образования. В заключении формулируются проблемы профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов, которые соотносятся автором с воспитательной работой в вузе и ориентируют педагогическую науку на поиск методов, средств и форм,

© Селькова А. В., 2022

призванных обеспечить появление и развитие у российских и иностранных студентов как потребности в профессиональном межкультурном взаимодействии, так и способности осуществлять данное взаимодействие, быть полноправным и активным его участником.

Ключевые слова: профессиональное межкультурное взаимодействие; российские студенты; иностранные студенты; критерии; воспитание; образовательная организация высшего образования

Для цитирования: Селькова А. В. Критерии формирования профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 95-110. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-95-110>

Original article

Criteria for the formation of professional intercultural interaction between russian and foreign students

Anna V. Selkova

Senior lecturer at department of Russian and oriental languages, Siberian state university of railways, Novosibirsk.
selkova.av@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7067-3081>

Abstract. The trajectory of the development of the modern world determines the special significance of the individual's ability to exist and act successfully in conditions of cultural diversity in the field of professional activity, which actualizes the problem of mastering the skills of professional intercultural interaction by future specialists. Participation in this type of interaction becomes possible already at the stage of mastering the profession in the educational organization of higher education due to the pedagogical meaningful organization of professional communication between Russian and foreign students. The article describes the criteria by which the success of professional intercultural interaction between Russian and foreign students is determined, the initial results of experimental work on the study of indicators according to these criteria are presented. The study was carried out from the position of a cultural approach, according to which subjects of pedagogically organized interaction are considered as representatives of a certain socio-cultural type. The main focus is on the interpretation of indicators obtained by specialized methods with comparison of responses from both Russian and foreign students. The results of the experiment allow us to approach an objective understanding of the initial and current state of the process of professional intercultural interaction between Russian and foreign students and take measures to intensify it in the conditions of the Russian educational organization of higher education. In conclusion, the problems of professional intercultural interaction between Russian and foreign

students are formulated, which are correlated by the author with educational work at the university and focus pedagogical science on the search for methods, means and forms designed to ensure the appearance and development of Russian and foreign students both the need for professional intercultural interaction and the ability to carry out this interaction, to be a full and active participant there.

Keywords: professional intercultural interaction; Russian students; foreign students; criteria; education; educational organization of higher education

For citation: Selkova A. V. Criteria for formation of professional intercultural interaction between russian and foreign students at the stage of mastering the profession in the educational organization of higher education. *Social and political researches*. 2022;1(14):95-110. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-95-110>

Введение

В новом формате глобализирующегося будущего современным специалистам необходимо учиться эффективно взаимодействовать с представителями других культур в профессиональной сфере, осознавая перспективы осуществления совместных проектов, конструируя новые способы взаимодействия, открывая новые горизонты совместного сотрудничества на основе генерации новых идей и создания новых продуктов профессиональной деятельности. «Явления мультикультурализма расцениваются как прогрессивный фактор, обогащающий современные профессиональные группы» [Яковенко, 2020, с. 199]. Зарубежные исследователи рассматривают мультикультурность в профессиональной среде как источник креативных подходов к решению рабочих задач, формированию новых точек зрения на проблемы, ценный источник знаний

[Martin, 2014; Li H.Q., 2018; Ren Z.J., 2019].

В этой связи возникает необходимость осуществлять формирование профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов, совместно осваивающих программы профессиональной подготовки в российских образовательных организациях высшего образования, что требует педагогического осмысления проблемы и предполагает выявление соответствующих критериев и показателей, а также проведение опытно-экспериментальной работы по проверке выделенных параметров.

Теоретические основы определения критериев профессионального межкультурного взаимодействия

Анализ подходов к определению основных групп критериев в современной научно-педагогической

литературе позволил определить два основных направления: первое основывается на выделении критериев эффективности педагогической деятельности в отношении субъектов образования и воспитания, второй – на критериях качества достигнутого конечного результата обучения или воспитания. Более детальное разграничение представлено В. И. Загвязинским, который выделяет критерии оценки качества педагогических продуктов, критерии достижений (результативности) и критерии успешности протекания различных процессов педагогической реальности.

В основе нашего исследования будут использоваться критерии, способные отразить успешность протекания, осуществления, реализации профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов на этапе овладения профессией в образовательных организациях высшего образования.

Характерная общая группа такого вида критериев в педагогической науке включает в себя мотивационный, когнитивный, эмоциональный и поведенческий критерии. Отметим, что подобная группа критериев использовалась исследователями в изучении вопросов формирования опыта межкультурного взаимодействия [Карпенко, 2020], межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции студентов в образовательном процессе [Мухаркина, 2009], социо-

культурной адаптации иностранных студентов [Иванова, 2018], эффективности воспитательного пространства в системе открытого образования [Какалина, 2010].

В качестве критериев нашего исследования определены *мотивационный, когнитивный, поведенческий и эмоциональный* критерии по следующим причинам: во-первых, данные критерии отражают связь с личностными проявлениями субъектов, участвующих в межкультурном взаимодействии, во-вторых, характеризуются валидностью, практичностью, повторяемостью и надежностью, то есть применяются для неоднократного использования и дают результаты, которые можно подвергнуть сравнению.

Далее сформулируем содержательное наполнение, которое мы вкладываем в каждый из данных критериев в аспекте профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов.

Мотивационный критерий характеризуется наличием мотивации у российских и иностранных студентов к профессиональному межкультурному взаимодействию. Показателями выраженности данного критерия являются:

- потребность быть участником профессионального межкультурного взаимодействия;
- нацеленность на осуществление профессиональной деятельности в межгосударственных структурах;

– восприятие межкультурного взаимодействия как важного компонента будущей профессиональной деятельности.

Когнитивный критерий отражает формирование у иностранных и российских студентов определенной системы знаний, на основе которых возможно эффективное осуществление профессионального межкультурного взаимодействия. Данный спектр включает в себя:

– знания универсальных культурных ориентиров межкультурного взаимодействия;

– знания сущностных аспектов поведения и норм в профессиональной деятельности с представителями разных культур;

– владение профессиональной терминологией, понимание так называемого поля профессиональных значений и смыслов, то есть существующих в словесной форме обозначений общих реалий профессиональной деятельности, схем действия, ритуалов, церемоний, символов.

Поведенческий критерий характеризует уровень владения российскими и иностранными студентами определенным арсеналом средств, необходимых для осуществления будущей профессиональной деятельности друг с другом. К показателям данного критерия относятся:

– умение выстраивать собственное вербальное и невербальное поведение с партнерами по профессиональной деятельности,

являющимися представителями других культур [Ткаченко, 2021];

– умение оптимального использования тактик и приемов общения в ситуации профессионального взаимодействия с представителями других культур;

– умение объективно оценивать и корректировать собственные профессиональные действия при взаимодействии с представителями других культур.

Эмоциональный критерий базируется на эмоциональном восприятии российскими и иностранными студентами процесса профессионального межкультурного взаимодействия, а именно:

– принятие национально-культурного многообразия в профессиональной сфере;

– положительное отношение к друг к другу в едином поле профессиональной деятельности;

– направленность на создание благоприятного эмоционального климата в многонациональном трудовом коллективе.

Результаты исследования и их обсуждение

Остановимся на описании специализированных методик, применяемых для исследования показателей по выделенным выше критериям протекания профессионального межкультурного взаимодействия.

Для изучения показателей по мотивационному критерию была использована диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях И. Д. Ла-

данова, В. А. Урозаевой. Результаты данной диагностики позволяют определить мотивационную ориентированность студентов по следующим шкалам: мотивационная ориентация на принятие партнера; мотивационная ориентация на адекватное восприятие и понимание партнера; мотивационная ориентация на достижение компромисса. Нами определялась степень мотивационной ориентации как российских, так и иностранных студентов по каждой из шкал. Шкала ориентации на адекватное восприятие и понимание партнера позволя-

ет выявить мотивацию к общению, сотрудничеству, настроенность на расширение межкультурных связей, способности адекватно воспринять и понять действия партнера по взаимодействию.

Шкала ориентации на достижение компромисса отражает степень выраженности мотивации с возможностью пойти на компромисс, управляя поведением во время общения с деловыми партнерами, в том числе, являющимися представителями других культур. На рисунках 1, 2 отразим полученные результаты.

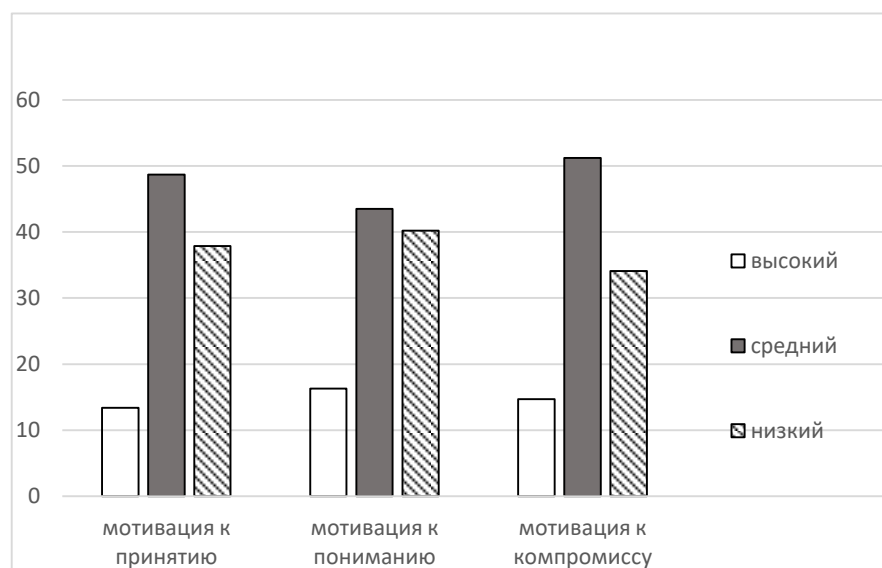

Рис. 1. Показатели мотивации к взаимодействию (российские студенты), (ср. значение)

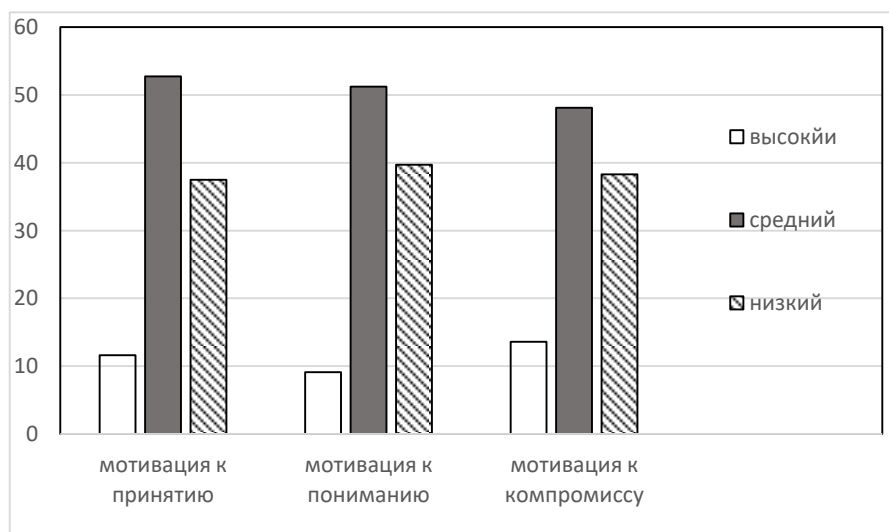

Рис. 2. Показатели мотивации к взаимодействию (иностранные студенты), (ср. значение)

По данным результатам видно, что мотивационная ориентация выражена у российских и иностранных студентов в одинаковой степени на среднем уровне, следующую позицию занимают показатели низкого уровня, а на последнем месте показатели высокого уровня. Это свидетельствует о том, что как российские, так и иностранные студенты до конца не осознают потенциал совместного обучения в одном вузе, не в полной мере проявляют открытость по отношению друг к другу, не понимают перспектив, установленных в процессе взаимодействия связей, контактов и приобретенного опыта, которые могут стать подспорьем в будущей профессиональной деятельности. В этой связи возникает необходимость осу-

ществления педагогической деятельности, направленной на сближение российских и иностранных студентов, организацию их взаимодействия, имеющего профессиональную направленность.

В целях изучения показателей по когнитивному критерию нами был использован опросник «Шкала культурного интеллекта» (Cultural Intelligence Scale (CQS)) К. Эрли и С. Анга. В данном исследовании использовалась русскоязычная версия данного опросника, адаптированная Е. В. Беловол, К. А. Шкварило, Е. М. Хворовой [Беловол, 2012; Гриценко, 2020].

Понятие «культурный интеллект» появляется в научном дискурсе в начале второго тысячелетия в связи с набирающей скоростью

глобализацией, определившей культурное многообразие в качестве одной из важнейших характеристик современного мира [Солдатова, 2018; Чигарькова, 2018]. Культурный интеллект определяется как способность индивида эффективно функционировать и взаимодействовать в ситуациях, характеризующихся культурным многообразием.

Когнитивный компонент культурного интеллекта включает в себя общие и контекстные знания. Общие знания связаны с универсальными элементами культурных систем, например, экономика, политика, право, религия, ценности,

язык. Данные знания дают возможность формировать свои представления о других культурах, что позволяет проводить обоснованные межкультурные модели сравнения [Солдатова, 2018]. Контекстные знания предполагают наличие представлений о специфике проявления универсального в различных сферах жизнедеятельности, например, особенностях ведения переговоров, общения с коллегами и т. д. На рисунке 3 отразим средние значения показателей, полученных в результате обработки данных опросника «Шкала культурного интеллекта».

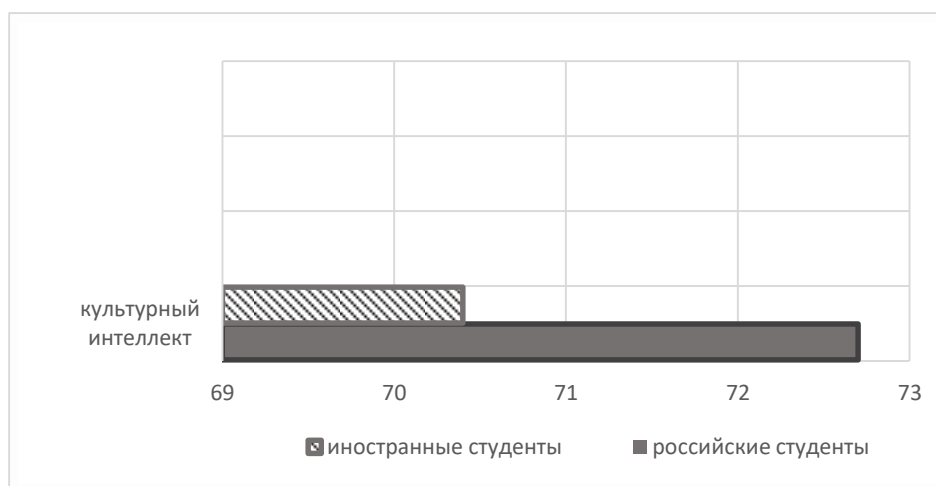

Рис. 3. Показатели выраженности культурного интеллекта российских и иностранных студентов (ср. значение)

Как видно, суммарный итог показателей опросника относится к диапазону среднего уровня. Это свидетельствует о том, что российские и иностранные студенты име-

ют определенный багаж знаний общего характера, однако их становится недостаточно, когда респонденты оказываются в реальных ситуациях общения или взаимодей-

ствия с представителями других культур. Если анализировать детально показатели по отдельно взятым пунктам опросника, то относительно низкие баллы получены в отношении утверждений, касающихся оценки респондентами своих знаний в области экономики, права, искусства, ремесел иной культуры, особенностей разных языков, а также особенностей использования жестов, пауз, зрительного контакта и других невербальных средств общения в межкультурном взаимодействии. Критичнее всего респонденты оценили себя, отвечая на вопросы, касающиеся взаимодействия в профессиональной сфере. Студенты указывают на нехватку культурно-специфической информации, которая нужна, чтобы выстраивать взаимоотношения в профессиональных ситуациях межкультурного взаимодействия, кроме того, респонденты затрудняются в понимании моделей поведения, свойственных представителям определенных культур с точки зрения профессиональных параметров.

Для изучения показателей поведенческого критерия нами была

использована методика «Шкала межкультурной сенситивности» О. Е. Хухлаева, М. Ю. Чибисовой в модификации Ю. А. Логашенко [Логашенко, 2015; Chibisova, 2008]. В адаптированном варианте данной методики в модификации Ю. А. Логашенко, используется пять шкал «Принятие», «Преуменьшение», «Абсолютизация», «Амбивалентность», данные которых позволяют изучить особенности поведения в межкультурном взаимодействии. Подсчет баллов осуществляется путем суммирования оценок респондентов по каждой из шкал. Далее первичные результаты переводятся в баллы, значения которых сопоставляются с уровневой шкалой, где низкому уровню соответствуют значения промежутка 1–3, среднему – 4–7, высокому – 8–10. В результате получается четыре числовых показателя, характеризующих поведение респондента в межкультурном взаимодействии. Результаты, полученные с использованием данной методики, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Выраженность поведенческого компонента по шкалам межкультурной сенситивности (ср. значение)

Шкалы	Российские студенты		Иностранные студенты	
	ср. значение	стены	ср. значение	стены
Принятие	13,7	1–3	15,3	1–3
Преуменьшение	41,2	4–7	36,8	4–7
Абсолютизация	28,5	4–7	33,7	4–7
Амбивалентность	16,3	1–3	14,2	1–3

По шкале «Принятие» видно, что и российские, и иностранные студенты находятся в промежутке 1–3. Это указывает на то, что хотя студентами признается существование культурных различий, однако способность замечать их в реальных ситуациях межкультурного взаимодействия развита недостаточно.

Числовые показатели по шкале «Преуменьшение» у российских и иностранных студентов находятся также в промежутке 4–7, характеризующемся относительно слабой способностью оценивать влияние культурных различий в общении с представителями других культур в ситуациях межкультурного взаимодействия.

Шкала «Абсолютизация» демонстрирует показатели средних значений, относящихся к промежутку 4–7, что указывает на не в полной мере сформированную способность оценивать и контролировать влияние культурных различий в ситуациях межкультурного взаимодействия, причем стоит отметить, что числовой показатель по данному параметру у иностранных студентов значительно выше. Это свидетельствует о том, что свойства, определяющие показатель, у данного контингента студентов проявляются более выражено.

Числовые показатели по шкале «Амбивалентность» относятся к промежутку низких показателей 1–3, что говорит о противоречивости установок по отношению к куль-

турным различиям в ситуациях межкультурного взаимодействия, то есть с убежденностью о важной роли культурных различий совмещаются убеждения о неконтролируемости, стихийности воздействия, оказываемого данными различиями на общение в межкультурном взаимодействии.

Таким образом, результаты, полученные в ходе первичного исследования по данной методике, свидетельствуют о том, что большая часть необходимых для успешного межкультурного взаимодействия способностей, содержание которых соотносится с выделенными в используемой нами методике шкалами, находятся на среднем и низком уровнях развития. Данный факт подтверждает необходимость разработки педагогических условий для формирования данных способностей в процессе профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов.

Для изучения эмоционального компонента нами использовался экспресс-опросник «Индекс толерантности», разработанный Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаевым, Л. А. Шайгеровой [Гриценко, 2020; Хухлаев, 2021]. Данный опросник позволяет рассмотреть два аспекта: внешний (направлен по отношению к другим – принятие культурных особенностей других людей) и внутренний (направлен на себя – способность регулировать свои эмоции

во взаимодействии с представителями других культур). Три субшкалы опросника направлены на диагностику таких аспектов толерантности как, этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности.

Для наглядности приведем данные по трем субшкалам, отражающие средние значения показателей, выведенные по ответам российских и иностранных студентов, и их общий суммарный итог (см. рис. 4).

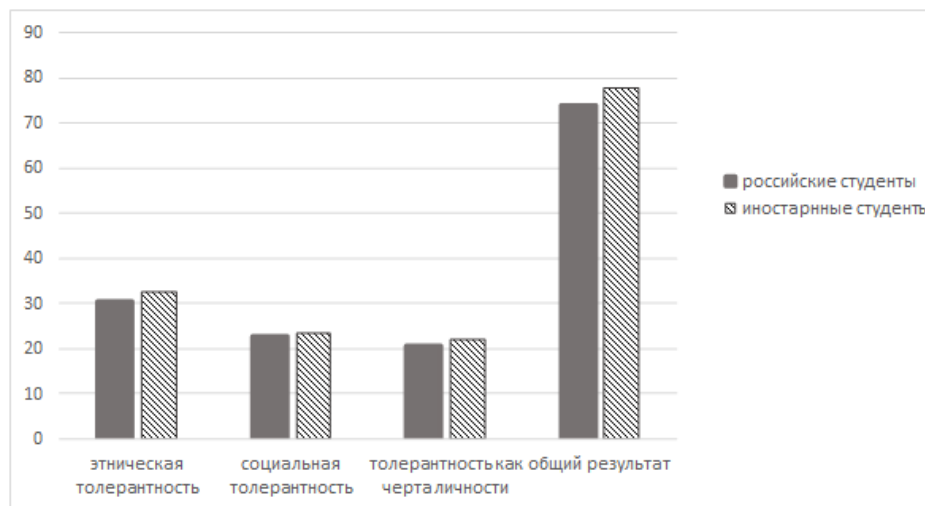

Рис. 4. Показатели выраженности эмоционального компонента по шкалам толерантности

Как видно по приведенным выше данным, показатели почти всех трех шкал находятся в диапазоне среднего уровня. Однако мы можем заметить, что по шкале «социальная толерантность» у российских студентов показатель ниже среднего, что свидетельствует о наличии у них выраженных интолерантных установок по отношению к некоторым социальным процессам, связанным с многообразием культур.

Общий результат по всем шкалам также относится к среднему уровню (российские студенты – 73,8; ино-

странные студенты – 77,7), что говорит о наличии у респондентов как толерантных, так и интолерантных черт. Обратим внимание на то, что толерантность в нашем понимании представляет собой эмоциональное принятие человеком отличных от привычных ему способов проявления человеческой индивидуальности и самовыражения, зачастую обусловленных принадлежностью к определенной культуре, причем такое принятие происходит сознательно, в свою очередь, сознательность появляется с накоплением положи-

тельного опыта общения с представителями других культур в процессе правильно организованного межкультурного взаимодействия. Таким образом, создание условий для межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов в вузе становится важной задачей для решения проблем, связанных с толерантностью, как черты личности человека, позволяющей ему эмоционально комфортно и гармонично функционировать в условиях поликультурного социума.

Заключение

Таким образом, справедливо говорить о наличии проблем, связанных с тем, что в вузе не в полной мере осуществляется педагогическая работа, направленная на осуществление взаимодействия российских и иностранных студентов, способствующая выработке стремления идти на контакт, выявлению общих смыслов профессиональной деятельности с представителями разных культур, на основе чего можно осуществлять комфортную для всех участников профессиональную деятельность, приносящую новые креативные взаимовыгодные результаты. На основании полученных данных можно выделить несколько причинно-следственных связей, которые соотносятся с проблемами воспитательной работы в образовательных организациях высшего образования.

В первом случае речь идет о недостаточной сформированности у студентов стремления развить у себя качества, необходимые для

осуществления профессиональной деятельности в условиях поликультурного современного мира: недостаточно развита способность всесторонне воспринимать носителя другой культуры и принимать его как наивысшую ценность, а взаимодействие с ним как возможность для личностного обогащения и развития; слабо проявляется направленность на сотрудничество, сотворчество, совместную деятельность [Селькова, 2021]. Нивелирование данных недостатков требует, в первую очередь, пересмотра подходов к воспитательной деятельности в вузе, выявлении потенциала структурных компонентов образовательных организациях высшего образования для реализации межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов.

Организационный аспект проблематики соотносится с неразвитостью в региональных вузах сотрудничества со внешними структурами, которые не рассматриваются как потенциальные субъекты воспитательного пространства, ввиду чего характерна нерегулярность контактов с различными сообществами и инокультурными в том числе. Отсутствие в вузе образцов высокопрофессиональной межкультурной деятельности, которой студенты стремились подражать, также является причиной рассматриваемого аспекта. Очевидно, что определяющая роль в решении данных проблем имеет связь с осуществлением воспитательной деятельности образовательной органи-

зации высшего образования вуза [Лаврентьева, 2018].

На методический аспект проблематики указывают показатели, которые связаны с отсутствием необходимых условий для реализации профессионального межкультурного взаимодействия, в том числе это касается преподавателей, для которых на сегодняшний день не разработаны методические руководства по осуществлению профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов [Селькова, 2021].

Таким образом, проведенный нами эксперимент подтверждает необходимость системных корректировок в воспитательной деятель-

ности образовательных организациях высшего образования с учетом присутствия в них иностранных студентов и актуализации совместной деятельности российских и иностранных студентов в формате профессионального межкультурного взаимодействия.

Представленное в статье содержательное наполнение критериев и анализ данных эксперимента позволит осуществить разработку подходящих педагогических условий, способствующих успешному формированию профессионального межкультурного взаимодействия российских и иностранных студентов в российской образовательной организации высшего образования.

Библиографический список

1. Беловол Е. В. Адаптация опросника «Шкала культурного интеллекта» К. Эрли и С. Анга на русскоязычной выборке / Е. В. Беловол, К. А. Шкварило, Е. М. Хворова // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2012. № 4. С. 5–14.
2. Гриценко В. В. Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности и методик для ее оценки / В. В. Гриценко, О. Е. Хухлаев, О. С. Павлова, Н. В. Ткаченко, Ш. А. Усубян, В. А. Шорохова // Современная зарубежная психология. 2020. Т.9, №1. С. 103–113.
3. Иванова Г. П. Педагогическое обеспечение социокультурной адаптации: опыт реализации / Г. П. Иванова, О. К. Логвинова, Н. Н. Ширкова // Высшее образование в России. 2018. Т.27, № 3. С. 60–69.
4. Какалина Е. В. Критерии оценки воспитательного пространства в системе открытого образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2 (82). С. 107–111.
5. Карпенко В. Н. Формирование опыта межкультурного взаимодействия у будущих специалистов социокультурной сферы : монография / В. Н. Карпенко, И. Б. Игнатова. Белгород : Изд-во, 2012. 168 с.
6. Лаврентьева З. И. Интеллектуализация профессионального социально-педагогического образования // Социальная педагогика. 2018. №4. С. 97–104.
7. Логашенко Ю. А. Социокультурные факторы межкультурной чувствительности студентов вузов // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. 2015. № 5. С. 92–103.
8. Мухаркина С. А. Теоретические основы процесса формирования межкультурной коммуникативно-профессиональной компетенции студента технического

вуза // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 118–126.

9. Селькова А. В. Опыт изучения личностных и образовательных ориентиров китайских студентов в контексте организации межкультурного взаимодействия в воспитательном пространстве российского вуза // Сибирский педагогический журнал. 2021. № 4. С. 106–116.

10. Селькова А. В. Профессионально ориентированное взаимодействие российских и иностранных студентов в образовательном пространстве нефилологического вуза // Актуальные вопросы образования. 2021. № 3. С. 254–258.

11. Солдатова Г. У. Апробация русскоязычной версии расширенной шкалы культурного интеллекта / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, Е. И. Рассказова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 15, №3. С. 510–516.

12. Сургутскова Г. А. Подготовка будущих бакалавров нелингвистических направлений к межкультурному взаимодействию // Вестник Нижневартского государственного университета. 2021. № 1(53). С. 32–39.

13. Ткаченко Н. В. Интегративная модель межкультурного взаимодействия: опыт качественного анализа / Н. В. Ткаченко, О. Е. Хухлаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18, № 3. С. 459–474. doi: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-459-474.

14. Хухлаев О. Е. Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 26–41. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403>.

15. Чигарькова С. В. Культурный интеллект как социально-психологический феномен: обзор концепции / С. В. Чигарькова, Г. У. Солдатова // Национальный психологический журнал. 2018. № 4 (32). С. 27–38.

16. Яковенко М. Л. Межкультурное взаимодействие в профессиональной среде моряков / М. Л. Яковенко, О. М. Озаркив // Вестник АГУ. Сер. 1, Регионоведение. 2020. № 4 (269). С. 198–207.

17. Chibisova M., Khukhlaev O. Measuring teachers' intercultural competence: Towards a theory-based instrument // Book of abstracts of the 19th International congress of the International association for cross-cultural psychology. Bremen, 2008. P. 237–238.

18. Martin G. C. The effects of cultural diversity in the workplace // Journal of diversity. Management (online). 2014. Vol. 9 (2). P. 89.

19. Li H. Q. Investigation and Analysis on satisfaction of study and life of foreign students in local universities with Huzhou university as a sample // Journal of Huzhou university. 2018. Vol. 40, № 6. P. 1–5.

20. Ren Z. J., Zhou Y. Ch., Qu W., Ji L. Qualitative research investigating the challenges of study and life of international students in China // Advances in education. 2019. № 9 (3). P. 260–267.

Reference list

1. Belovol E. V. Adaptacija oprosnika «Shkala kul'turnogo intellekta» K. Jerli i S. Anga na ruskojazychnoj vyborke = Adaptation of the questionnaire “The Scale of Cultural Intelligence” by K. Earley and S. Ang on the Russian-language sample /

E. V. Belovol, K. A. Shkvarilo, E. M. Hvorova // Vestnik RUDN. Ser. Psihologija i pedagogika. 2012. № 4. S. 5–14.

2. Gricenko V. V. Analiz zarubezhnyh jempiricheskikh modelej mezhkul'turnoj kompetentnosti i metodik dlja ee ocenki = Analysis of foreign empirical models of intercultural competence and methods for its assessment / V. V. Gricenko, O. E. Huhlaev, O. S. Pavlova, N. V. Tkachenko, Sh. A. Usubjan, V. A. Shorohova // Sovremennaja zarubezhnaja psihologija. 2020. T.9, №1. S. 103–113.

3. Ivanova G. P. Pedagogicheskoe obespechenie sociokul'turnoj adaptacii: opyt realizacii = Pedagogical support of socio-cultural adaptation: experience of implementation / G. P. Ivanova, O. K. Logvinova, N. N. Shirikova // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2018. T.27, № 3. S. 60–69.

4. Kakalina E. V. Kriterii ocenki vospitatel'nogo prostranstva v sisteme otkrytogo obrazovanija Criteria for assessing educational space in open education // Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2010. № 2 (82). S. 107–111.

5. Karpenko V. N. Formirovanie opyta mezhkul'turnogo vzaimodejstvija u budushhih specialistov sociokul'turnoj sfery = Formation of experience of intercultural interaction with future sociocultural specialists : monografija / V. N. Karpenko, I. B. Ignatova. Belgorod : Izd-vo, 2012. 168 s.

6. Lavrent'eva Z. I. Intelktualizacija professional'nogo social'no-pedagogicheskogo obrazovanija = Intellectualization of professional socio-pedagogical education // Social'naja pedagogika. 2018. №4. S. 97–104.

7. Logashenko Ju. A. Sociokul'turnye faktory mezhkul'turnoj sensitivnosti studentov vuzov = Sociocultural factors of university students' intercultural sensitivity // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. Kanta. 2015. № 5. S. 92–103.

8. Muharkina S. A. Teoreticheskie osnovy processa formirovanija mezhkul'turnoj komunikativno-professional'noj kompetencii studenta tehničeskogo vuza = Theoretical foundations of the process of formation of intercultural communication and professional competence of a technical university student // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2009. № 7. S. 118–126.

9. Sel'kova A. V. Opyt izuchenija lichnostnyh i obrazovatel'nyh orientirov kitajskih studentov v kontekste organizacii mezhkul'turnogo vzaimodejstvija v vospitatel'nom prostranstve rossijskogo vuza = Experience of studying the personal and educational guidelines of Chinese students in the context of organizing intercultural interaction in the educational space of Russian university // Sibirskij pedagogičeskij zhurnal. 2021. № 4. S. 106–116.

10. Sel'kova A. V. Professional'no orientirovanoe vzaimodejstvie rossijskich i inostrannyh studentov v obrazovatel'nom prostranstve nefilologičeskogo vuza = Professional-oriented interaction of Russian and foreign students in the educational space of a non-philological university // Aktual'nye voprosy obrazovanija. 2021. № 3. S. 254–258.

11. Soldatova G. U. Aprobacija ruskojazyčnoj versii rasshirennoj shkaly kul'turnogo intellekta = Testing of the Russian-language version of the extended scale of cultural intelligence / G. U. Soldatova, S. V. Chigar'kova, E. I. Rasskazova // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2018. T. 15, №3. S. 510–516.

12. Surgutskova G. A. Podgotovka budushhih bakalavrov nelingvističeskikh napravlenij k mezhkul'turnomu vzaimodejstvu = Training of future bachelors of non-

linguistic directions for intercultural interaction // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 1(53). S. 32–39.

13. Tkachenko N. V. Integrativnaja model' mezhkul'turnogo vzaimodejstvija: opyt kachestvennogo analiza = Integrative model of intercultural interaction: experience of qualitative analysis / N. V. Tkachenko, O. E. Huhlaev // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika. 2021. T. 18. №3. S. 459-474. doi: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-459-474.

14. Huhlaev O. E. Integrativnaja social'no-psihologičeskaja model' ocenki i prognozirovanija jeffektivnosti mezhkul'turnogo vzaimodejstvija = Integrative socio-psychological model for assessing and predicting the effectiveness of intercultural interaction // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2020. T. 11, № 4. S. 26–41. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403>.

15. Chigar'kova S. V. Kul'turnyj intellekt kak social'no-psihologičeskij fenomen: obzor koncepcii = Cultural intelligence as a socio-psychological phenomenon: a review of the concept / S. V. Chigar'kova, G. U. Soldatova // Nacional'nyj psihologičeskij zhurnal. 2018. № 4 (32). S. 27–38.

16. Jakovenko M. L. Mezhkul'turnoe vzaimodejstvie v professional'noj srede morjakov = Intercultural interaction among seafarers / M. L. Jakovenko, O. M. Ozar-kiv // Vestnik AGU. Ser. 1, Regionovedenie. 2020 № 4 (269). S. 198–207.

17. Chibisova M., Khukhlaev O. Measuring teachers' intercultural competence: Towards a theory-based instrument // Book of Abstracts of the 19th International Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology. Bremen, 2008. P. 237–238.

18. Martin G. C. The effects of cultural diversity in the workplace // Journal of diversity. Management (online). 2014. Vol. 9 (2). P. 89.

19. Li H. Q. Investigation and analysis on satisfaction of study and life of foreign students in local universities with Huzhou university as a sample // Journal of Huzhou university. 2018. Vol. 40, № 6. P. 1–5.

20. Ren Z. J., Zhou Y. Ch., Qu W., Ji L. Qualitative research investigating the challenges of study and life of international students in China // Advances in education. 2019. № 9 (3). P. 260–267.

Статья поступила в редакцию 19.01.2022; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.
The article was submitted on 19.01.2022; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья

УДК 376.545

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-111-122

Особенности социализации младших школьников с признаками одаренности

Щербинина Ольга Станиславовна¹, Грушецкая Ирина Николаевна²

¹Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», г. Кострома.

²Кандидат педагогических наук, доцент кафедры психолого-педагогического образования ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», г. Кострома.

¹shcherbinina-olga@list.ru , <http://orcid.org/0000-0001-8203-0489>

²i-grushetskaya@ksu.edu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8361-7513>

Аннотация. Результаты многочисленных исследований в области педагогики и психологии свидетельствуют об особенностях развития одаренных детей и специфике их взаимодействия с микросоциумом. Данная специфика влияет на успешность своевременного решения задач социализации одаренных детей. Проблемы в решении того или иного блока задач могут привести к дезадаптации или даже виктимизации обучающихся. Актуальность вопроса успешного решения задач социализации одаренных детей стоит на всех возрастных этапах и на каждом имеет свою специфику.

В период младшего школьного возраста не всегда можно говорить об одаренности ребенка. Скорее речь идет о признаках одаренности. При этом особенно важной становится поддержка и сопровождение таких детей для раскрытия их потенциалов и развития способностей в условиях кризиса адаптации к школе и в ходе дальнейшего обучения в учебном коллективе. При этом остается исключительно важным создание условий для гармоничного развития всех сфер ребенка и своевременного решения всех блоков задач социализации.

Цель статьи: определить особенности решения социально-культурных задач социализации детей младшего школьного возраста с признаками одаренности.

Для решения представленной цели нами проведено исследование на базе двух общеобразовательных организаций города Костромы, которым было охвачено 217 учащихся. На основании разработанных показателей (познавательные интересы, креативность, успеваемость и победы в

конкурсах) была выявлена группа обучающихся младшего школьного возраста с признаками одаренности, которая и стала основной выборкой нашего исследования (n=61). Данная группа детей участвовала в исследовании, направленном на изучение особенностей решения естественно-культурных, социально-культурных и социально-психологических задач социализации детей младшего школьного возраста с признаками одаренности. В данной статье мы представляем результаты изучения особенностей решения социально-культурных задач социализации обучающихся младшего школьного возраста с признаками одаренности.

Ключевые слова: одаренность; одаренный ребенок; социализация; задачи социализации; учащиеся; младший школьный возраст

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-013-00656

Для цитирования: Щербинина О. С., Грушецкая И. Н. Особенности социализации младших школьников с признаками одаренности // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 111-122. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-111-122>

Original article

Features of the socialization of younger schoolchildren with giftedness signs

Olga S. Shcherbinina¹✉, Irina N. Grushetskaya²

¹Candidate of pedagogical sciences, associate professor of department of psychological and pedagogical education, Kostroma State University, Kostroma.

²Candidate of pedagogical sciences, associate professor of department of psychological and pedagogical education, Kostroma State University, Kostroma.

¹shcherbinina-olga@list.ru✉, <http://orcid.org/0000-0001-8203-0489>

²i-grushetskaya@ksu.edu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8361-7513>

Abstract. The results of numerous studies in the field of pedagogy and psychology indicate the peculiarities of the development of gifted children and the specifics of their interaction with the microsocium. This specificity affects the success of timely solving the problems of socializing gifted children. Problems in solving a block of problems can lead to maladaptation or even victimization of students. The relevance of the issue of solving the problems of socializing gifted children successfully is at all age stages and at each has its own specificity.

During primary school age, it is not always possible to talk about the gifted child. Mostly we are talking about signs of giftedness. At the same time, the support and assistance of such children become especially important for the disclosure of their potential and the development of abilities in the context of

the crisis of adaptation to school and during further training in the student community. At the same time, the creation of conditions for the harmonious development of all spheres of the child and the timely solution of all blocks of socialization tasks remains extremely important.

The purpose of the article is to determine the features of solving socio-cultural problems in socialization of primary school age children with giftedness signs.

To solve the presented goal, we conducted a study on the basis of two general education organizations in the city of Kostroma, which covered 217 students. Based on the developed indicators (cognitive interests, creativity, performance and victories in competitions), a group of primary school-age students with signs of giftedness was identified, which became the main sample of our study (n=61). This group of children participated in a study aimed at studying the features of solving natural-cultural, socio-cultural and socio-psychological problems of socializing children of primary school age with signs of giftedness. In this article, we present the results of studying the peculiarities of solving the socio-cultural problems of primary school age students by socializing younger schoolchildren with signs of giftedness.

Keywords: endowments; gifted child; socialization; goals of socialization; students; primary school age

The study was carried out with the financial support of RFFI, project No. 20-013-00656

For citation: Shcherbinina O. S., Grushetskaya I. N. Features of the socialization of younger schoolchildren with giftedness signs. *Social and political researches*. 2022;1(14):111-122. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-111-122>

Введение

Талантливые, одаренные люди являются главным ресурсом инновационного развития страны, ведь именно одаренные дети рассматриваются как будущие «двигатели прогресса», потенциал которых даст возможность развития и достижения новых идей в различных сферах жизни [Байбородова, 2020; Луныкова, 2021].

Социальная составляющая жизни одаренных детей привлекает

внимание зарубежных психологов в течение длительного времени. Среди зарубежных исследований интересными представляются подходы К. Петрович, Х. Пейер, Ф. Реймнес, М. Мельхиор, А. Форхейн, Б. Хэде к проблеме изучения детской одаренности, актуализации внимания к трудностям в развитии одаренного ребенка [Petrovici, 2014; Peyre, 2016]. Результаты исследований Дж. С. Рензулли, Е. Ричардс, К. Б. Роджерс подтверждают необ-

ходимость удовлетворения потребностей такой категории детей, а также организации специальной работы педагогов по их социальному развитию [Renzulli, 2000; Rogers, 2014].

Не менее важными представляются результаты российских исследователей. Так, в трудах Д. Б. Богоявленской, Л. И. Ларионовой, В. И. Панова, А. И. Савенкова, В. С. Юркевич и других проанализированы особенности развития одаренных детей, рассмотрены подходы к решению задач их обучения и воспитания [Богоявленская, 2005; Панов, 2019; Психология одаренности ... , 2017; Савенков, 2010; Юркевич, 2018].

Исследования российских ученых (Л.А. Леутина, Е.И. Щебланова Н. Б. Шумакова, М. А. Холодная) говорят о необходимости создания в образовательной среде условий для социализации обучающегося, проявления его субъектности в поиске знаний, развития социально-коммуникативной компетентности [Холодная, 2011; Шумакова, 2004; Шумакова, 2020; Щебланова, 2004].

Методологической основой сопровождения одаренных детей является «Рабочая концепция одаренности» (под ред. Д. Б. Богоявленской), в которой дано определение феномену одаренности; представлена классификация ее видов, путей идентификации; раскрыты особенности выявления, развития и воспитания детей.

Дети с признаками одаренности характеризуются нами как личности, которые отличаются от сверстников яркими, очевидными достижениями (или имеют внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности, проявляют собственную активность и дивергентное мышление в решении практических задач.

Младший школьный возраст является тем важным периодом развития ребенка, когда в полной мере нельзя однозначно говорить о его одаренности. Яркие проявления способностей по-прежнему (как и в дошкольном возрасте) могут иметь проходящий характер и могут быть связаны с сензитивностью данного возрастного этапа и подготовленностью ребенка. В этом случае уместнее употреблять термин «ребенок с признаками одаренности».

Признаки одаренности могут определяться как особенности развития ребенка, которые проявляются в его реальной деятельности и в сравнении со сверстниками, могут быть оценены на уровне наблюдения или с помощью других форм диагностики.

Как показывают результаты наших исследований (О.С. Щербинина, И. Н. Грушецкая), преимущественно работа с одаренными детьми на разных возрастных этапах и в разных образовательных организациях направлена на развитие специальных способностей, подготовку к конкурсам и олимпиадам разного уровня [Щербинина, 2021].

Несмотря на обширную практику работы с одаренными детьми, эффективной деятельности ряда организаций, функционирующих на федеральном и региональном уровнях, на сегодняшний день существуют трудности не только в выявлении и поддержке одаренных детей, но и в вопросах их успешной социализации [Мищенко, 2017; Савенков, 2019; Щебланова, 2011].

В изучении социализации одаренных детей мы опираемся на теорию А. В. Мудрика о необходимости своевременного решения задач социализации применительно к проблеме выбора одаренными детьми жизненного сценария и поиску источника трудностей в этом вопросе. В рамках своей теории А. В. Мудрик говорит о необходимости своевременного решения трех групп задач социализации: естественно-культурных, социально-культурных и социально-психологических. Отставание в их решении или отсутствие решения одной из задач может стать причиной процесса виктимизации, препятствуя успешному социальному развитию одаренного ребенка в будущем [Берн, 2015; Кочемирова, 2020].

Смысл социального развития ребенка А. М. Щетинина определяет в присвоении общественной сущности человека – от самовосприятия, рефлексии, самооценки, самоутверждения до самосознания, социальной ответственности, интериоризованных социальных мотивов, потребности в самореализации

своих возможностей [Щетинина, 2004].

Блок естественно-культурных задач социализации может включать в себя сформированные нравственные ценности, интересы и увлечения детей, обучающихся в начальной школе.

В этой связи наше исследование посвящено изучению особенностей решения социально-культурных задач социализации учащихся младшего школьного возраста с признаками одаренности.

Методы исследования

Эмпирическим исследованием были охвачены 217 детей младшего школьного возраста из двух общеобразовательных организаций города Костромы.

В процессе выявления детей младшего школьного возраста с признаками одаренности мы применяли следующие методики:

Анкета «Познавательные интересы» (В. С. Юркевич);

Методика исследования индивидуальных особенностей воображения;

Анкета «Анализ успеваемости и побед в конкурсах и соревнованиях разного уровня (во всех областях)».

На основании учета уровня познавательной потребности, креативности, успеваемости и побед в конкурсах и олимпиадах мы выявили группу детей младшего школьного возраста с признаками одаренности в количестве 61 ребенка, которая и стала основной выборкой нашего исследования.

Изучение блока социально-культурных задач социализации детей младшего школьного возраста проводилось на основе применения следующего диагностического инструментария:

Тест «Размышляем о жизненном опыте» Н. Е. Щурковой;

Методика «Попроси волшебника» (А. Д. Чиплиевой);

Методика «Карта одаренности» А. И. Савенкова.

Исследование проводилось нами в 2020 году.

Результаты исследования

Изучение особенностей решения учащимися младшего школьного возраста с признаками одаренности блока социально-культурных задач социализации проводилось на основе диагностики ряда показателей (см. табл. 1).

Таблица 1.

Показатели диагностики социально-культурного блока задач социализации детей младшего школьного возраста

Социально-культурные	Нравственность	Тест «Размышляем о жизненном опыте» Н. Е. Щурковой
	Ценности	Методика «Попроси волшебника» (А. Д. Чиплиевой)
	Интересы и увлечения	Методика «Карта одаренности» А. И. Савенкова

Тест «Размышляем о жизненном опыте» Н. Е. Щурковой позволил

получить нам результаты, представленные в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты диагностики детей младшего школьного возраста с признаками одаренности с помощью теста «Размышляем о жизненном опыте» Н. Е. Щурковой (n=61)

Уровень нравственной воспитанности и сформированности ориентации на другого человека	Количество	%
Высокий	17	28
Достаточный	24	39
Эгоистичный	4	7
Безнравственный	16	26

На основании полученных данных можно увидеть, что большая часть опрошенных имеет достаточную нравственную воспитанность и сформированность ориентации на

другого человека. Однако 16 человек из выборки (26 %) показали результаты, свидетельствующие о некоторой безнравственной ориента-

пии, неустойчивом импульсивном поведении.

Методика «Попроси волшебника» (А. Д. Чиплиевой) использована

для выявления особенностей ценностных отношений у детей младшего школьного возраста с признаками одаренности (см. табл. 3).

Таблица 3.

Результаты диагностики детей младшего школьного возраста с признаками одаренности с помощью методики «Попроси волшебника» (А. Д. Чиплиевой) (n=61)

Ценности	Количество	%
Развлечения	84	49,4
Здоровье и благополучие семьи	27	15,8
Материальный достаток	20	11,7
Забота о животных	10	5,8
Общение со сверстниками	7	4,11
Желание хорошо учиться	7	4,11
Профессиональное будущее	7	4,11
Саморазвитие	8	4,7

Среди желаний детей выделяется процент желаний, связанный с развлечениями (49,4 %): «хочу, чтобы конфеты не были вредными»; «хочу новый телефон»; «хочу 4 раза в год день рождения»; «хочу поехать с семьей в Египет» и т. д.

Достаточно весомый процент занимают желания, связанные со здоровьем и благополучием семьи (15,8 %): «хочу хорошее зрение»; «хочу, чтобы мой брат хорошо учился»; «я хочу долго жить» и т. д.

11,7 % занимают желания, связанные с материальным достатком: «хочу дом»; «хочу ни от кого не зависеть, когда мне будет 18 лет»; «хочу, чтобы моя семья была самой богатой» и т. д.

Забота о животных занимает среди желаний 5,8 %: «хочу собаку

добермана»; «хочу щенка/котенка»; «хочу кошачий домик» и т. д.

Схожий процент (4,11 %) занимают желания общения со сверстниками («хочу дружить с Валец»; «хочу виртуального друга» и т. д.); желание хорошо учиться («хочу учиться на 5»; «хочу стать умной»); желания, связанные с профессиональным будущим («хочу стать президентом»; «хочу набор для рисования» и т. д.).

Самый маленький процент желаний (4,7 %) занимают желания, связанные с саморазвитием («хочу много книг»; «хочу энциклопедию про всё живое» и т. д.).

Методика «Карта одаренности» А. И. Савенкова позволяет выявить склонность ребенка к успешности в определенной области деятельности (см. табл. 4).

Таблица 4.

Результаты диагностики детей младшего школьного возраста с признаками одаренности с помощью методики «Карта одаренности» (А. И. Савенкова) (n=61)

Вид одаренности	Количество	%
Спортивная	31	17,2
Художественно-изобразительная	28	15,5
Лидерская	23	12,7
Интеллектуальная	22	12,2
Творческая	17	9,4
Артистическая	14	7,7
Техническая	13	7,2
Академическая (научная)	13	7,2
Музыкальная	10	5,5
Литературная	9	5

Наибольшую склонность дети младшего школьного возраста проявили к таким видам деятельности, как: спортивная (17,2 %); художественно-изобразительная (15,5 %); лидерская (12,7 %); интеллектуальная (12,2 %). По сравнению с результатами детей дошкольного возраста с признаками одаренности (исследование 2020 г.) более выражена была артистическая область, а менее выражены художественно-изобразительная и лидерская области.

Заключение

По итогам изучения особенностей решения блока социально-культурных задач социализации можно говорить об определенной специфике, свойственной социализации детей младшего школьного возраста с признаками одаренности:

– большая часть опрошенных имеет достаточную нравственную

воспитанность и сформированность ориентации на другого человека, но 26 % опрошенных показали результаты, свидетельствующие о некоторой безнравственной ориентации, импульсивном поведении;

– по результатам проведения методики «Попроси волшебника» для изучения особенностей ценностных отношений детей выявлен наибольший процент ценностей, связанный с развлечениями (49,4 %); значимый процент ценностей, связанных со здоровьем и благополучием семьи (15,8 %). Самый низкий процент ответов составляют желания, связанные с саморазвитием (4,7 %);

– по результатам методики А. И. Савенкова «Карта одаренности» наиболее активно проявляют себя дети младшего школьного возраста в спортивной, художественно-изобразительной, лидерской и интеллектуальной деятельности.

На основании полученных результатов нами сформулированы следующие рекомендации по организации социально-педагогической работы с детьми младшего школьного возраста с признаками одаренности для успешного решения задач их социализации:

1. в работе с детьми младшего школьного возраста с признаками одаренности важно применять разнообразные формы учебной и внеучебной работы для того, чтобы учащиеся могли проявить свои потенциалы и развивать способности, попробовать себя в разных социальных ролях и в разных видах деятельности. Содержание образовательного процесса должно быть направлено на

самореализацию одаренного ребенка, на получение образования, соответствующего его интересам, склонностям и способностям;

2. организация учебного процесса должна носить проблемный, инновационный характер, который содействует получению новых продуктов и результатов в сфере образования;

3. результаты диагностики свидетельствуют о необходимости повышения культурного уровня учащихся младшего школьного возраста и их представлений об этикете, о необходимости проведения работы по развитию их нравственных качеств и корректировке ценностных ориентаций.

Библиографический список

1. Байбородова Л. В. Ценностно-смысловые основы воспитательной деятельности : учеб. для студентов бакалавриата направления «Педагогическое образование» и «Психолого-педагогическое образование» / Л. В. Байбородова, М. И. Рожков. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 367 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Москва : Эксмо, 2015. 288 с.
3. Богоявленская Д. Б. Психология одаренности. Москва : МИОО, 2005. 176 с.
4. Кочемирова Н.Ф. Развитие психосоциальной чувствительности одаренных детей // Молодой ученый. 2020. № 49 (339). С. 519-521.
5. Луныкова Л. Г. Одаренные дети – ресурс человеческого потенциала современной России. URL: <https://iq.hse.ru/more/education/odarennie-deti>. (Дата обращения: 12.06.2021).
6. Мищенко Е. Ю. Основные проблемы психологической социализации одаренных детей // Евразийский научный журнал. 2017. № 11. С. 6–7.
7. Панов В. И. Экопсихологический взгляд на развитие и сохранение детской одаренности // Психология образования в XXI веке: теория и практика. URL: http://psyjournals.ru/education21/issue/54969_full.shtml. (Дата обращения: 15.12.2021).
8. Психология одаренности и творчества / под ред. проф. Л. И. Ларионовой, проф. А. И. Савенкова. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. 288 с.
9. Савенков А. И. Одаренные дети в детском саду и школе : учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Москва : Гардарики, 2010. 232 с.

10. Савенков А. И. Психология детской одаренности. Москва : Юрайт, 2019. 334 с.
11. Холодная М. А. Эволюция интеллектуальной одаренности от детей к взрослости: эффект инверсии развития // Психологический журнал. 2011. № 5. С. 69–78.
12. Шумакова Н. Б. Обучение и развитие одаренных детей. Москва : Изд-во Моск. психол.-соц. ин.-та; Воронеж, 2004. 334 с.
13. Шумакова Н. Б. Обучение одаренных и талантливых детей в контексте доказательной практики // Социальные науки и детство. 2020. Т. 1, № 1. 334 с.
14. Щербанова Е. И. Психологическая диагностика одаренности школьников: проблемы, методы, результаты исследований и практики. Москва : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж : МОДЭК, 2004. С. 34-46.
15. Щербанова Е. И. Неуспешные одаренные школьники. Москва : Изд-во БИНОМ, Лаборатория знаний, 2011. 245 с.
16. Щербинина О. С. Трудности решения задач социализации одаренными детьми: поддержка и сопровождение : учебно-методическое пособие для педагогов и специалистов образовательных организаций / О. С. Щербинина, И. Н. Грушецкая. Кострома : КГУ, 2021. 104 с.
17. Щетинина А. М. Социализация и индивидуализация в детском возрасте : учеб. пособие. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. 132 с.
18. Юркевич В. С. Интеллектуальная одаренность и социальное развитие: противоречивая связь // Современная зарубежная психология. 2018. Т. 7, № 2. С. 28–38.
19. Petrovici C., Masari G-A. Aligning the academic teacher training curriculum for preschool and primary school education to the requirements of the RNCIS. Procedia – Social and behavioral sciences. 2014. 14 August, 142. P. 731-737.
20. Peyre H., Ramus F., Melchior M., Forhan A., Heude B., Gauvrit N. Emotional, behavioral and social difficulties among High-IQ children during the preschool period: Results of the EDEN mother-child cohort. Procedia – Social and behavioral sciences. 2016. 233. 17 October. P. 333-337.
21. Renzulli J. S., Richards S. Gifted in the middle: Addressing the needs of gifted middle schools students // Principal. 2000. № 79(4).
22. Rogers K. B. Full-time ability grouping of gifted students: Impacts on social selfconcept and school-related attitudes // Gifted child quarterly. 2014. January 1, 58. P. 51–68.

Reference list

1. Bajborodova L. V. Cennostno-smyslovye osnovy vospitatel'noj dejatel'nosti = Values and meanings of educational activity: ucheb. dlja studentov bakalavriata napravlenija «Pedagogicheskoe obrazovanie» i «Psihologo-pedagogicheskoe obrazovanie» / L. V. Bajborodova, M. I. Rozhkov. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 367 s.
2. Bern Je. Igrы, v kotorye igrajut ljudi = Games played by people Moskva : Jeksmo, 2015. 288 s.
3. Bogojavlenskaja D. B. Psihologija odarennosti = Psychology of giftedness Moskva : MIOO, 2005. 176 s.

4. Kochemirova N. F. Razvitie psihosocial'noj chuvstvitel'nosti odarenyh detej = Developing the psychosocial sensitivity of gifted children // Molodoj uchenyj. 2020. № 49 (339). S. 519-521.
5. Lunjakova L. G. Odarenyye deti – resurs chelovecheskogo potentsiala sovremennoj Rossii = Gifted children are a resource of the human potential of modern Russia URL: <https://iq.hse.ru/more/education/odarennie-deti>. (Data obrashhenija: 12.06.2021).
6. Mishhenko E. Ju. Osnovnye problemy psihologicheskoy socializacii odarenyh detej = Main problems of psychological socialization of gifted children // Evrazijskij nauchnyj zhurnal. 2017. № 11. S. 6–7.
7. Panov V. I. Jekopsihologicheskij vzgljad na razvitie i sohranenie detskoj odarennosti = Ecopsychological view of the development and preservation of child talent // Psihologija obrazovanija v XXI veke: teorija i praktika. URL: http://psyjournals.ru/education21/issue/54969_full.shtml. (Data obrashhenija: 15.12.2021).
8. Psihologija odarennosti i tvorchestva = Psychology of giftedness and creativity / pod red. prof. L. I. Larionovoj, prof. A. I. Savenkova. Moskva; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2017. 288 s.
9. Savenkov A. I. Odarenyye deti v detskom sadu i shkole = Gifted children in kindergarten and school : uchebnoe posobie dlja studentov vysshih pedagogicheskikh uchebnyh zavedenij. Moskva : Gardariki, 2010. 232 s.
10. Savenkov A. I. Psihologija detskoj odarennosti. Psychology of childhood giftedness Moskva : Jurajt, 2019. 334 s.
11. Holodnaja M. A. Jevoljucija intellektual'noj odarennosti ot detej k vzroslosti: jeffekt inverzii razvitija = The evolution of intellectual talent from children to adulthood: the effect of developmental inversion // Psihologicheskij zhurnal. 2011. № 5. S. 69–78.
12. Shumakova N. B. Obuchenie i razvitie odarenyh detej = Education and development of gifted children Moskva : Izd-vo Mosk. psihol.-soc. in.-ta ; Voronezh, 2004. 334 s.
13. Shumakova N. B. Obuchenie odarenyh i talantlivyh detej v kontekste dokazatel'noj praktiki = Educating gifted and talented children in evidence-based practices // Social'nye nauki i detstvo. 2020. T. 1, № 1. 334 s.
14. Shheblanova E. I. Psihologicheskaja diagnostika odarennosti shkol'nikov: problemy, metody, rezul'taty issledovanij i praktiki = Psychological diagnosis of schoolchildren's giftedness: problems, methods, research and practice results Moskva : Izd-vo Mosk. psihol.-soc. in-t; Voronezh : MODJeK, 2004. S. 34-46.
15. Shheblanova E. I. Neuspeshnye odarjonnye shkol'niki = Unsuccessful gifted schoolchildren Moskva : Izd-vo BINOM, Laboratorija znaniy, 2011. 245 s.
16. Shherbinina O. S. Trudnosti reshenija zadach socializacii odarenyimi det'mi: podderzhka i soprovozhdenie = Difficulties in solving problems of socialization by gifted children: support and assistance: : uchebno-metodicheskoe posobie dlja pedagogov i specialistov obrazovatel'nyh organizacij / O. S. Shherbinina, I. N. Grusheckaja. Kostroma : KGU, 2021. 104 s.

17. Shhetinina A. M. Socializacija i individualizacija v detskom vozraste = Socialization and individualization in childhood : ucheb. posobie. Velikij Novgorod : NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 2004. 132 s.

18. Jurkevich V. S. Intellektual'naja odarennost' i social'noe razvitie: protivorechivaja svjaz' = Intellectual talent and social development: a contradictory connection // Sovremennaja zarubezhnaja psihologija. 2018. T. 7, № 2. S. 28–38.

19. Petrovici C., Masari G.-A. Aligning the academic teacher training curriculum for preschool and primary school education to the requirements of the RNCIS. Procedia – Social and behavioral sciences. 2014. 14 August, 142. P. 731-737.

20. Peyre H., Ramus F., Melchior M., Forhan A., Heude B., Gauvrit N. Emotional, behavioral and social difficulties among High-IQ children during the preschool period: Results of the EDEN mother–child cohort. Procedia – Social and behavioral sciences. 2016. 233. 17 October. P. 333-337.

21. Renzulli J. S., Richards S. Gifted in the middle: Addressing the needs of gifted middle schools students // Principal. 2000. № 79(4).

22. Rogers K. B. Full-time ability grouping of gifted students: Impacts on social selfconcept and school-related attitudes // Gifted child quarterly. 2014. January 1, 58. P. 51–68.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 13.01.2022; approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья
УДК 37.04-053
doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-123-140

Педагогическое сопровождение становления субъектности старшеклассника

Гущина Татьяна Николаевна^{1✉}, Селиванова Ольга Геннадьевна²

¹Доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодёжью ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», г. Ярославль.

²Кандидат педагогических наук, доцент, заместитель директора Волго-Вятского регионального научно-образовательного центра, г. Киров.

¹gushina2008@yandex.ru[✉], <http://orcid.org/0000-0002-1015-8093>

²selivanog@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1015-8093>

Аннотация. Статья содержит анализ отечественных и зарубежных исследований современной парадигмы образования, в контексте которой деятельность обучающегося является приоритетной. В связи со становлением обучающегося субъектом собственной деятельности возникает проблема изменения характера педагогической деятельности: от формирования и поддержки – к сопровождению. Как показал анализ исследований в России и за рубежом, проблема является актуальной и мало изученной. В статье раскрываются содержание и этапы разработанных и апробированных в семи регионах России авторских технологий педагогического сопровождения становления субъектности старшеклассника. Цель статьи заключается в характеристике сущности и обосновании эффективности представленных технологий в процессе их применения в образовательном процессе общего образования и дополнительного образования детей.

Методологической основой исследования стали идеи экзистенциального подхода, отстаивающего субъектную направленность человека; средового подхода, раскрывающего возможности использования среды в личностном развитии обучающихся; рефлексивно-средового подхода, разрабатываемого авторами статьи на основе идеи взаимодействия субъекта и среды с опорой на актуализацию процессов рефлексии; технологического подхода, представляющего технологию как научно и практически обоснованную систему оптимизирующей деятельности.

Основные результаты исследования заключаются в раскрытии сущности и осуществлении анализа эффективности технологий педагогического

сопровождения становления субъектности обучающегося старшего школьного возраста, а также в осмыслении отечественного и зарубежного опыта реализации современной субъектной парадигмы образования, выявлении сходных проблем. В статье доказывается, что технологии педагогического сопровождения становления субъектности старшеклассника являются эффективными и могут быть использованы в формальном и неформальном образовании.

Представленные в статье результаты апробации технологий педагогического сопровождения становления субъектности обучающихся старшего школьного возраста способствуют развитию таких их субъектных качеств, как социальная ответственность, самостоятельность, свободоспособность.

Ключевые слова: субъект; старшеклассник; субъектность обучающегося; педагогическое сопровождение; технология педагогического сопровождения; дополнительное образование детей; общее образование; рефлексивно-средовой подход

Для цитирования: Гущина Т. Н., Селиванова О. Г. Педагогическое сопровождение становления субъектности старшеклассника // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 123-140. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-123-140>

Original article

The pedagogical accompaniment of the development of the senior pupil 's subjectivity

Tatiana N. Gushina¹✉, Olga G. Selivanova²

¹Doctor of pedagogical sciences, professor of department of social pedagogy and organization of work with youth, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl.

²Candidate of pedagogical sciences, associate professor, deputy director of Volga-Vyatka regional scientific and educational center, Kirov.

¹gushina2008@yandex.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-1015-8093>

²selivanog@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1015-8093>

Abstract. The article contains an analysis of domestic and foreign studies of the modern education paradigm, in the context of which the activity of the student is a priority. In connection with the formation of a student's own activity, the problem arises of changing the nature of pedagogical activity: from formation and support to accompaniment. As the analysis of studies in Russia and abroad has shown, that the problem is topical and little studied. The article reveals the content and stages of the author's technologies of pedagogical accompaniment developed and tested in seven regions of Russia for the development of the senior pupil's subjectivity. The purpose of the article is to characterize the essence and justify the effectiveness of

the presented technologies in the educational process of general education and additional education of children.

The methodological basis for the study was the idea of an existential approach, that upholds the subjective orientation of human; an environmental approach, that reveals the possibilities of using the environment in the personal development of students; a reflexive-environmental approach, developed by the authors of the article on the basis of the idea of interaction between the subject and the environment, based on the actualization of the processes of reflection; a technological approach, representing the technology as a scientifically and practically justified system of optimizing activity.

The main results of the research consist in the disclosure of the essence and implementation of the analysis of the effectiveness of pedagogical accompaniment in the development of subjectivity of higher school age students, as well as in understanding the domestic and foreign experience in implementing the modern subjective education paradigm and identifying similar problems. The article proves, that the technologies of pedagogical accompaniment in the development of the senior pupil's subjectivity are effective and can be used in formal and informal education.

The approbation results of the pedagogical accompaniment technologies of the development of the senior pupil's subjectivity presented in the article contribute to the development of such subjective qualities as social responsibility, independence, freedom of will.

Keywords: subject; high school student; subjectivity of the student; pedagogical support; technology of pedagogical support; children's additional education; general education; reflexive-environmental approach

For citation: Gushina T. N., Selivanova O. G. The pedagogical accompaniment of the development of the senior pupil's subjectivity. *Social and political researches*. 2022;1(14):123-140. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-123-140>

Введение

Активизировавшиеся в современном обществе процессы национального самосознания, возрастание меры ответственности человека за страну и за свою судьбу создают благоприятные условия для развития субъектных качеств личности, определяющих меру ее свободы, гуманности, жизнотворчества и способствующих включению молодых

людей в социально значимую деятельность на основе осознанного выбора ценностей и целей.

Поскольку субъектность является значимым качеством обучающегося старшего школьного возраста, необходимо решать и задачи её развития как уровневой характеристики (Б. Г. Ананьев, В. И. Слободчиков) в процессе перехода из одного состояния в другое, более совершенное.

При этом, решать их с учетом развития основных социальных потребностей ранней юности в общении и уединении, достижении и поиске.

Однако пространство самоопределения большинства старшеклассников сегодня оказалось суженным: часто содержание общего образования не становится для них материалом развития собственной субъектности, а нагрузку, связанную с жизненным стратегированием, выполняют мифологемы, которые транслируют средства массовой информации и взрослые из ближайшего окружения юношей и девушек. Кроме того, жизненный опыт молодых людей недостаточен для оптимального разрешения ими возникающих трудностей (выбор образования, профессии и др.).

Как показал анализ образовательной практики, при проектировании и реализации образовательного процесса в большинстве случаев наиболее активен сам педагог. Определяя цели, содержание, методы и организационные формы обучения, он прежде всего руководствуется собственными представлениями о предстоящей деятельности, не заботясь о том, насколько это востребовано конкретным обучающимся. Для значительной части обучающихся учение утратило смысл, знания оказываются внешними по отношению к их реальной жизни. Одной из основных проблем современной школы является отчуждение ребенка от задаваемого ему образования, что ведет к снижению мотивации учения, гиперболизации формальных ценностей об-

разования (получение отметки, сдача экзаменов, поступление в образовательную организацию высшего образования).

В свою очередь, образовательные организации дополнительного образования детей характеризуются самостоятельностью в разработке образовательных программ с учётом запросов обучающихся, потребностей семьи, детских организаций, определения численного состава объединений и расписания занятий, права на ведение профессиональной подготовки и производственной практики обучающихся. Вместе с тем, дополнительное образование не всегда становится территорией взросления, социально-значимых дел юношей и девушек.

Проблема заключается в том, что педагогическая наука и образовательная практика нуждаются в теоретически обоснованных и апробированных технологиях, позволяющих эффективно сопровождать процесс становления субъектности старшеклассника как в условиях общеобразовательной организации, так и в системе дополнительного образования.

Цель исследования – раскрыть сущность и осуществить анализ эффективности технологий педагогического сопровождения становления субъектности обучающегося старшего школьного возраста.

Обзор литературы

Методологическую основу исследования составили:

– *экзистенциальный* подход, отстаивающий субъектную направленность человека (в философии – Ж.-П. Сартр, Э. Фромм, М. Хайдеггер; в психологии – Р. Мэй, К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, В. Н. Дружинин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Г. П. Щедровицкий; в педагогике – О. Ф. Больнов, Н. М. Борытко [Bergmann, 2014], О. С. Газман, О. С. Гребенюк, Г. К. Селевко). Теоретический анализ позволил рассматривать процесс становления субъектности обучающегося как проявление экзистенциальной потребности растущего человека в познании и преобразовании себя и окружающего мира;

– *средовой подход*, раскрывающий возможности использования среды в личностном развитии обучающихся (Ю. С. Мануйлов, Л. И. Новикова [Новикова, 1978], В. А. Ясвин);

– *рефлексивный подход*, призванный обеспечить изучение такой реальности, как рефлексия, и создать конструктивные возможности для использования полученных знаний о ней в педагогической практике (Н. Г. Алексеев [Алексеев, 2004], В. В. Давыдов [Давыдов, 1996], В. В. Рубцов [Рубцов, 2017]). В процессе исследования теория рефлексивного подхода обогащена выдвинутыми идеями и правилами: актуализация педагогом рефлексивного осмысления старшеклассником процесса принятия собственных решений; формирование образовательной среды, стимулирующей

процессы рефлексии; взаимовлияние рефлексивного и средового факторов; учет субъектных доминант старшеклассников и средовых детерминант в процессе развития субъектности обучающихся старшего школьного возраста;

– *технологический подход*, утверждающий идею о развитии субъектности обучающегося в разных видах деятельности (Л. В. Байбородова [Педагогические технологии: результаты ... , 2015], Е. В. Бондаревская [Бондаревская, 2000], В. А. Петровский, В. В. Сериков, В. А. Сластенин, В. В. Юдин [Педагогические технологии: результаты ... , 2015]). Эта идея нашла свое воплощение в технологии педагогического сопровождения развития субъектности старшеклассников в условиях общеобразовательной организации и системе дополнительного образования детей, позволила охарактеризовать ее этапы.

Анализ зарубежных исследований по проблеме показал, что часто непонимание учеными друг друга связано не со сложностью самих проблем, а с неоднозначным употреблением понятий. Так, для нашего исследования принципиально важно разведение таких понятий, как «индивид», «личность», «субъект». Проведенный нами анализ отечественных разработок показал, что большинство психологов наряду с развитием ребенка как природного существа (индивида) и как социального продукта (лично-

сти), рассматривают его в качестве результата саморазвития (субъекта). При переводе на английский язык, мы увидели явное смешение, вернее отсутствие какой-либо дифференциации в содержании данных понятий. Так, «Англо-русский словарь по психологии» предложил следующее толкование интересующих нас терминов:

Individual – личность, человек, индивид [Никошкова, 2010, с. 96].

Person – 1. человек, личность; 2. отдельный человек, индивид [Никошкова, 2010, с. 142].

Subject – 1. субъект, человек [Никошкова, 2010, с. 191].

Individuality – 1. индивидуальность; 2. личность [Никошкова, 2010, с. 96]

Причину данного явления мы открыли в статье Т. Д. Марцинковской, которая отмечает, что «нужно помнить о том, что российская психология в большей степени, чем европейская и североамериканская, была детерминирована социальной ситуацией, в которой творили наши выдающиеся ученые С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев. Естественно, что одна и та же социальная ситуация рефлексировалась учеными по-разному и приводила к различным научным концепциям... Отличие и в том, что здесь не вводится какая-либо специальная терминология для определения человека, но используется общий термин «person» [Марцинковская, 2013, с. 125].

Проведя анализ зарубежных исследований, мы пришли к выводу, что поиск новых подходов к обучению и преподаванию в новом столетии в зарубежной науке основан на *person-centered approach*. Так, 21–23 сентября 2014 года в Южной Африке состоялась международная конференция по теме “Rethinking Teaching and Learning in the 21st Century”, посвященная данной проблеме. В частности, профессор I. Sitwala в своей статье подчеркивает важность переориентации образования с деятельности педагога на деятельности обучающегося [Radulović, 2017].

Теоретические основания нового подхода заложены К. Роджерсом, А. Маслоу, основоположниками гуманистической психологии, и подавляющее большинство исследований основано на их идеях. Интерес к их научному наследию не иссякает. Так, статья К. Меррилл раскрывает эволюцию гуманистической психологии и то влияние, какое ее идеи оказывают в наши дни [Merrill, 2013]. Книга «Становление эффективного учителя» Л. Роджерс включает последние неопубликованные работы К. Роджерса и имеет жизненно важное значение для современных образовательных кризисов [Rogers, 2014]. В то же время Дж. Уолкер, анализируя состояние системы образования в США, сетует на то, что идеи К. Роджерса еще слабо представлены в образовательной практике [Walker, 2009].

Работа М. Хесс также основана на идеях К. Роджерса, в которой автор призывает изучать бытие растущей личности и стремиться к тому, чтобы окружающая среда вдохновляла и поощряла учащихся к деятельности [Hess, 2012]. У. Дойл [Doyle, 2009] и его коллеги [Brooks, 2004] также отмечают перспективность данного подхода в формировании системы совместных действий учителей и учащихся в процессе реализации индивидуальных ориентированных практик. В своем диссертационном исследовании Л. Пардингтон [Rogers, 2014] предлагает использовать ресурсы индивидуально-ориентированного планирования обучающимися своей деятельности при переходе с одной ступени обучения на другую. Т. Маккани, Б. Нэвилл в своем исследовании раскрывают значение *person-centered approach* для развития пространства между традиционной культурой и чужой запутанной культурой школы в условиях поликультурной образовательной среды современного образования [McCann, 2013]. *Person-centered approach* является теоретической основой для разработки таких эффективных педагогических технологий, как технология развития критического мышления [Radulović, 2017]), «перевернутое обучение» [Bergmann, 2014; Gasparič, 2017]).

К. Кайриакоу в своей книге, пережившей уже третье издание, раскрывает сущность индивидуализированных программ работы уча-

щихся, продолжающихся в течение нескольких часов или дней [Kyriaco, 2009]. Основным преимуществом такой индивидуализированной программы является то, что она позволяет обучающимся работать в своем собственном темпе и на своем собственном уровне.

Наиболее значимой работой, раскрывающей сущность *person-centered approach* является исследование А. Зуккони, в котором автор убеждает читателей в необходимости создать новую парадигму образования, с тем, чтобы образование могло удовлетворять потребности людей [Zucconi, 2015]. Образование, по его мнению, является одним из основных способов подготовки нового поколения в качестве активной и конструктивной части общества и является одним из основных носителей ценностей. В образовании, ориентированном на человека, ценности становятся ясными, что предполагает критическую и активную роль обучающихся и их эффективное обучение.

В отечественных исследованиях переход к новой парадигме образования связывается с тем, что важнейшие особенности различных аспектов педагогического процесса остаются не вскрытыми, не объясненными, без активного использования и педагогической интерпретации философских категорий – «субъект» и «объект». Теоретический анализ определений понятий «субъект» и «субъектность», а также составляющих субъектности, зало-

женных различными авторами, позволяет выделить ряд основных качеств человека, характеризующих его как субъекта с определённым уровнем развития субъектности, которую как качество личности можно описать некоторой совокупностью свойств [Гущина, 2012]. Основным способом бытия личности является развитие, выражающее важнейшую потребность человека как универсального родового существа постоянно выходить за свои пределы [Фельдштейн, 2011]. В этой связи субъектность как интегративное качество личности рассматривается нами в формате развития составляющих её компонентов. Контент-анализ понятия «субъектность обучающегося» показал необходимость уточнения данного понятия и позволил сформулировать собственное понимание сущности рассматриваемого феномена, которая заключается в развивающейся способности обучающегося самостоятельно ставить цели деятельности и достигать их на основе личностных смыслов. Мы определяем становление субъектности обучающегося как процесс постановки и достижения личностно и социально значимых целей на основе осознания им своих потребностей в познании и преобразовании себя и окружающего мира.

В процессе своего развития идея поддержки и уникальности каждой личности трансформировалась в идею педагогического сопровождения, которая приобрела системный характер на основе классификаций

видов сопровождения и категорий сопровождаемых (Е. А. Александрова, Н. М. Борытко, Т. Н. Гущина [Гущина, 2012], Б. В. Куприянов [Куприянов, 2009], С. Н. Чистякова [Чистякова, 2015]); а также сред, в которых осуществляется сопровождение (Ю. С. Мануйлов, В. А. Ясвин). Закономерным результатом накопления теоретических материалов и экспериментальных данных о педагогическом сопровождении (Е. А. Александрова, И. А. Липский, С. Н. Чистякова [Чистякова, 2015]) стало определение его как процесса развития субъекта, раскрытое в концепции экзистенциальной педагогики [Рожков, 2002]. На основе сравнения понятия «педагогическое сопровождение» с понятием «педагогическая поддержка» нами обоснована специфика педагогического сопровождения, которая заключается в его непрерывности, комплексном характере и опосредованности оказываемой помощи: на этапе разрешения проблемы старшекласснику предоставляется больше самостоятельности и ответственности, чем на уровне педагогической поддержки. В этом случае педагогическое сопровождение становления субъектности старшеклассников рассматривается в качестве разновидности комплексной поддерживающей педагогической деятельности.

Методы исследования

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования:

– *теоретические*: анализ (сравнительно-сопоставительный, ретроспективный, логический) нормативных документов, философской, психологической и педагогической литературы и диссертационных исследований; классификация, аналогия и системный анализ; педагогическое моделирование; праксиметрические методы; SWOT и PEST- анализ;

– *эмпирические*: анкетирование, лонгитюдное наблюдение, тестирование, метод экспертных оценок; эксперимент; метод диагностических ситуаций;

– *методы статистической обработки и качественного анализа результатов эксперимента*.

Для оценки результативности процесса становления старшеклассников в условиях общеобразовательной организации были выделены следующие критерии: *готовность к саморазвитию учебных способностей, готовность к самовоспитанию и готовность к самообучению*. В процессе исследования использовались следующие диагностические методики: «Способность самоуправления (тест ССУ)» Н. М. Пейсахов; «Методика исследования самоотношения» (тест-опросник МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантелеева; «Ценностные ориентации» М. Рокича.

В системе дополнительного образования были определены и обоснованы следующие признаки оценивания становления субъектности старшеклассников: *субъект-*

ность в сфере самосознания, субъектность в сфере предметной деятельности и субъектность в сфере общения. По основным показателям выделенных признаков была проведена психологическая диагностика с применением методик М. Рокича «Ценностные ориентации», В. Э. Мильмана «Мотивационная структура личности», В. Стефансона «Q-сортировка», Будасси по изучению самооценки, А. В. Карпова и В. В. Пономарёвой по изучению рефлексивности, шкалы «Субъективный контроль» Дж. Роттера.

Результаты исследования

Проведённое исследование выявило *универсальность* технологии педагогического сопровождения развития субъектности старшеклассников в системе общего и дополнительного образования, которая детерминирована положениями рефлексивно-средового подхода и задаёт основу практических действий в области развития субъектности обучающихся старшего школьного возраста, обеспечивая развитие активности, ответственности, рефлексивности молодых людей и осознанность ими ценностных ориентаций, и определена логикой последовательного движения субъекта-старшеклассника по ступеням: осознание проблемы – поиск вариантов решения – выбор варианта – реализация/проба – рефлексия/ анализ – преобразование – коррекция.

В условиях общеобразовательной организации учащиеся старшего

школьного возраста нуждаются в педагогическом *сопровождении* (педагог-консультант), под которым мы понимаем вид взаимодействия, помогающий обучающемуся установить границы своей свободы и ответственности в обучении, когда старшеклассник нуждается в заинтересованном наблюдении и поощрении его самостоятельности в решении проблем в обучении – «я знаю, что у меня не получается и как это исправить, но не уверен, что смогу».

Цель технологии педагогического сопровождения становления субъектности старшеклассника в условиях образовательной организации состоит в том, чтобы обеспечить возможность молодому человеку для удовлетворения своих образовательных потребностей, для

построения своей образовательной деятельности.

Содержание сопровождения состоит в оказании помощи обучающемуся при проектировании им образовательной деятельности по предмету (определении цели, отборе содержания учебного материала (углубление, расширение, систематизация), при определении сроков его изучения, форм контроля и самоконтроля.

Результатом совместной деятельности является достижение обучающимися лично и социально значимого результата учения.

Исходя из приоритетности деятельности обучающегося, мы разработали алгоритм деятельности старшеклассника и сопровождающей деятельности педагога (см. табл. 1).

Таблица 1.

Характеристика технологии педагогического сопровождения становления субъектности старшеклассника в условиях общеобразовательной организации

Деятельность старшеклассника	Деятельность педагога
Самодиагностика своих образовательных особенностей Постановка лично-значимых целей (за пределами ФГОС) и определение критериев их достижения Отбор содержания (расширение и / или углубление) учебного материала, выбор средств и сроков достижения поставленных целей Определение форм самоконтроля и самооценка результатов	Анализ результатов самодиагностики образовательных особенностей обучающегося Определение соответствия лично-значимых целей учения образовательным особенностям обучающегося и критериев их достижения Коррекция процесса отбора содержания учебного материала, средств и сроков достижения поставленных целей Определение форм контроля и оценки результатов деятельности

Эффективность использования данной технологии доказывает тот факт, что в результате эксперимен-

тального обучения получена позитивная динамика показателей становления субъектности обучающе-

гося в общеобразовательной деятельности на всех ступенях обуче-

ния, о чем свидетельствуют данные таблицы 2 (%):

Таблица 2.

Динамика становления субъектности старшеклассника в условиях общеобразовательной организации

	Уровень потенциальной субъектности		Уровень модусного проявления субъектности		Уровень атрибутивного проявления субъектности	
	До	После	До	После	До	После
Старшеклассники	29,7	27,4	46,8	44,8	23,5	27,8

Достоверность различий характеристик до и после экспериментального обучения равна 95 % по статистическому критерию хи-квадрат, что позволяет сделать вывод о том, что применение предлагаемого педагогического воздействия приводит к статистически значимым отличиям результатов.

Репрезентативный характер выборки и применение статистических методов обработки данных эксперимента позволяют нам с достаточной точностью констатировать, что становление субъектности обучающегося в образовательной деятельности эффективнее осуществляется при педагогическом сопровождении данного процесса. Объективным подтверждением сделанного вывода служат также следующие факты: разработка и реализация учащимися индивидуальных образовательных программ, победы в олимпиадах и конкурсах, участие в исследовательской и проектной деятельности.

В системе дополнительного образования в структуре разработан-

ной технологии мы выделяем этапы, которые соотносятся с проектированием и реализацией индивидуальной программы развития субъектности старшеклассника.

1. Этап осознания целей развития субъектности и необходимости педагогического сопровождения развития субъектности старшеклассников. Педагоги создают организационно-педагогические и психолого-педагогические условия для осознания старшеклассниками целей развития субъектности, для осмысления ценностей педагогического сопровождения, возможностей и ограничений развития субъектности, для обеспечения самонаблюдения и объективной самооценки старшеклассников; создают комфортную обстановку для педагогического взаимодействия; организуют знакомство (продолжение знакомства) старшеклассников с теоретическими аспектами и закономерностями в данном формате. Старшеклассники активно включены в процессы осознания ценностей, целей, возможностей развития собственной субъектности и

процессов сопровождения; включены в процессы самонаблюдения, самооценки.

2. *Диагностический этап.* Педагоги выявляют проблемы, изучают запросы, желания и интересы старшеклассников, свои возможности и особенности сопровождения; определяют наличные уровни субъектности старшеклассников и педагогического сопровождения, возможности образовательной среды дополнительного образования детей. *Старшеклассники* активно включены в диагностику, осознают значимость выявленных проблем и стремятся их разрешить.

3. *Конвенциональный этап.* Субъекты педагогического взаимодействия договариваются об условиях сопровождения, его границах и формах.

4. *Этап проблематизации.* Происходит обнаружение субъектами педагогического сопровождения и актуализация ими предмета педагогического сопровождения; выявление причин возникновения проблемы; обнаружение противоречия, формулировка проблемы. *Педагоги* проводят необходимые диагностические исследования.

5. *Мотивационный этап.* Педагоги актуализируют предстоящую деятельность по решению проблем, вместе со старшеклассниками уточняют её цели и предполагаемый конечный результат; определяют участие каждого субъекта педагогического сопровождения по достижению желаемого результата

в связи с индивидуальными интересами и притязаниями.

6. *Поисково-вариативный этап.* Педагоги и старшеклассники осуществляют совместный поиск вариантов решения проблем и договариваются о степени участия в данном процессе. *Педагог* отбирает педагогические средства и способы решения поставленных задач.

7. *Проективный этап.* *Старшеклассниками* совместно с педагогами осуществляется проектирование индивидуальных программ развития субъектности старшеклассников. *Старшеклассники* включаются в проектную деятельность по разрешению проблемы (трудности, задачи).

8. *Этап практической деятельности.* *Старшеклассники* реализуют индивидуальную программу развития субъектности. *Педагоги* совершают реальные или / и виртуальные действия по педагогическому сопровождению обучающихся; организуют педагогические условия для осознания старшеклассником собственной проблемной ситуации и содействия в ее преодолении. Разрабатывается необходимое для решения проблем методическое обеспечение; совершенствуется материальная база организации.

9. *Аналитико-рефлексивный этап.* Педагог организует процессы анализа и рефлексии. *Педагоги и старшеклассники* осуществляют совместный анализ и оценку достигнутого в решении проблем; прогнозируют возможности появ-

ления новых трудностей и путей их преодоления.

10. *Коррекционный этап.* Педагоги подбирают и применяют методы и формы коррекционной деятельности. Педагоги и старшеклассники совместно уточняют, корректируют, изменяют, пересматривают индивидуально- и системно-ориентированные программы развития субъектности старшеклассников.

В формате данного исследования мы охарактеризовали четыре уровня субъектности по основным

ее составляющим – досубъектный, субъектно-неустойчивый, субъектно-ориентационный, субъектный. В результате проведенного исследования развития субъектности по разработанным критериям и отнесения самими педагогами испытуемых к одному из обозначенных выше четырех уровней субъектности мы сравнили данные уровни на моменты начала работы федеральной инновационной площадки на базе Ярославского городского Центра внешкольной работы и ее завершения (см. табл. 3).

Таблица 3.

Динамика развития субъектности старшеклассников в системе дополнительного образования

Уровни Субъекты	Уровень досубъектный		Уровень субъектно-неустойчивый		Уровень субъектно-ориентационный		Уровень субъектный	
	Нач.	Завер.	Нач.	Завер.	Нач.	Завер.	Нач.	Завер.
Старшеклассники федеральной инновационной площадки	17,9 %	–	64,2 %	28,2 %	17,9 %	46,2%	–	25,6 %

Для сравнения показателей экспериментальной группы до и после эксперимента использовался критерий Т-Вилкоксона (программа для обработки данных – SPSS 13,0 for Windows). Выявлены статистически значимые различия по следующим показателям – *рефлексивность*: рефлексия общения ($z = - 2,115$; $p < 0,05$), общий уровень рефлексивности ($z = - 4,659$; $p < 0,001$) – повысились уровень рефлексии общения и общий уровень рефлексивности в

целом; *ценностные ориентации*: рационализм ($z = - 2,531$; $p < 0,05$) – значимость ценностной ориентации «рационализм» повысилась; *общительность* ($z = - 1,777$; $p = 0,076$) – уровень общительности повысился.

Заключение

Анализ научной литературы позволил нам рассмотреть педагогическое сопровождение как разновидность педагогической деятельности по созданию условий для развития субъектности старшеклассников в

образовательной среде общего образования и дополнительного образования детей, а педагогов – как ведущих средообразующих субъектов, способных к объединению ресурсов других социальных институтов в процессе сетевого взаимодействия с целью развития субъектности старшеклассников; и как людей, способных выступить в качестве тьюторов, сопровождающих разработку и реализацию старшеклассниками индивидуальных программ развития их субъектности и включающих обучающихся в рефлексивное взаимодействие. Педагогическое взаимодействие рефлексивно преломляется в деятельности самого старшеклассника по развитию субъектности (рефлексивно-средовой подход).

Представленные в статье результаты апробации технологии педагогического сопровождения становления субъектности обучающихся старшего школьного возраста в образовательной организации способствуют развитию таких их субъектных качеств, как социальная актив-

ность, ответственность, самостоятельность, свободоспособность.

Результаты на уровне развития субъектных качеств личности свидетельствуют об универсальности данной технологии в отношении её применения в средах общеобразовательной организации и организации дополнительного образования.

В ходе междисциплинарного анализа раскрыта сущность феномена педагогического сопровождения развития субъектности обучающегося старшего школьного возраста: это есть системное взаимодействие сопровождающего и сопровождаемого по созданию и актуализации педагогических условий для развития субъектности старшеклассника в процессе разрешения возникающих проблем им самим; в ходе проявлений его внутренних побуждений к осознанию собственных возможностей, к продуктивной деятельности с учетом субъектной доминанты обучающегося, приоритета средств рефлексии, актуализации ресурсов образовательной среды.

Библиографический список

1. Алексеев Н. Г. *Философские основания рефлексивного подхода. Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования* // под ред. А. В. Карпова, И. Н. Семенова, В. К. Солондаева. Москва, Ярославль : ИРПТиГО, 2004. С. 11-17.
2. Бондаревская Е. В. *Теория и практика личностно-ориентированного обучения* : монография. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского педагогического университета, 2000. 352 с.
3. Борытко Н. М. *Становление субъектной позиции учащегося в гуманитарном пространстве урока* : монография / Н. М. Борытко, О. М. Мацкайлова ; науч. ред. Н. К. Сергеев. Волгоград : Изд-во ВГИПКРО, 2002. 132 с.
4. Гущина Т. Н. *Педагогические основы развития субъектности старшеклассников в дополнительном образовании детей* : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2012. 350 с.

5. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. Москва : ИНТОР, 1996. 544 с.
6. Куприянов Б. В. Теория и методика социального воспитания учащихся в учреждениях дополнительного образования детей : монография. Кострома : Костромской областной институт развития образования, 2009. 424 с.
7. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности : монография. 3-е изд., доп. Москва : Смысл, 2007. 511 с.
8. Марцинковская Т. Д. Развитие человека в социальном пространстве // Материалы международной научной конференции «Человек, субъект, личность в современной психологии», посвященной 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского. 10-11 октября 2013 года. Том 1 / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е.А. Сергеев. Москва : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 125-128.
9. Мудрик А. В. Социально-педагогические проблемы социализации: монография. Москва : МПГУ, 2016. 310 с.
10. Новикова Л. И. Педагогика детского коллектива : монография. Москва : Педагогика, 1978. 144 с.
11. Педагогические технологии: результаты исследований Ярославской научной школы : монография / под ред. Л. В. Байбородовой, В. В. Юдина. Ярославль : ИД «Канцлер», 2015. 453 с.
12. Рожков М. И. Концепция экзистенциальной педагогики // Ярославский педагогический вестник. 2002. №4 (33). С. 1-15.
13. Рубцов В. В. Психология образования в интересах детей // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, №3. С. 2-18.
14. Селиванова О. Г. Методология и организация образовательной деятельности школьника : монография. Киров : Научное изд-во ВятГУ, 2017. 229 с.
15. Фельдштейн Д. И. Глубинные изменения современного детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования // Вестник практической психологии образования. 2011. №4. С. 3-12.
16. Чистякова С. Н. Профессиональное самоопределение: современный аспект // Профессиональное образование. Столица. 2015. №6. С. 2-7.
17. Bergmann J., Sams A. Flipped learning: gateway to student engagement, international society for technology in education // Center for educational policy studies journal. 2014. Vol.7. (3). P. 173-176. DOI: <https://ojs.cepsj.si/index.php/cepsj/article/view/293>.
18. Doyle W. Situated practice: A reflection on person-centered classroom management // Theory into practice. 2009. Vol. 48 (2). P. 156-159. DOI: <http://10.1080/00405840902776525>.
19. Gasparič R. P. 2017. Jonathan Bergmann and Aaron Sams, flipped learning: Gateway to student engagement, international society for technology in education // Center for educational policy studies journal. 2017. Vol.7.(3). P. 173-176. DOI: http://pefprints.pef.uni-lj.si/4837/1/CEPS_pp_173-176.pdf.
20. Hess M. Learning by being: A student-centered approach to teaching depth psychology // The person-centered Journal. 2012. Vol. 19 (1-2). P. 43-69. DOI: <http://adpca.org/journal>.
21. Kyriacou Ch. Effective teaching in schools. Theory and practice. Cheltenham, United Kingdom. 2009. P. 187. DOI: <https://www.docdroid.net/16AgUsp/effective-teaching-in-schools-theory-and-practice-third-edition-3rd-edition-prg.pdf>.

22. McCann T., Neville B. Person-centered teacher advocates as culture brokers // The person-centered journal. 2013. Vol. 20 (1-2). P.21-37. DOI: <http://adpca.org/journal>.
23. Merrill C. Reflections on humanistic psychology and the person-centered approach // The person-centered journal. 2013. Vol. 20 (1-2). P.69-79. DOI: <http://adpca.org/journal>.
24. Rogers, C. R., Lyon, H. C., Tausch, R. On becoming an effective teacher: person-centered teaching, psychology, philosophy, and dialogues with Carl R. Rogers and Harold Lyon. 1st Edition. New York. Routledge. 2014. P.245 DOI: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781135005511>.
25. Partington L. M. Using person-centered planning with children and young people. What are the outcomes and how is it experienced at a time of transition from primary to secondary school? // School of education, communication and language sciences, newcastle university. 2016. P. 82. DOI: <http://hdl.handle.net/10443/3431>.
26. Preparing to teach in secondary schools. A student teacher's guide to professional issues in secondary education // Edited by Val Brooks, Ian Abbott and Liz Bills. Bell & Bain Ltd, Glasgow. 2004. P. 373. DOI: <https://trove.nla.gov.au/work/7689053>.
27. Radulović L., Stančić M. What is needed to develop critical thinking in schools? // Center for educational policy studies journal. 2017. Vol.7. P. 9-26. DOI: <https://scholar.google.com/citations?user=9m72f9UAAAAJ&hl=en>.
28. Sitwala I. In search of a theory of teaching and learning for the 21st century. Rethinking teaching and learning in the 21st century. // Book of abstracts. African academic research forum. 2014. P.1. DOI: <http://aa-rf.org/wp-content/uploads/2014/10/SAICE-2014-Book-of-Abstracts.pdf>.
29. Walker M. T. This issue: A person-centered approach to classroom management // Theory into practice. 2009. Vol. 48 (2). P. 95-98. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00405840902775907>.
30. Zucconi A. Person-centered education. // Cadmus. 2015. Vol. 2 (5). P. 59-61. DOI: <http://cadmusjournal.org/article/volume-2/issue-5/person-centered-education>.

Reference list

1. Alekseev N. G. Filosofskie osnovanija refleksivnogo podhoda. Refleksivnyj podhod k psihologicheskomu obespečeniju obrazovanija = Philosophical foundations of a reflexive approach. Reflexive approach to psychological provision of education // pod red. A. V. Karpova, I. N. Semenova, V. K. Solondaeva. Moskva, Jaroslavl' : IRPTiGO, 2004. S. 11-17.
2. Bondarevskaja E. V. Teorija i praktika lichnostno-orientirovannogo obuchenija = Theory and practice of personal-oriented training : monografija. Rostov-na-Donu : Izd-vo Rostovskogo pedagogičeskogo universiteta, 2000. 352 s.
3. Borytko N. M. Stanovlenie sub#ektnoj pozicii uchashhegosja v gumanitarnom prostranstve uroka = Formation of the subject position of the student in the humanitarian space of the lesson: monografija / N. M. Borytko, O. M. Mackajlova ; Nauch. red. N. K. Sergeev. Volgograd : Izd-vo VGIPKRO, 2002. 132 s.
4. Gushhina T. N. Pedagogičeskie osnovy razvitija sub#ektnosti starsheklassnikov v dopolnitel'nom obrazovanii detej = Pedagogical foundations for the development of the subjectivity of high school students in additional education of children : monografija. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2012. 350 s.

5. Davydov V. V. Teorija razvivajushhego obuchenija Developmental learning theory. Moskva : INTOR, 1996. 544 s.
6. Kuprijanov B. V. Teorija i metodika social'nogo vospitanija uchashhihsja v uchrezhdenijah dopolnitel'nogo obrazovanija detej = Theory and methodology of social education of students in institutions of additional education of children' education: monografija. Kostroma : Kostromskoj oblastnoj institut razvitija obrazovanija, 2009. 424 s.
7. Leont'ev D. A. Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti = Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of sense reality : monografija. 3-e izd., dop. Moskva : Smysl, 2007. 511 s.
8. Marcinkovskaja T. D. Razvitie cheloveka v social'nom prostranstve = Human development in social space // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chelovek, sub#ekt, lichnost' v sovremennoj psihologii», posvjashhennoj 80-letiju so dnja rozhdenija A. V. Brushlinskogo. 10-11 oktjabrja 2013 goda. Tom 1 / otv. red. A. L. Zhuravlev, E. A. Sergeenko. Moskva : Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2013. S. 125-128.
9. Mudrik A. V. Social'no-pedagogicheskie problemy socializacii = Socio-pedagogical problems of socialization: monografija. Moskva : MPGU, 2016. 310 s.
10. Novikova L. I. Pedagogika detskogo kollektiva = Pedagogy of the children's team: monografija. Moskva : Pedagogika, 1978. 144 s.
11. Pedagogicheskie tehnologii: rezul'taty issledovanij Jaroslavskoj nauchnoj shkoly = Pedagogical technologies: research results of the Yaroslavl scientific school : monografija / pod red. L. V. Bajborodovoj, V. V. Judina. Jaroslavl' : ID «Kancler», 2015. 453 s.
12. Rozhkov M. I. Konceptija jekzistencial'noj pedagogiki = Concept of existencial pedagogy // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2002. №4 (33). S. 1-15.
13. Rubcov V. V. Psihologija obrazovanija v interesah detej = Psychology of education for children // Psihologo-pedagogicheskie issledovanija. 2017. T.9, №3. S. 2-18.
14. Selivanova O. G. Metodologija i organizacija obrazovatel'noj dejatel'nosti shkol'nika = Methodology and organization of schoolchildren's educational activities : monografija. Kirov : Nauchnoe izd-vo VjatGU, 2017. 229 s.
15. Fel'dshtejn D. I. Glubinye izmenenija sovremennogo detstva i obuslovlennaja imi aktualizacija psihologo-pedagogicheskikh problem razvitija obrazovanija = Profound changes in modern childhood and the resulting actualization of psychological and pedagogical problems of the education development // Vestnik prakticheskoy psihologii obrazovanija. 2011. №4. S. 3-12.
16. Chistjakova S. N. Professional'noe samoopredelenie: sovremennyy aspekt = Professional self-determination: modern aspect // Professional'noe obrazovanie. Stolica. 2015. №6. S. 2-7.
17. Bergmann J., Sams A. Flipped learning: gateway to student engagement, international society for technology in education // Center for educational policy studies journal. 2014. Vol.7. (3). P. 173-176. DOI: <https://ojs.cepsj.si/index.php/cepsj/article/view/293>
18. Doyle W. Situated practice: A reflection on person-centered classroom management // Theory into practice. 2009. Vol. 48 (2). P. 156-159. DOI: [http // 10.1080/00405840902776525](http://10.1080/00405840902776525)

19. Gasparič R. P. 2017. Jonathan Bergmann and Aaron Sams, flipped learning: Gateway to student engagement, international society for technology in education // Center for educational policy studies journal. 2017. Vol.7.(3). P. 173-176. DOI: http://pefprints.pef.uni-lj.si/4837/1/CEPS_pp_173-176.pdf.

20. Hess M. Learning by being: A student-centered approach to teaching depth psychology // The person-centered Journal. 2012. Vol. 19 (1-2). P. 43-69. DOI: <http://adpca.org/journal>.

21. Kyriacou Ch. Effective teaching in schools. Theory and practice. Cheltenham, United Kingdom. 2009. P. 187. DOI: <https://www.docdroid.net/16AgUsp/effective-teaching-in-schools-theory-and-practice-third-edition-3rd-edition-prg.pdf>.

22. McSann T., Neville B. Person-centered teacher advocates as culture brokers // The person-centered journal. 2013. Vol. 20 (1-2). P.21-37. DOI: <http://adpca.org/journal>.

23. Merrill C. Reflections on humanistic psychology and the person-centered approach // The person-centered journal. 2013. Vol. 20 (1-2). P.69-79. DOI: <http://adpca.org/journal>.

24. Rogers, C. R., Lyon, H. C., Tausch, R. On becoming an effective teacher: person-centered teaching, psychology, philosophy, and dialogues with Carl R. Rogers and Harold Lyon. 1st Edition. New York. Routledge. 2014. P. 245 DOI: <https://www.taylorfrancis.com/books/9781135005511>.

25. Partington L. M. Using person-centered planning with children and young people. What are the outcomes and how is it experienced at a time of transition from primary to secondary school? // School of education, communication and language sciences, newcastle university. 2016. P. 82. DOI: <http://hdl.handle.net/10443/3431>.

26. Preparing to teach in secondary schools. A student teacher's guide to professional issues in secondary education // Edited by Val Brooks, Ian Abbott and Liz Bills. Bell & Bain Ltd, Glasgow. 2004. P. 373. DOI: <https://trove.nla.gov.au/work/7689053>.

27. Radulović L., Stančić M. What is needed to develop critical thinking in schools? // Center for educational policy studies journal. 2017. Vol.7. P. 9-26. DOI: <https://scholar.google.com/citations?user=9m72f9UAAAAJ&hl=en>.

28. Sitwala I. In search of a theory of teaching and learning for the 21st century. Rethinking teaching and learning in the 21st century. // Book of abstracts. African academic research forum. 2014. P.1. DOI: <http://aa-rf.org/wp-content/uploads/2014/10/SAICE-2014-Book-of-Abstracts.pdf>.

29. Walker M. T. This issue: A person-centered approach to classroom management // Theory into practice. 2009. Vol. 48 (2). P. 95-98. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/00405840902775907>.

30. Zucconi A. Person-centered education. // Cadmus. 2015. Vol. 2 (5). P. 59-61. DOI: <http://cadmusjournal.org/article/volume-2/issue-5/person-centered-education>.

Статья поступила в редакцию 09.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 09.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научная статья

УДК 376.6

doi: 10.20323/2658-428X-2022-1-14-141-155

Изучение уровня развития потребности к самообразованию у будущих сотрудников ФСИН России

Зауторова Эльвира Викторовна^{1✉}, Кевля Фаина Ильинична²

¹Доктор педагогических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики»; ведущий научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», г. Вологда.

²Доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт ФСИН России», г. Москва.

¹elvira-song@mail.ru[✉], orcid.org/0000-0002-1334-2654

²<https://orcid.org/0000-0001-9603-6523>

Аннотация. Концепция непрерывного образования в современной России ориентирована на значительное расширение всего образовательного пространства, где вопросы самообразования и саморазвития личности являются первостепенными. Особенно актуальной является проблема развития навыков самообразования обучающихся в ведомственных организациях высшего образования для формирования стабильного высокопрофессионального кадрового состава уголовно-исполнительной системы, так как самообразование позволяет обеспечить осознанное развитие профессионально важных качеств личности.

Целью исследования явилось изучение уровня потребности к самообразованию у будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях ведомственного вуза. Задачи опытно-экспериментальной работы – проведение диагностики процесса самообразования обучающихся и изучение путей и способов организации процесса самообразования в ведомственном вузе. Базой исследования явилось ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН России». В исследовании принимали участие десять обучающихся третьего курса психологического факультета; была использована анкета «Потребность к самообразованию» С. В. Юдаковой, состоящая из трех частей, что позволило выявить способности обучающихся к развитию; факторы, стимулирующие и препятствующие самообразованию испытуемых, а также степень владения будущими специалистами навыками самостоятельной работы.

© Зауторова Э. В., Кевля Ф. И., 2022

Результаты анкетирования позволили выявить следующее: 20 % обучающихся набрали более 55 баллов и обладают высоким стремлением и мотивацией к самообразованию. Большая часть испытуемых, 50 %, набрали от 36 до 54 баллов и показали средний уровень стремления к самообразованию. Трое опрошенных – 33 % обучающихся – имеют низкий уровень развития потребности к самообразованию. Таким образом, полученные результаты позволили выявить, что будущие сотрудники уголовно-исполнительной системы обладают преимущественно средним и низким уровнем развития потребности к самообразованию. Следовательно, целесообразной является работа по организации процесса развития потребности к саморазвитию и формированию навыков самообразования обучающихся в условиях ведомственной образовательной организации высшего образования.

Ключевые слова: высшее образование; ведомственные организации; уголовно-исполнительная система; обучающиеся; самообразование; саморазвитие; развитие навыков самообразования

Для цитирования: Зауторова Э. В., Кевля Ф. И. Изучение уровня развития потребности к самообразованию у будущих сотрудников ФСИН России // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 141-155. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-141-155>

Original article

Study of the level of need development for self-education in future FSIN Russia students

Zautorova Elvira Viktorovna¹✉, Kevlya Faina Iliinichna²

¹ Doctor of pedagogical sciences, professor of department of legal psychology and pedagogy, Vologda Institute of Law and Economics; leading researcher at Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda.

² Doctor of pedagogical sciences, professor, senior researcher, Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow.

¹elvira-song@mail.ru✉, orcid.org/0000-0002-1334-2654

²<https://orcid.org/0000-0001-9603-6523>

Abstract. The concept of lifelong education in modern Russia is focused on significant expansion of the entire educational space, where the issues of self-education and self-development of the individual are paramount. The problem of developing the skills of student's self-education in departmental organizations of higher education for the formation of a stable highly professional staff of the penal system is especially urgent, since self-education allows them to ensure the conscious development of professionally important personality traits.

The aim of the study was to study the level of need for self-education among future employees in a departmental university. The tasks of the experimental work is diagnostics of the process of self-education of students and the study of ways and means of organizing the process of self-education in a departmental university. The study was based on the Federal State Educational Institution of Higher Education “Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia”. The study involved 10, 3-year students of the Faculty of Psychology; was used the questionnaire “The need for self-education” (by S. V. Yudakova), consisting of three parts: 1) it allows you to identify the ability of students to develop; 2) is aimed at identifying factors that stimulate and hinder the self-education of the subjects; 3) allows to identify the degree of proficiency in the skills of independent work by future specialists.

The results of the survey revealed the following: 20 % of students scored more than 55 points and have a high desire and motivation for self-education. Most of the subjects – 50 % – scored from 36 to 54 points and showed an average level of desire for self-education. Three respondents – 30 % of students have a low level of development of the need for self-education. Thus, the results obtained made it possible to reveal that future employees of the penitentiary system have, predominantly, an average and low level of development of the need for self-education. Consequently, it is expedient to work on organizing the process of developing the need for self-development and self-education skills of students in a departmental educational organization of higher education.

Keywords: higher education; departmental organizations; penal enforcement system; students; self-education; self-development; development of self-education skills

For citation: Zautorova E. V., Kevlya F. I. Study of the level of need development for self-education in future FSIN Russia students. *Social and political researches*. 2022;1(14): 141-155. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-141-155>

Введение

Концепция непрерывного образования в современной России ориентирована на постоянно изменяющиеся потребности как государства и общества, так и отдельной личности, незначительное расширение всего образовательного пространства [Пономарева, 2018]. В ходе реализации своей цели человек должен быть готовым к выполнению профессиональных задач,

то есть обладать высоким уровнем профессиональной компетентности, а для повышения данного уровня компетентности специалист должен заниматься самообразованием [Говоров, 2017].

Особенно актуальной является проблема развития навыков самообразования обучающихся в ведомственных организациях высшего образования, решение которой будет способствовать формированию

стабильного высокопрофессионального кадрового состава уголовно-исполнительной системы [Распоряжение Правительства ...].

Самообразование имеет давние и богатые традиции в образовательной практике. Знаменитыми самоучками были М. Горький, Л. Толстой, Ж. Руссо, Т. Эдисон. Из биографий этих людей можно познать историю самообучения и закономерности данного долговременного процесса [Татаринов, 2020]. В современной философской, социологической, психолого-педагогической литературе можно найти богатый материал теоретического порядка по различным направлениям личностного и профессионального развития специалиста и его саморазвития: К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, В. А. Болотов, Е. В. Бондаревская, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, И. А. Зимняя, В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломов, Е. И. Пассов, С. Л. Рубинштейн, В. В. Сериков, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн, Е. И. Шиянов, Д. Б. Эльконин, И. С. Якиманская и др.

Самообразование позволяет обеспечить осознанное развитие профессионально важных качеств личности [Гущина, 2021; Зауторова, 2021]. Согласованность процессов повышения квалификации и развития у специалиста профессионально важных качеств возможно, если он сам определит направление и выработает методику своего развития [Кухарев, 2010].

Это подтверждает то, что будущие сотрудники уголовно-исполнительной системы действительно должны быть включены в процесс самообразования и саморазвития, так как «самообразование на постоянной основе является определяющим активом жизни каждого современного человека» [Крутецкий, 2015, с. 123].

Целью нашего исследования является изучение потребности к самообразованию у будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в условиях ведомственного вуза.

Организация исследования по изучению потребности к самообразованию у обучающихся в ведомственных организациях высшего образования

Задачи опытно-экспериментальной работы:

1. провести диагностику процесса самообразования обучающихся в образовательной организации;
2. изучить пути и способы организации процесса самообразования будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы в образовательной организации.

Базой исследования явился Вологодский институт права и экономики федеральной службы исполнения наказаний России. В исследовании принимали участие 10 обучающихся данной образовательной организации высшего образования (третий курс, психологический факультет).

Для выявления способности и желания будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы

заниматься саморазвитием и самообразованием нами была использована анкета «Потребность к самообразованию» [Юдакова, 2010] в авторской редакции. Данная анкета состоит из трех частей.

Первая часть содержит 15 вопросов, позволяющих выявить способности обучающихся к развитию: 1) Я стремлюсь изучить себя; 2) Я оставляю время для развития, как бы ни был занят делами; 3) Возникающие препятствия стимулируют мою активность; 4) Я ищу обратную связь, так как это помогает мне узнать и оценить себя; 5) Я рефлексую свою деятельность, выделяя для этого специальное время; 6) Я анализирую свои чувства и опыт; 7) Я много читаю; 8) Я широко дис-

кутирую по интересующим меня вопросам; 9) Я верю в свои возможности; 10) Я стремлюсь быть более открытым человеком; 11) Я осознаю то влияние, которое оказывают на меня окружающие люди; 12) Я управляю своим профессиональным развитием и получаю положительные результаты; 13) Я получаю удовольствие от освоения нового; 14) Возрастающая ответственность не пугает меня; 15) Я положительно бы отнесся к продвижению по службе.

Вторая часть анкеты направлена на выявление факторов, стимулирующих и препятствующих самообразованию участников исследования (см. табл. 1).

Таблица 1.

Анкета для выявления факторов, стимулирующих и препятствующих развитию обучающихся

Оцените, пожалуйста, перечисленные ниже факторы по пятибалльной шкале: 5 – да (препятствуют или стимулируют); 4 – скорее да, чем нет; 3 – да и нет; 2 – скорее нет; 1 – нет.	
Препятствующие факторы	Стимулирующие факторы:
<ol style="list-style-type: none"> 1. Собственная инерция. 2. Разочарование из-за имевшихся ранее неудач. 3. Отсутствие поддержки и помощи в этом вопросе со стороны руководителей. 4. Враждебность окружающих (зависть, ревность и т. п.). 5. Состояние здоровья (усталость, утомляемость, недостаток сна и т. д.). 6. Недостаток времени. 7. Ограниченные ресурсы, стесненные жизненные обстоятельства 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Использование информационно-коммуникационных технологий. 2. Обучение в дистанционном формате. 3. Пример и влияние коллег / сокурсников. 4. Пример и влияние руководителей / преподавателей. 5. Организация дистанционного обучения в образовательной организации. 6. Внимание к данной проблеме руководителей / преподавателей. 7. Доверие. 8. Новизна деятельности, условия работы и возможность экспериментирования. 9. Занятия самообразованием. 10. Интерес к работе. 11. Возрастающая ответственность. 12. Возможность получения признания в коллективе

Третья часть анкеты направлена на выявление степени владения навыками самостоятельной работы будущими специалистами уголовно-исполнительной системы (см. табл. 2).

Таблица 2.

Анкета для определения степени владения навыками самостоятельной работы обучающимися ведомственного вуза

№ п/п	Критерии оценки	Самооценка
1	Работа с учебной, справочной, научно-методической литературой: подбор, анализ прочитанного, написание конспекта, тезисов	
2	Умение делать выводы по обзору литературы, выделять наиболее актуальные проблемы	
3	Сохранение информационного материала в памяти, воспроизведение необходимой информации по памяти	
4	Выделение главных, ключевых понятий в любом информационном материале, составление опорных схем изученной темы	
5	Самостоятельное усвоение педагогических и психологических понятий с помощью справочных материалов	
6	Систематизация, группировка изученных фактов, составление схем, графиков, таблиц	
7	Умение высказывать обоснованное суждение по проблеме, аргументировано доказать или опровергнуть суждение	
8	Самостоятельное выделение проблемы, теоретических и практических задач ее изучения	
9	Самоконтроль и самоанализ собственных действий при выполнении различных заданий	
10	Умение ставить цель, планировать свою работу, выделять время для работы по самообразованию	

Критерии оценки анкетирования: 1) Если испытуемый набрал более 55 баллов, отвечая на вопросы анкеты, то, следовательно, он активно реализует свои потребности в самообразовании и саморазвитии; 2) Если сумма баллов от 36 до 54 баллов, то это свидетельствует о том, что у обучающегося отсутствует сложившаяся система развития; 3) Если испытуемый набрал от 15 до 35 баллов, следова-

тельно, он находится в стадии остановившегося развития и не желает осуществлять процесс самообразования.

Результаты исследования уровня сформированности потребности обучающихся к саморазвитию

Далее нами были проанализированы результаты анкетирования, которые представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Уровень сформированности потребности обучающихся к самообразованию в условиях ведомственного вуза

Обучающийся	Первая часть анкеты – потребность в развитии	Вторая часть анкеты – факторы, стимулирующие и препятствующие самообразованию	Третья часть анкеты – навыки самостоятельной работы	Итого, баллы
Респондент 1	Я ищу обратную связь, так как это помогает мне узнать и оценить себя. Я широко дискутирую по интересующим меня вопросам. Я получаю удовольствие от освоения нового	+ Пример и влияние однокурсников. Доверие. Возможность получения признания в коллективе. – Усталость, утомление. Недостаток времени	Работа с учебной, справочной, научно-методической литературой: подбор, анализ прочитанного, написание конспекта, тезисов; самостоятельное усвоение знаний, научных понятий с помощью справочных материалов	57
Респондент 2	Я положительно бы отнеслась к продвижению по службе. Я верю в свои возможности. Я широко дискутирую по интересующим меня вопросам	+ Творческая деятельность в образовательной организации. Новизна деятельности. – Отсутствие поддержки и помощи в этом вопросе со стороны преподавателей. Недостаток времени	Работа с учебной, справочной, научно-методической литературой: подбор, анализ прочитанного, написание конспекта, тезисов; самостоятельное усвоение знаний, научных понятий с помощью справочных материалов	39
Респондент 3	Я стремлюсь быть более открытым человеком. Я осознаю то	+ Возможность получения признания в коллективе. – Усталость,	Самостоятельное усвоение знаний, научных понятий с помощью справочных материа-	40

Обучающийся	Первая часть анкеты – потребность в развитии	Вторая часть анкеты – факторы, стимулирующие и препятствующие самообразованию	Третья часть анкеты – навыки самостоятельной работы	Итого, баллы
	влияние, которое оказывают на меня окружающие люди	утомление. Недостаток времени	лов	
Респондент 4	Я стремлюсь быть более открытым человеком. Я осознаю то влияние, которое оказывают на меня окружающие люди	+ Творческая деятельность в образовательной организации. Новизна деятельности. – Отсутствие поддержки и помощи в этом вопросе со стороны преподавателей. Недостаток времени	Сохранение информационного материала в памяти, воспроизведение необходимой информации по памяти	37
Респондент 5	Я стремлюсь быть более открытым человеком. Я осознаю то влияние, которое оказывают на меня окружающие люди	+ Пример и влияние однокурсников. Доверие. Возможность получения признания в коллективе. – Усталость, утомление. Недостаток времени	Самостоятельное усвоение знаний, научных понятий с помощью справочных материалов	20
Респондент 6	Я ищу обратную связь, так как это помогает мне узнать и оценить себя	+ Пример и влияние однокурсников. Доверие. Возможность получения признания в коллективе – Усталость, утомление. Недостаток времени	Выделение главных, ключевых понятий в любом информационном материале, составление опорных схем изученной темы	58

Обучающийся	Первая часть анкеты – потребность в развитии	Вторая часть анкеты – факторы, стимулирующие и препятствующие самообразованию	Третья часть анкеты – навыки самостоятельной работы	Итого, баллы
Респондент 7	Я стремлюсь быть более открытым человеком. Я осознаю то влияние, которое оказывают на меня окружающие люди	+ Обучение на курсах. Интерес к работе – Ограниченные ресурсы	Выделение главных, ключевых понятий в любом информационном материале, составление опорных схем изученной темы	37
Респондент 8	Я ищу обратную связь, так как это помогает мне узнать и оценить себя. Я широко дискутирую по интересующим меня вопросам. Я получаю удовольствие от освоения нового	+ Пример и влияние однокурсников. Доверие. Возможность получения признания в коллективе. – Усталость, утомление. Недостаток времени	Работа с учебной, справочной, научно-методической литературой: подбор, анализ прочитанного, написание конспекта, тезисов	40
Респондент 9	Я ищу обратную связь, так как это помогает мне узнать и оценить себя. Я широко дискутирую по интересующим меня вопросам	+ Обучение на курсах. Интерес к работе. – Ограниченные ресурсы	Работа с учебной, справочной, научно-методической литературой: подбор, анализ прочитанного, написание конспекта, тезисов	20
Респондент 10	Я ищу обратную связь, так как это помо-	+ Обучение на курсах. Интерес к работе.	Выделение главных, ключевых понятий в любом	39

Обучающийся	Первая часть анкеты – потребность в развитии	Вторая часть анкеты – факторы, стимулирующие и препятствующие самообразованию	Третья часть анкеты – навыки самостоятельной работы	Итого, баллы
	хочет мне узнать и оценить себя. Я широко дискутирую по интересующим меня вопросам	– Ограниченные ресурсы	информационном материале, составление опорных схем изученной темы	

Результаты анкетирования позволили выявить следующее: 2 обучающихся – 20 % будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы, набрали более 55 баллов и обладают высоким стремлением и мотивацией к самообразованию. Среди потребностей в развитии они отметили такие факторы, как удовольствие от освоения нового, потребность в дискуссии, поиск обратной связи. Стимулирующими факторами самообразования отметили такие, как пример и влияние однокурсников, доверие, возможность получения признания в коллективе. Среди негативных факторов – состояние здоровья (общая усталость, переутомление), недостаток времени. У них выделены такие ключевые навыки самостоятельной работы, как работа с литературой справочного и научно-методического характера; усвоение педагогических и психологических понятий самостоятельно.

50 % опрошенных набрали от 36 до 54 баллов и показали средний уровень стремления к самообразованию. Они отметили такие потребности в развитии и саморазвитии, как обратная связь и возможность дискуссии. Стимулирующие факторы – обучение на курсах, а негативные – ограниченные ресурсы. Ключевые навыки самообразования – нахождение ключевых понятий и их выделение в представленном информационном материале, составление схем. 30 % будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы имеют низкий уровень развития потребности к самообразованию. Желание в развитии формируется под влиянием окружающих людей. Стимулирующим фактором названо только признание в коллективе, негативным – усталость; ключевым навыком является работа со справочной литературой. Полученные данные представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Результаты диагностики уровня развития потребности к самообразованию у обучающихся ведомственного вуза

Уровень развития	Обучающиеся
Высокий	20 %
Средний	50 %
Низкий	30 %

Таким образом, полученные результаты позволили выявить, что будущие специалисты уголовно-исполнительной системы обладают, преимущественно, средним и низким уровнем развития потребности к самообразованию. Следовательно, целесообразной является работа по организации процесса развития потребности к саморазвитию, навыков самообразования обучающихся в условиях ведомственной образовательной организации высшего образования.

Пути развития потребности к самообразованию у обучающихся

Для удовлетворения потребности личности к самообразованию необходимо создать благоприятные условия, так как уровень мотивации может играть значительную роль в стремлении к достижениям обучающегося: как можно лучше выполнить свои профессиональные задачи, проявить свои специальные способности и профессиональное мастерство на высоком качественном уровне и т. д. [Зауторова, 2021; 2021; Linkov, 2019].

Исходя из анализа опыта многих педагогов, в частности, Т. В. Рюминой [Рюмина, 2012], Н. В. Кухарева [Кухарев, 2010], Т. О. Гордеевой

[Гордеева, 2016] были выявлены основные психологически обусловленные факторы, которые влияют на развитие мотивации к самообразованию у обучающихся.

Таковыми факторами являются:

- возможность реализации личности в будущей профессиональной сфере как творческого специалиста (мотив самостоятельности);
- степень достигнутого успеха в социальной сфере, то есть возможность предоставить пути для распространения своих наработок и опыта (мотив самоутверждения);
- потребность видеть себя в качестве члена определенного коллектива;
- гарантия защиты на профессиональные права специалиста (мотив защищенности и стабильности) и т. д.

Самообразование будущего сотрудника уголовно-исполнительной системы характеризуется многогранностью и многоплановостью. В системе его самообразования в условиях обучения в ведомственной организации высшего образования основными направлениями являются:

- изучение новых нормативных актов и документов по вопросам исправления и воспитания осужденных в местах лишения свободы;

– использование учебной и научно-методической литературы;

– осознание новых достижений анатомии, физиологии пенитенциарной педагогики, пенитенциарной психологии и других наук;

– овладение новыми программами и педагогическими технологиями воспитания и коррекции личности;

– ознакомление с передовой практикой исправительных учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы;

– повышение общекультурного уровня [Вишневская, 2019; Сомов, 2019].

Самообразование обучающихся также может осуществляться различными способами: через дистанционное обучение, посредством самостоятельного изучения научно-популярной литературы, работы с периодическими изданиями, методической литературой; через участие в научно-практических конференциях, профессиональных олимпиадах [Ткаченко, 2002]. Продуктивной формой самообразования является работа в различных творческих объединениях, целевых группах, советах и собраниях, где проводятся различные тренинги, деловые или методические игры, в ходе которых будущие специалисты уголовно-исполнительной системы имеют возможность ознакомиться с материалом из различных областей наук, повысить свой теоретический уровень, освоить практические навыки и умения [Федулов, 2000].

Целесообразно также осуществлять планирование деятельности по темам самообразования на учебный год, изучать научно-методическую литературу по аспектам использования различных технологий в процессе самообразования и т. д., что будет способствовать формированию умений находить индивидуально необходимые знания [Копылова, 2015; Самообразование и саморазвитие ... , 2014; Experimental study of levels ... , 2019, с. 52–55].

Заключение

Таким образом, процесс самообразования представляет собой целенаправленную работу обучающегося для углубления и расширения теоретических знаний, совершенствования навыков и приобретения новых профессиональных умений. Самообразование помогает адаптироваться в меняющейся социальной и политической среде и вписываться в контекст происходящих событий. Обучающимся ведомственной образовательной организации следует постоянно знакомиться с нововведениями, пополнять профессиональный потенциал, повышать мастерство, так как профессия сотрудника уголовно-исполнительной системы предполагает непрерывное самообразование. В связи с этим необходима организация специальной работы по развитию потребности к самообразованию и саморазвитию у обучающихся вузов данного профиля.

Библиографический список

1. Вишневская Л. П. Самообразование как психолого-педагогическая проблема // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2019. № 16. С. 55–69.
2. Говоров В. А. Саморазвитие личности в современном мире / В. А. Говоров, Т. П. Авдеева // Психология и педагогика XXI века: теория, практика и перспективы : сб. мат. V Международной научно-практической конференции. Чебоксары : Изд-во, 2017. С. 210–212.
3. Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. Москва : Академия, 2016. 332 с.
4. Гущина Т. Н. От самоорганизации – к самоорганизованности: методический аспект // Ценностно-смысловые основания воспитания свободного человека : сборник статей международной научно-практической конференции / под науч. ред. Л. В. Байбородовой, Т. В. Макеевой, М. И. Рожкова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 23–27.
5. Зауторова Э. В. Практико-ориентированное обучение в образовательных организациях высшего образования ФСИН России / Э. В. Зауторова, Е. В. Бодрова // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 3 (55). С. 575–584.
6. Зауторова Э. В. Развитие творческих способностей курсантов как средство адаптации к будущей профессиональной деятельности / Э. В. Зауторова, Ф. И. Кевля // Психолого-педагогические аспекты становления развития сотрудника ОВД в условиях вузовской подготовки: межведомственная научно-практическая конференция : сборник научных трудов. Москва : Московский университет МВД Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2021. С. 218–220.
7. Копылова И. А. Самообразование педагога как условие профессионального роста // Теория и практика образования в современном мире : материалы VII междунар. науч. конф. Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. С. 51-54.
8. Крутецкий В. А. Психология. Москва : МоскЛит, 2015. 233 с.
9. Кухарев Н. В. На пути к профессиональному совершенству. Москва : Наука, 2010. 223 с.
10. Пономарева Г. М. Руководителю образовательного учреждения о работе с персоналом // Директор школы. 2018. № 6. С. 78–82.
11. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.
12. Рюмина Т. В. Эмоционально-чувственные факторы формирования мотивации учебной деятельности. Новосибирск : НГПУ, 2012. 22 с.
13. Самообразование и саморазвитие личности педагога : учебно-методическое пособие / сост. : О. Л. Шабалина, В. А. Светлова. Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2014. 104 с.
14. Сиденко Е. А. О некоторых теоретических аспектах формирования у работников образования мотивации достижения. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-teoreticheskikh-aspektah-formirovaniya-u-rabotnikov-obrazovaniya-motivatsii-dostizheniya>. (Дата обращения: 14.07.2021).
15. Сомов С. В. Самообразование обучающихся – инструмент активного профессионального развития // Молодой ученый. 2019. № 46 (284). С. 305–312.
16. Татаринов К. А. Самообразование в цифровом обществе /

К. А. Татаринов, Л. Е. Бовкун // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. №2(31). С. 42–44.

17. Ткаченко В. А. Формирование мотивации военно-профессиональной деятельности курсантов вуза. Челябинск, 2002. 207 с.

18. Федулов Б. А. Личностно-профессиональное развитие курсантов высших военных учебных заведений (аксиологический подход). Барнаул, 2000. 385 с.

19. Юдакова С. В. Профессионально-педагогическое самообразование: учеб. пособие. Владимир : ВГПУ, 2010. 131 с.

20. Experimental study of levels of preparation to self-educate future teachers of elementary school // Балканско научно обозрение. 2019. Т. 3. № 1 (3). С. 52–55.

21. Linkov A.Y., Klinkov G.T. Control-diagnostic studies as part of the vocational training of future teachers in technology and entrepreneurship // Балканское научно обозрение. 2019. Т. 3. № 2 (4). С. 41–44.

Reference list

1. Vishnevskaja L. P. Samoobrazovanie kak psihologo-pedagogicheskaja problema = Self-education as a psychological and pedagogical problem // Izvestija PGPU im. V. G. Belinskogo. 2019. № 16. S. 55–69.

2. Govorov V. A. Samorazvitie lichnosti v sovremenom mire = Self-development of personality in the modern world / V. A. Govorov, T. P. Avdeeva // Psihologija i pedagogika XXI veka: teorija, praktika i perspektivy : sb. mat. V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Cheboksary : Izd-vo, 2017. S. 210–212.

3. Gordeeva T. O. Psihologija motivacii dostizhenija = Psychology of achievement motivation Moskva : Akademija, 2016. 332 s.

4. Gushhina T. N. Ot samoorganizacii – k samoorganizovannosti: metodicheskij aspekt = From self-organization to self-organization: methodological aspect // Cennostno-smyslovye osnovanija vospitanija svobodnogo cheloveka : sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod nauch. red. L. V. Bajborodovoj, T. V. Makeevoj, M. I. Rozhkova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 23–27.

5. Zautorova Je. V. Praktiko-orientirovannoe obuchenie v obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovanija FSIN Rossii = Practical-oriented training in higher education organizations of the Federal Penitentiary Service in Russia / Je. V. Zautorova, E. V. Bodrova // Penitenciarnaja nauka. 2021. Т. 15. № 3 (55). S. 575–584.

6. Zautorova Je. V. Razvitie tvorcheskih sposobnostej kursantov kak sredstvo adaptacii k budushhej professional'noj dejatel'nosti = Developing the creative abilities of cadets as a means of adapting to future professional activities / Je. V. Zautorova, F. I. Kevlja // Psihologo-pedagogicheskie aspekty stanovlenija razvitija sotrudnika OVD v uslovijah vuzovskoj podgotovki: mezhvedomstvennaja nauchno-prakticheskaja konferencija : sbornik nauchnyh trudov. Moskva : Moskovskij universitet MVD Rossijskoj Federacii im. V. Ja. Kikotja, 2021. S. 218–220.

7. Kopylova I. A. Samoobrazovanie pedagoga kak uslovie professional'nogo rosta = Self-education of the teacher as a condition of professional development // Teorija i praktika obrazovanija v sovremenom mire : materialy VII mezhdunar. nauch. konf. Sankt-Peterburg : Svoe izdatel'stvo, 2015. S. 51-54.

8. Kruteckij V. A. Psihologija = Psychology Moskva : MoskLit, 2015. 233 s.

9. Kuharev N. V. Na puti k professional'nomu sovershenstvu = Towards professional excellence Moskva : Nauka, 2010. 223 s.

10. Ponomareva G. M. Rukovoditelju obrazovatel'nogo uchrezhdenija o rabote s personalom = Head of educational institution on work with personnel // Direktor shkoly. 2018. № 6. S. 78–82.

11. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29 aprelja 2021 g. № 1138-r Ob utverzhdenii Konceptcii razvitija ugovovno-ispolnitel'noj sistemy RF na period do 2030 g. = Decree of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r On approval of the Concept for the development of the penal system in the Russian Federation for the period until 2030

12. Rjumina T. V. Jemocional'no-chuvstvennye faktory formirovanija motivacii uchebnoj dejatel'nosti = Emotional and sensual factors of formation of motivation of educational activity. Novosibirsk : NGPU, 2012. 22 s.

13. Samoobrazovanie i samorazvitie lichnosti pedagoga = Self-education and self-development of the teacher's personality : uchebno-metodicheskoe posobie / sost.: O. L. Shabalina, V. A. Svetlova. Joshkar-Ola : Mar. gos. un-t, 2014. 104 s.

14. Sidenko E. A. O nekotoryh teoreticheskikh aspektah formirovanija u rabotnikov obrazovaniya motivacii dostizhenija = On some theoretical aspects of education workers formation of achievement motivation. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-teoreticheskikh-aspektah-formirovaniya-u-rabotnikov-obrazovaniya-motivatsii-dostizheniya>. (Data obrashhenija: 14.07.2021).

15. Somov S. V. Samoobrazovanie obuchajushhihsja – instrument aktivnogo professional'nogo razvitija = Self-education of students – an instrument of active professional development // Molodoj uchenyj. 2019. № 46 (284). S. 305–312.

16. Tatarinov K. A. Samoobrazovanie v cifrovom obshhestve = Self-education in a digital society / K. A. Tatarinov, L. E. Bovkun // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologija. 2020. №2(31). S. 42–44.

17. Tkachenko V. A. Formirovanie motivacii voenno-professional'noj dejatel'nosti kursantov vuza = Formation of motivation of military-professional activity of university cadets. Cheljabinsk, 2002. 207 s.

18. Fedulov B. A. Lichnostno-professional'noe razvitie kursantov vysshih voennyh uchebnyh zavedenij (aksiologicheskij podhod) = Personal and professional development of cadets in higher military educational institutions (axiological approach). Barnaul, 2000. 385 s.

19. Judakova S. V. Professional'no-pedagogicheskoe samoobrazovanie = Professional and pedagogical self-education : ucheb. posobie. Vladimir : VGPU, 2010. 131 s.

20. Experimental study of levels of preparation to self-educate future teachers of elementary school // Balkansko nauchno obozrenie. 2019. T. 3, № 1 (3). S. 52–55.

21. Linkov A.Y., Klinkov G.T. Control-diagnostic studies as part of the vocational training of future teachers in technology and entrepreneurship // Balkanskoe nauchno obozrenie. 2019. T. 3. № 2 (4). S. 41–44.

Статья поступила в редакцию 04.01.2022; одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.

The article was submitted on 04.01.2022; approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication on 10.02.2022.

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2022 – № 1 (14)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 19,5 п. л., 9,1 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 50. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 01.04.2022

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44